

The background of the entire cover is a dark, textured surface covered with faint, handwritten text in a cursive script, likely in Russian. A vertical pin with a decorative, spherical head and a small loop at the top runs through the center of the cover. At the bottom of the pin is a circular seal or stamp. The seal features a central emblem, possibly a coat of arms, surrounded by text in a circular border.

АНТИКВАР

А. БУШКОВ

Если вежливость — главное оружие вора,
то главное оружие антиквара — терпение

Annotation

Миллионы людей отроду не видели живого, настоящего шпиона. Точно так же они никогда не встретятся с живым антикваром. А общее между шпионом и антикваром то, что оба стремятся к максимальной конспирации, старательно притворяясь, что их не существует вовсе... Специфический мирок торговли антиквариатом не стремится к публичности и славе, вовсе даже наоборот. Представьте себе человека, чуть за пятьдесят, отсидевшего два срока; имеющего наколку на предплечье в виде медведя, сидящего на льдине. Один на льдине. Человек, который сам по себе на сто процентов: ни за тех, ни за этих... Человек этот фехтует французской дуэльной шпагой, может дать отпор банде отморожков и очень нравится девушкам. Знакомьтесь – Василий Яковлевич Смолин – антиквар. И случилась со Смолиным классическая коллизия из старого приключенческого романа, с таинственным напутствием на смертном одре, зарытым в глуши кладом и прочим бредом... Хотя очень скоро клад приобрел вполне определенные черты броневика, набитого золотом...

- [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6,](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Часть первая

Пещера Али-Бабы

– Дэви Уилсон, – начал он свое повествование, – был настоящим королем следопытов, рыщущих по всяким закоулкам, погребам и лавкам в поисках редких книг. У него было чутье ищейки и хватка бульдога.

Вальтер Скотт. Антикварий

Действующие лица романа вымышлены, всякое совпадение с реальными событиями объясняется случайностью.

Глава 1

Производственные хлопоты

Если вежливость – главное оружие вора, как утверждалось без особых на то оснований в одной классической кинокомедии, то главное оружие антиквара – терпение. И это уже утверждается с полным на то основанием. Терпение, как у сапера, отличие только в том, что сапер гораздо чаще ходит под смертью – хотя и в веселом антикварном бизнесе случается порой всякое...

А потому Смолин, временами приличия ради прихлебывая бледненький чай из пакетика, с величайшим терпением слушал очередное эпическое повествование старушки – со множеством совершенно ему ненужных мелких подробностей и третьестепенных деталей. На сей раз речь шла о том, как Фидель Кастро, в те былинные времена совсем молодой, прямо-таки рысцой бегал по мастерской тоже молодого в ту пору Феди Бедрыгина, с латиноамериканским темпераментом выпаливая комплименты, которые едва успевал переводить толмач с комсомольским значком, как юный вождь юной, с иголки, революции восторгался и даже руками всплескивал перед свеженьким полотном Бедрыгина, изображавшим полдюжины барбудос с самим собой, моментально узнаваемым, во главе. Как схватил кисточку и, в самый последний момент все же испросив разрешения творца, бережно обмакнул ее в красную краску и вывел короткую надпись в правом нижнем углу, на свободном месте. Толмач-комсомолист, напряженно приглядевшись, сообщил полупшепотом, что команданте Фидель письменно выразил восхищение невероятным сходством, завершив традиционным «Родина или смерть!». После чего Федя Бедрыгин ему эпическое полотно тут же подарил, совершенно безвозмездно, разумеется – ни одному комсомольцу шестидесятых и в голову не пришло бы заикаться о презренном металле, не те были люди, не то воспитание, не то время, не та страна... Тогда команданте Фидель, долго тиская художника в объятиях, чуть растерянно похлопал себя по карманам в раздумье, чем бы отдариться, – но о деньгах он тоже не думал, конечно, а регалий у юной республики пока что не имелось, и Фидель, недолго думая, сорвал с себя берет с красной звездочкой и нахлобучил на голову задохнувшегося от восхищения Феди. Уж как потом на этот исторический берет ни покушались идеологически выдержанные товарищи из музея, Федя его не отдал. Вот он, берет, самую

чуточку выцветший, висит себе на почетном гвоздике в углу...

Штука баксов, пожалуй, автоматически наклеил мысленно этикетку Смолин. Не более, но и не менее. Вещица вполне атрибутированная, факт дарения зафиксирован в паре-тройке печатных мемуаров, да и свидетельство старушки чего-то стоит. Вот только нечего и думать покуситься с коммерческими целями на историческую шапочку, мать твою...

Старушка разливалась курской соловушкой, обретая вид одухотворенный, воодушевленный, даже помолодела словно бы на изрядное количество годочков, вспоминая, как горячо поддакивал Фиделю товарищ Че, как Никита Сергеевич Хрущев, присутствовавший тут же (а как же!), топтался с туповато-триумфальным видом, порой вставляя словечко насчет советских самородков и кубинско-советского братства...

Смолин стоически слушал – а в голове у него со здоровым профессиональным цинизмом пощелкивал калькулятор, переводивший все, на что ни падал взгляд, в цифирки.

Как прекрасно известно посвященным, антиквариат – отнюдь не только усыпанные алмазами золотые табакерки, бесценные полотна, античные геммы и прочая умопомрачительно дорогая старина. Антиквариат, собственно говоря, – это все, что угодно. Лишь бы ему насчитывалось годочков с полсотни – а то и не более двадцати. Продать можно всё – поскольку желающие найдутся не только на золотой портсигар, но и на прозаичнейшую ученическую ручку с перышком времен снятия Хрущева, и на сами легонькие металлические перышки (масса разновидностей!), и на чернильницу-непроливашку тех же времен. Словом, на весь былой хлам, который когда-то вышвыривался в помойки с поразительной легкостью. А потому сегодня, к примеру, днем с огнем не найдешь, ну, скажем, железнодорожной кокарды с паровозиком на фоне пятиконечной звезды – хотя их когда-то нашлепано было, если прикинуть, миллионов несколько. За триста баксов не далее как вчера ушли железнодорожные погоны – это в Шантарске, а в Москве улетели бы и гораздо дороже. И так далее...

Комната, где Смолин сидел, являла собою склад антиквариата – недорогого, но обильного: и пластмассовые кошечки сорокалетнего возраста, и настольная лампа еще более почтенного года рождения, и металлический перекидной календарь, и вазочки-статуэтки (буквально за последний год цены на фарфоровый ширпотреб былых лет взлетели втрое и останавливаться не собираются)... да мало ли! Продать можно всё.

Но главное – картины покойного Федора Степановича свет Бедрыгина,

коих в просторной квартире, сопряженной с превращенной в мастерскую соседней (щедрый дар Никиты Сергеевича, сделанный под впечатлением кубинского восхищения), имелось преизрядно – а кроме них, этюды, наброски, линогравюры и прочие разновидности многолетних трудов мастера кисти...

Испокон веков повелось, что спрос на того или иного художника – вещь непредсказуемая, порой совершенно иррациональная. Не имеющая ничего общего с понятиями «гений» и «бездарность» – просто-напросто порой *бабахает* нечто, вызывающее дикий всплеск ажиотажа. Как это было во времена перестройки, не к ночи будь помянута, с направлением, известным как «соц-арт»: вся заграница с ума сходила от этого самого соц-арта, бешеные деньги выкидывали расчетливые западные дядьки – а потом мода как-то незаметно схлынула, и сгоряча купленное по бешеным ценам уже ни за что по таковым не продать. Точно так же влетели иные отечественные банкиры, за безумные деньги прикупившие себе что-то вроде Малевича: висеть-то оно висит, но за те же бабки хрен столкнешь...

Нечто вроде этого произошло и с покойным Бедрыгиным: внезапно, в результате совершенно непонятного уму процесса угодившего в струю. Дешевле чем за пять штук баксов картина средних размеров в столицу не уходит – а в Москве тамошние жуки накручивают еще процентов двести. Вот только спрос превышает предложение раз в несколько: процентов девяносто бедрыгинских полотен, имевшихся в Шантарске в частном владении, уже *высосано*, словно нехилым пылесосом, а те закрома, на которых, словно, прости господи, собака на сене, сидит бабушка Фаина Анатольевна, остаются недоступны... Потому что у бабули, изволите ли видеть, идеалы и убеждения, ничуть не изменившиеся с тех времен, когда по этой вот комнате носился экспансивный Фидель. И не нужны бабуле деньги, поскольку они, по большому счету, пошлость и грязь, и ничего ты с ней не поделаешь...

Утомился наш божий одуванчик, повествуя о временах теперь почти былинных, приутих, чаек стал прихлебывать... И Смолин, воспользовавшись паузой, крайне осторожно произнес:

– Фаина Анатольевна, вам бы, право, следовало написать мемуары. Вполне читабельно было б даже в наши непростые времена. Врут все, будто нынче успех имеют только детективы да порнушка, серьезная литература тоже в ходу... Но я не об этом сейчас, уж простите великодушно... Если вернуться к нашему старому разговору о продажах...

Он отставил чашку (тоже антиквариат из знаменитых некогда китайских сервизов с сиреневыми цветами, былой ширпотреб, но поди

нынче найди...), сделал паузу, глядя проникновенно, предельно честно, где-то даже наивно чуточку. Никак нельзя было *пережимать*.

Старушка отставила пустую чашку, ее сухая рученька поднялась в определенно непреклонном жесте – и ясно было уже, что очередной раунд проигран.

– Василий Яковлевич, – сказала престарелая вдова проникновенно. – Вы только не подумайте, что я к вам дурно отношусь... Уж поверьте, ничего подобного. Человек вы неплохой, я вам многим обязана, помогали, не отрицайте, совершенно бескорыстно... Но вы ведь, уж не посетуйте, в первую очередь – торговец...

– Да что там, Фаина Анатольевна, – сказал Смолин с грустью в голосе. – Скажите уж прямо – «торгаш». К чему церемониться с субъектом совершенно неинтеллигентской профессии...

– Ну что вы такое говорите! – воскликнула старушка с неподдельной обидой. – И вовсе я не собиралась вас оскорблять подобным словом... Помилуйте, с чего бы вдруг? Торговля антиквариатом – ремесло старое, вполне почтенное, отмеченное классиками, Вальтера Скотта хотя бы взять... Я совершенно не в уничижительном смысле, голубчик! Просто... Как бы это выразиться... Жизненные стремления у нас с вами диаметрально противоположные, согласитесь. Смотрим каждый со своей колокольни, со своего шесточка. Вам, что понятно и вполне оправданно, хотелось бы взять все это и побыстрее продать...

– Немаловажное уточнение, – сказал Смолин нейтральным тоном. – Деньги, Фаина Анатольевна, пошли б вам большей частью, а мне от сих негодий достался бы не особенно и большой процент...

– Кто бы сомневался, – сказала старушка. – Я вас никогда и не подозревала в попытках обмануть бедную старуху... Тут другое, Василий Яковлевич. Во-первых, деньги мне не особенно и нужны – в мои-то печальные годы, при полном отсутствии наследников и близких... Во-вторых, что важнее, если вы начнете продавать картины, вы их *разбрасываете* по стране. Верно ведь? Разлетятся во все концы бывшей великой и необъятной... У вас ведь нет покупателя, готового купить все Федино творческое наследие с намерением никогда его не разделять?

– Нет, – признался Смолин.

– Вот видите... Вам, быть может, все эти высокие слова и смешны, но я, дорогой мой, чувствую себя обязанной Федино наследие сохранить в неприкосновенности и целостности. Федю никак нельзя поставить рядом с *великими*, но все же, согласитесь, он – из мастеров незаурядных... И никогда я не пойду на то, чтобы наследие *разбросать* ... Все должно

сохраниться в целостности.

– Я вас прекрасно понимаю и не спорю, – сказал Смолин. – Не думайте, будто я не понимаю... Но если мы будем реалистами, Фаина Анатольевна... Суровыми реалистами, увы... Ведь при этом автоматически возникает вопрос: куда ... Простите за некоторый цинизм, но вы ж не вечны... Я это говорю не с превосходством, а с полным пониманием: мне пятьдесят четыре как-никак, наличествуют и хвори, и звоночки, так что сам не из бодрых юношей... Наследников, вы сами признаете, нет. Случись что – не дай бог, не дай бог! – все это, – он сделал плавный широкий жест, – отойдет государству, то есть практически никому. А государство... Я о государстве, признаюсь, не самого лучшего мнения. В первую очередь оттого, что государство высоко летает и к мелочам не снисходит. Это мы с вами понимаем, что значат эти картины, а вот поймет ли случайный чиновник, занятый осмотром бесхозного имущества... Я торговец, торгаш, чего уж там – но я-то, Фаина Анатольевна, по крайней мере прекрасно осознаю, чем торгую, а вот равнодушные нынешние клерки ... Тысячу раз простите, что я затронул столь деликатные вопросы...

– Ну что вы, – сказала старушка с грустной, отстраненной улыбкой. – Все правильно, все логично. Я и сама знаю, что *пора*. Задумывалась не раз. В самом деле, музей наш коллекцию брать отказался, ибо помещениями не располагает...

Смолин скорбно, с самым искренним сочувствием покивал. Старушка о потаенных пружинах такого решения конечно же ведать не ведала. Но причина-то, если наедине с самим собой, в том, что директор музея, лет двадцать собиравший нагрудные знаки Российской империи, перед парочкой подsunутых Смолиным уникумов конечно же не устоял. Обошлось это Смолину штуки в три баксов, зато директор (пусть и презирая себя чуточку в глубине души), так и будет отговариваться перед старушкой нехваткой помещений и десятком других причин...

– Я слышал, – сказал Смолин. – А власти наши, увы, индифферентны и финансировать создание музея здесь никак не собираются...

– Увы...

– Вот видите, – сказал Смолин предельно осторожно, старательно подпуская в голос грусти, даже печали. – И возникает дилемма – быть может, лучше все же продать картины, чем подвергать их риску гибели... Так они, по крайней мере, попадут в хорошие руки, пусть и поодиночке. А если... Мне невыносимо думать, что картины могут пропасть. Нельзя же тридцать лет торговать антиквариатом и не *проникнуться*, не картошка ж со свеклой, право...

– Я нисколько не сомневаюсь в ваших побуждениях, – сказала старушка. – Эта тревога делает вам честь, Василий Яковлевич. Но не все так печально, знаете ли. Есть варианты...

– То есть?

Она бледно улыбнулась. В голосе звучало даже некоторое торжество:

– Представьте себе, появилась возможность создания музея на основе мастерской... Только подробностей я вам пока не открою, и не просите – и потому, что меня настоятельно просили, и из чистого суеверия...

Будто над ухом выпалили из парочки стволов! Смолин подобрался, как волк перед прыжком, но внешне это, конечно, никак не проявилось, поза осталась столь же небрежной, а выражение лица – столь же безмятежным. Мысли прыгали лихорадочно. Означает ли это, что бабуку кто-то *обхаживает*? Невозможно ж поверить, что у городских чиновников вдруг ни с того ни с сего вспыхнуло наконец желание бескорыстно уберечь нешуточные культурные ценности – не замечалось за ними отроду такого альтруизма и филантропии. Кампаний по сбережению культурного наследия Шантарска не намечается, никто, облеченный властью, ситуацией не озабочивался, сверху указаний не поступало... Ох, не нравится все это... Но бабульку пытаться бесполезно, уж ежели интеллигентка старого закала дала кому-то слово держать все в тайне, так и будет...

– И даже намекнуть не можете?

– Не могу, Василий Яковлевич, уж простите...

– Ну что ж, – сказал он по-прежнему бесстрастно. – С одной стороны, я даже рад, честное слово, что ничего с картинами не случится и беспокоиться о их судьбе не следует... С другой... Вы уверены, что здесь нет авантюры, мошенничества, тому подобного?

– Смею думать, – сказала старушка с безмятежным видом. – Смею думать...

– Вы, главное, постарайтесь не сделать опрометчивых шагов... Помните, что я всегда готов выступить консультантом, советчиком, кем угодно. Бесплатно, без тени выгоды, вы же понимаете. Нельзя все время думать о выгоде...

– Василий Яковлевич, вот придет время, я к вам непременно обращусь, – заверила старушка. – Не сомневайтесь.

– Приятно слышать... – сказал Смолин. – Вот кстати, а как у вас с *кнопочками*?

– Ох... – на сморщенном старушечьем личике отразилось явственное смущение. – Я их снова куда-то засунула, обе...

– Фаина Анатольевна... – не сдержавшись, поморщился он. – Ну что ж

вы, право... Поищите и не прячьте далеко, ну мало ли... Я вас умоляю!

– Ну хорошо, хорошо, посмотрю...

Она тяжело встала с кресла (дореволюционных времен, реставрированное самим Маэстро, две штуки баксов как минимум), подошла к серванту и принялась неторопливо выдвигать ящички. Смолин, пользуясь тем, что бабуля стояла к нему спиной, тяжело вздохнул, уставясь в потолок. Это была его собственная инициатива, осуществленная за собственные деньги (невеликие) – передатчик на балконе, автономное питание на случай отключения электричества, два брелока с кнопками, в случае чего машина с вооруженными молодцами одного из охранных агентств появится у дома через пару минут. Фаина свет Анатольевна до сих пор считает, что это совершенно бесплатно постарались городские власти – ну и пусть...

Он устало, уныло смотрел в окно: живописные сосны, широкая река, за рекой круто вздымаются склоны, поросшие дикой тайгой. Город-спутник Шантарска, построенный когда-то исключительно ради ГЭС, и обитали тут большей частью комсомольцы-энтузиасты: барды-бакенбарды, романтика шестидесятых, искренняя вера в высокие идеалы и все такое прочее. Даже теперь, после двадцати годочков перестройки, аура эта дает о себе знать – город практически не разрастался, и постаревших комсомольцев-энтузиастов, и ныне не растерявших ностальгической веры в идеалы, тут пруд пруди. Фаину Анатольевну взять. И поди ты ей объясни реалии эпохи: ежели в квартире собрано живописи тысяч на триста баксов (и это по шантарским, не по столичным ценам!), а обитает в ней лишь бабуля – божий одуванчик, не обремененная постоянной охраной из пары автоматчиков в прихожей то рано или поздно, к гадалке не ходи, обязательно отыщутся беззастенчивые ухари... Просто удивительно, что их не отыскалось до сих пор, – Сибирь все же, не столица...

Задремезжал звонок. Не оборачиваясь, старушка попросила:

– Василий Яковлевич, не считите за труд...

Направляясь в прихожую, он опустил руку в карман легкой куртки и мимолетно коснулся пальцами шокера – на всякий случай, из предосторожности, неожиданные звонки в квартиру, откуда можно вынести триста тысяч баксов, знаете ли, порой чреваты, и лучше перебдеть, чем недобдеть...

Он очень надеялся, что его честная, открытая физиономия так и осталась бесстрашной. Хотя удивляться было чему: на площадке в компании какого-то длинноволосого молодого человека стояла Дашенька Бергер. Ничем вроде бы не примечательное двадцатилетнее смазливое

создание в легких брючках и белом топике, с голым по нынешней моде животиком и серебряным шариком пирсинга на левой ноздре. Третий курс института искусств, звезд с неба не хватает, талантами не блещет и в великие оперные певицы вряд ли выбьется, это вам не Хворостовский. Девка как девка, неплохо было бы, конечно, отодрать вдумчиво и неторопливо, и это все, что можно о ней сказать...

Вот только это юное аппетитное создание – родная внучка шантарской живой легенды, коллекционера номер один Никифора Степановича Чепурнова по кличкам Кащей и Капкан: первая дана за возраст, восемьдесят четыре годочка, а вторая за хватку, почти не ослабшую с годами.

Галантно ей улыбнувшись, Смолин посторонился, пропуская в квартиру ее и спутника, – ну да, длинноволосый юнец *скрипичного* вида, судя по трехцветному юбилейному значочку на рубашке, тоже, не исключено, питомец института искусств. В голове бурлила суцая катавасия. Дашенька до сих пор в интересе к антиквариату не замечена, никак в этой тусовке не светилась, но если учесть, чья внучка... Если вспомнить прозвучавшие только что намеки на некоего неведомого благодетеля, озаботившегося созданием музея на дому... Что же, Кащей к бабулечке лапы тянет? Сдал Кащей в последнее время, годы все же берут свое, чего стоит хотя бы весенняя история, когда он, не разглядев толком *чекухи*, принял за советскую работу подстаканник Фаберже (ширпотреб для своего времени, но все же производства Фабера ширпотреб!) – и был сей подстаканник выставлен на продажу за пять тысяч шестьсот рублей и через полчаса куплен знатоком, не поленившимся изучить клеймо. И летняя история с австрийским пробным талером, и казус с польской сабелькой... Сдал Кащей, чего уж там, крупно лагается порой, но в полный и окончательный маразм еще не впал, не потерял хватки... Что же, эта старая паскуда положила глаз на мастерскую? Иначе зачем тут Дашенька? Очень интересно...

За спиной раздавалось приветственное щебетанье-чмоканье. Судя по услышанному, девица тут была не впервые и с хозяйкой находилась в самых теплых отношениях. Смолин заглянул в комнату – Дашка извлекала из большого пластикового пакета разнообразные варенья-печенья... Ага, юные тимуровцы благородно шефствуют над одинокой старушкой, для чего тащились в этот патриархальный городок двадцать верст из Шантарска. А еще говорят, что молодежь современная лишена бескорыстной душевности. Деликатесов, если прикинуть, на пару штук, уж не старушка ж с ее убогим пенсионом их за продуктами посылала...

Категорически не верилось в версию о бескорыстных тимуровцах, и все тут! Неужели Кащей...

Поймав на себе вежливо-пытливый взгляд длинноволосого, Смолин опомнился и, придавая лицу совершеннейшую бесстрастность, слегка поклонился:

– Василий Яковлевич...

– Михаил, – столь же вежливо представился юнец.

Интеллигентная рожица, следует отметить, явно происходит не из Ольховки с тамошними даунятами, тут порода чувствуется...

Поскольку говорить далее вроде было не о чем, они отвели глаза, и Смолин сразу подметил, что на лицах обеих дам, и старой, и молоденькой, появилось некоторое напряжение. Относившееся явно к его персоне, тут и гадать нечего. Точно, подумал он, *щупальца* Касея, не утратившие, несмотря ни на что, прежней цепкости. Как-никак триста тысяч баксов, знаете ли. Интересно, как старый черт намерен своего добиться? Этот волосатый и эта голопузая стервочка, конечно, ребятки современные, но неужели настолько, чтобы придушить бабушку подушкой? Нет, *такого* Касея все же замышлять не станет, *прямой* уголовщины он всю жизнь сторонился, поневоле ходил только под теми статьями УК, что любого антиквара-коллекционера сопровождают чуть ли не с колыбели... Тут что-то другое... что? Как все это можно оформить так, чтобы комар носу не подточил после кончины бабули? Культурные фонды, общественные организации, доверенности... да черт побери, после смерти старушки в музее может в два счета произойти пожар по причине ветхой проводки, и гадай потом, *что* именно сгорело... Самый простой вариант – и на мокруху не идешь, и не заморачиваешься *хитрым* юридическим оформлением. Надежнейший вариант. Взять хотя бы полотно великого мастера под названием «Даная», которое некий псих еще в советские времена уделал кислотой. Все признают, что нынешняя картина, выставленная в музее, – реставрация, новодел чуть ли не на девяносто девять процентов. А вот отдельные циники до сих пор промеж своих с ухмылочкой задаются простым вопросом: а где, собственно, доказательства, что нынешняя «Даная» и прежняя, до кислотного дождя, – одно и то же полотно? Нету таких доказательств и быть не может, что характерно...

Чтобы не усугублять неловкость, он сказал торопливо:

– Фаина Анатольевна, простите великодушно, надо бежать... Дела.

– До свиданья, голубчик, – с явным облегчением откликнулась старушка. – Заходите, не забывайте, всегда буду рада видеть...

Спускаясь по лестнице, Смолин упрекал себя за то, что упустил самую

простую возможность прояснить темные места: следовало уже давно, не мудрствуя, установить старушке микрофон в этой самой гостиной. Хотя бы на высоченный шкаф, откуда черт-те сколько лет, он прекрасно знал, не сметалась пыль. Вовсе не обязательно добывать по диким ценам нечто суперкрохотное, импортное: шантарские умельцы давным-давно клепают не менее надежные, весьма даже дешевые приспособления. Коробочка размером с карамельку, из нее торчит проводок длиной в пару сантиметров – и в радиусе ста метров можно будет слушать все разговоры в гостиной по самому обычному транзистору. Следует завтра же нанести бабушке Фаине очередной визит и...

Вынимая на ходу сигарету, досадливо крутя головой, он подошел к довольно-таки простецкой «тойоте». Все окна были опущены, табачный дым валил наружу, верная команда терпеливо ждала.

– Кащеева Дашка подъехала, – сказал Шварц. – С каким-то ботаником. Ботва до плеч, сам...

– Я знаю, – сказал Смолин. – Стоп... На чем подъехала?

– А вон, – Шварц кивнул в сторону притулившейся неподалеку вишневой «восьмерки», не новой, но достаточно ухоженной. – Ботан за рулем.

– Понятно, – кивнул Смолин. – Поскучайте-ка еще чуток, я пост проверю...

Он широкими шагами направился к двухэтажному деревянному домику, потемневшему от времени (помнившему и Фиделя, и Никитку, определенно), взбежал на второй этаж по скрипучей узкой лестнице, постучал в обитую потрепанным дерматином дверь.

Секунд через десять изнутри настороженно поинтересовались:

– Ктой-то?

– Яй-то, – сказал Смолин. – Отворяй, Кузьмич, живенько...

Скрежетнул ключ, потом заскрипел засов, потом звякнула цепочка, дверь распахнулась с противным визгом, и на пороге возник старикашка в толстенных шерстяных носках и давным-давно отмененном в армии обмундировании: галифе и гимнастерка п/ш, то бишь «полушерстяные», все мелкие, начищенные пуговицы аккуратно застегнуты до самой верхней (хотя ворот и должен ощутимо резать шею), форма без погон тщательно отглажена, талия перетянута ремнем совершенно по-уставному, так что лишь два пальца и пройдет, никак не более. Старикан был ветхий, но из породы живчиков. Хромовые прохоря, безукоризненно надраенные, стояли у порога, орденские планки на гимнастерке начищены, тонкий плексиглас без малейшей царапинки. Вот только понимающий человек сразу

определит, что ленточки принадлежат регалиям *мелким*– полный набор «за безупречную службу», все юбилейки мирного времени и прочие «трудовые отличия» с «трудовыми доблестями». Ордена, разумеется, ни единого: откуда ордена у старого вертухая?

– Смазал бы ты щеколды, что ли... – поморщился Смолин. – Выдать копеечку на масло?

– Ничего подобного, товарищ командир! – отрезал старикан. – Когда все скрипучее, вмиг услышишь, если полезет кто-то...

– А зачем к тебе лезть, сокол ясный? – лениво поинтересовался Смолин, без церемоний проходя в комнатку. – Сокровищ не накопил, капиталов не имеешь...

– Времена нынче предельно криминогенные, – гладко ответил Кузьмич. – А изобретательность преступного элемента известна не понаслышке. Опыт имеем, знаете ли... Повышенная бдительность – не фигура речи и не преувеличение, а насущная предосторожность...

– Ладно, ладно... – проворчал Смолин.

Он взял с узкого подоконника черный десятикратный бинокль, чуть отступил в глубь комнаты и перенастроил окуляры по своим глазам. Блочная пятиэтажка была от барака всего-то метрах в сорока, а теперь, вооружившись оптикой, Смолин и вовсе видел гостиную бабушки Фаины так, словно стоял на балконе ее дома. Картина наблюдалась самая идиллическая – вся троица восседала за столом, только что начавши гонять чай с теми самыми вареньями-печеньями. О чем они там беседуют, было, разумеется, не понять, не умел он читать по губам – но сразу видно, что разговор самый беспечный: сидят люди, давно друг друга знающие, чирикают улыбчиво, спокойно, о вещах наверняка мирных и приятных... Точно, на неделе же всажу микрофон, подумал Смолин, кладя бинокль на подоконник. Законный процент с трехсот тысяч баксов – это сумма, ради которой и сдавший в последние годы Кашей трезвый рассудок сохранит елико возможно дольше...

– Журнал наблюдений, – отрапортовал Кузьмич, подавая ему знакомую тетрадку. – Как уже отмечено, не имея возможности определять, кто именно входит в квартиру к *объекту*, и фиксируя таковых лишь в случае незадернутых штор посредством оптики, запечатлеваю, согласно указанию, номера машин, имевших остановиться у подъезда, равно как и лиц, туда входящих...

Смолин бегло изучил достижения прошедшей недели: одни обозначены как «жилец» или «жиличка», другие охарактеризованы двумя-тремя фразами – нужно признать, достаточно профессионально, нехилую

свою зарплатку Кузьмич отрабатывал качественно. Номера машин... А если вернуться на месяц назад...

Ах ты ж, мать твою... Впервые вишневая «восьмерка», стоящая сейчас идиллически у подъезда, зафиксирована наружкой в лице Кузьмича месяц и восемь дней назад. Всякий раз на ней прибывали Дашенька с Мишенькой... Следовательно, старушку начали *пасти* давненько...

– Кузьмич... Эта парочка из «восьмерки», прежде чем появиться на машине, раньше приходила пешком? Поодиночке?

– Дайте свериться... – старый вертухай, морща лоб, полистал тетрадку, поиграл кустистыми седыми бровями, потом уверенно заключил: – Не фиксировались. Первый раз прикатили сразу на данной машине, как и обозначено...

Бросив тетрадку на подоконник, Смолин хотел задать следующий вопрос, но краем глаза увидел на столе нечто интересное – и, не церемонясь, поднял толстую пеструю бульварную газету и вытянул за уголок еще одну тетрадочку. Едва ее раскрыл, определил, что там прилежно отмечены все до одного его собственные визиты за время их двухмесячного сотрудничества: дата, время, продолжительность даже...

– Вот оно как, старинушка? – спросил он, ухмыляясь. – Второй рукой, стало быть, и меня *освещаешь*?

Старикан, столь же непринужденно усмехаясь, не отвел взгляда, пожал плечами с видом совершеннейшей невинности:

– Яковлич, ты ж не пацан, чтоб обижаться... Жизнь нынче сложная и замысловатая. Я ж не темный пенек, прекрасно знаю, что у бабки дома картин на хренову тучу денег... Знаю я, почем картиночки толкают...

– Откуда?

– Слухом земля полнится. Интересно ж...

– Понятно, – сказал Смолин. – И меня, на всякий случай, тоже следует фиксировать? Вдруг я ее не охраняю, а намерен совсем наоборот поступить? А?

– Бдительность – вещь бесполезная, – сказал Кузьмич. – Я тебя, командир, ни в чем таком не подозреваю, боже упаси, но порядок должен быть, когда рядом такие материальные ценности. Ты, сокол, хотя мне и платишь нехило, человек все ж загадочный... да и сидевший, уж извини за откровенность... Я ж не говорю, что я на тебя куда стучу, я просто фиксирую абсолютно все, что вокруг ценностей происходит... – он поднял указательный палец. – Культурных ценностей, заметь! Мы ж не темные, мы в допусках, как барбоска в блохах...

– Интересно, – сказал Смолин, улыбнувшись не особенно и добро. – И

какая сорока тебе на хвосте принесла, что я сидел?

– А зачем сорока? Я, ежели помнишь, сорок лет присматривал за *контингентом*. И станови ты мне любую толпу, а я в ней всех до единого *чалившихся* высмотрю в сжатые сроки...

– Штирлиц ты наш... – хмыкнул Смолин. – Вот только я, Кузьмич, оба свои срока тянул за то, что преступлением да-авно не считается и изъято из кодекса вообще...

– Да мне какая разница? Я одно говорю: порядок должен быть решительно во всем...

Не было смысла обижаться всерьез, устраивать выволочку – коли уж он не собирался замышлять против старухи что бы то ни было. Следовало просто учесть *привычки* Кузьмича, вот и все. Поскольку наблюдатель из него, следует признать, был хороший – да и нет замены пока что...

– Ладно, – сказал Смолин, достал бумажник и извлек пару ассигнаций. – Благодарю за службу, вот тебе зарплата за полмесяца. Начихать мне, по большому счету, что ты и на меня тетрадочку завел, но вот если что-то нехорошее случится, а ты, ветеран невидимого фронта, прошляпишь... Прости за откровенность, придушу, как проститутку Троцкого...

– Не гоношись, Яковлич, – сказал старикан веско. – Криминала не допустим ни в каком плане. Ты на меня зла не держи, я тебе очень даже благодарен за то, что вновь, так-скасть, поставил в ряды, наполнил жизнь смыслом... но порядок, извини, должен быть во всем. Ни с чьей стороны криминалитета не потерплю, так воспитан партией и правительством...

Сволочь, подумал Смолин. Но сволочь полезная, с его бессонницей, зорким глазом и тоской по *работе*. «Журнал наблюдений» получается отменный, что ни говори...

За спиной звякнула цепочка, проскрипел засов, скрежетнул ключ. Спустившись по разошедшей лестнице, Смолин не спеша подошел к «тойоте» и плюхнулся на сиденье рядом с развалившимся за рулем Шварцем. Тот глянул вопросительно.

– Посидим, – сказал Смолин вяло. – Чапай думать будет...

Ни о чем особенном он не думал – просто сидел, откинувшись на спинку сиденья, прикрыв глаза. Команда безмолвствовала, оберегая покой шефа, – старые были сподвижнички, дисциплинированные, *сыгранные* ...

Человеку постороннему его команда могла показаться странноватой, но только тому, кто в жизни не сталкивался с мирком антикварной торговли, о котором обыватели знают примерно столько же, сколько о секретах сейфов Генерального штаба. Специфический мирок, знаете ли,

никогда не стремившийся к публичности и славе, вовсе даже наоборот. Подавляющее большинство обывателей с ним так и не сталкивается за долгую жизнь. Миллионы людей отроду не видели живого, настоящего шпиона. Точно так же миллионы в жизни не столкнутся с живым, натуральным антикваром. А общее между шпионом и антикваром то, что оба стремятся к максимальной конспирации, старательно притворяясь, что их не существует вовсе... И шпион, и антиквар попадают на страницы газет и становятся героями очередной сенсации, только проколовшись. Мотивы поведения, правда, не вполне схожи. Шпион изначально занят исключительно тем, что нарушает законы. Антиквар законы нарушает постольку-поскольку, только там, где без этого никак не обойтись, – а в безвестности должен пребывать еще и в заботах о клиентуре. Серьезный коллекционер вовсе не хочет, чтобы окружающие точно знали, сколько и чего ценного у него расставлено, разложено и развешано по углам (что касается не только нашего беспокойного отечества, но и всего, пожалуй, благополучного зарубежья, где тоже не особенно принято светить коллекции). И наконец, что на российских просторах, что за пределами оных собиратели, народ фанатичный и решительный, сплошь и рядом не озабочены стопроцентным соблюдением законности. Все это, вместе взятое, и приводит к тому, что антиквар иной раз конспирируется почище шпиона: за всяким шпионом стоит *держава*, которая своего человечка попытается вытащить так или иначе, а вот антиквар такой роскоши лишен изначально...

Итак, бравая команда...

Шварц, получивший кличку за шварценеггеровское телосложение и даже некоторую похожесть лица, был тут самым молодым и биографию имел, пожалуй, самую заковыристую. Судьба с генетикой раскинули так, что он был внуком знаменитого некогда шантарского профессора Кладенцева, сыном двух докторов наук (разнополых, естественно) – однако по какой-то неведомой причине юноша с молодых ногтей питал лютое отвращение к интеллектуальной деятельности, высшему образованию, научной работе и всему такому прочему. И продолжать высокомудрую *династию* отказался категорически. Встревоженная таким шокингем родня (помимо исторического деда и небезызвестных папы с мамой насчитывавшая еще не менее полудюжины обладателей ученых степеней) поначалу пыталась делать вид, будто ничего не происходит, – и, навалившись скопом, включив все связи, все ж пристроила Шварца в Шантарский госуниверситет, откуда он, приложив нешуточные усилия, вылетел еще на первом курсе, без особого страха украсил своей персоной

ряды воздушно-десантных войск и последние полгода оттрубил в Чечне, в знаменитом среди понимающих людей триста тридцать первом полку, благодаря своему уникальному *бате*, вышедшему из тех негостеприимных мест с минимальнейшими потерями. Оказавшись на гражданке, Максим (еще не Шварц) выжрал должное количество водки и, закинув подалше в сервант пару регалий на ленточках и одну на булавке, какое-то время болтался без дела. По живости характера едва не подался в криминал, но тут судьба его пересекла со Смолиным, моментально оценившим все три ценнейших качества нового знакомого: Шварц, во-первых, был органически не способен *отсиживать* где бы то ни было с восьми до пяти, во-вторых, благодаря происхождению английским владел прекрасно, в-третьих, и главных, отлично разбирался в антиквариате, большим любителем коего был дедушка-профессор. Плюс – никаких карьерных претензий и нутро прирожденного авантюриста в сочетании с неплохими мозгами. А потому уже седьмой год Шварц, как рыбка в воде, *виртуозил* в запутанных лабиринтах невидимого миру бизнеса.

Человек по кличке Кот Ученый в означенный бизнес забрел чуточку иной дорожкой. Дойдя до кандидата физико-математических наук, впав с началом перестройки в самую пошлую бедность да сообразив вдобавок, что никакого такого научного светила из него, в общем, не вылупится, Вадим Иванович Хижняк, большой знаток и собиратель икон, церковной бронзы и церковных же печатей, на этой почве знакомство со Смолиным свел еще во времена позднего Брежнева. И в конце концов, плюнувши на большую науку, целиком ушел в антикварную торговлю, о чем нисколько не сожалел. По жизни это был коротыш сорока пяти лет, абсолютно лысый и с аккуратной черной бородкой, хороший каратист и нешуточный ценитель девиц не подпадавшего под Уголовный кодекс возраста. Из-за внешности он был незаменим в тех случаях, когда позарез требовался индивидуум, выглядевший стопроцентным профессором, – очки с простыми стеклами, строгая «тройка» с полосатым галстуком, безукоризненная интеллигентская речь... Всякие случаются коллизии, не везде и пошлешь Шварца с его устрашающими габаритами, ласковой рожей фельдфебеля расстрельной команды и неистребимой привычкой изъясняться на смеси мата и деревенского просторечия (совершенно необъяснимой при такой генеалогии)...

И, наконец, Степа Генералов, сорокалетний, поджарый, жилистый, уса́тый, с физиономией классического армейского *сапога*, каковым он много лет и являлся, дослужившись до майора и угодив под очередное сокращение в те безумные времена, когда министром обороны, по слухам,

едва-едва не сделали мадемуазель Новодворскую. Смолин, поначалу намеревавшийся использовать его в качестве простого секьюрити, очень быстро обнаружил, что отставной майор – неплохой знаток «холодняка»^[1] и германских наград двух последних столетий (давнее хобби, еще с юности). После этого стало ясно, что Фельдмаршала, как быстро окрестили бывшего ракетчика, следует использовать на гораздо более сложных и деликатных участках работы.

Смолин встрепнулся, переспросил:

– Что?

– Я говорю – мочканут бабу, на хрен, – повторил Шварц.

– Теория вероятности утверждает, что процент подобного исхода стремится к конечной точке... – задумчиво поддакнул Кот Ученый.

– А что мы можем сделать? – пожал плечами Смолин. – Если божий одуванчик, обитая по-прежнему в романтических шестидесятых, продавать холсты наотрез отказывается? Ну, это все лирика. В конце концов, не факт, что ее непременно мочканут. По большому счету, покойный – не Рубенс, чего уж там. Это ради Рубенса сворачивают шеи, это Рубенсом имеет смысл торговать *потайно* – но не Бедрыгиным все же...

– Но как-никак – тыщ триста баксов, – обронил в пространство Фельдмаршал. – Дураков хватает...

– Меня даже не количество дураков на квадратный метр волнует, – признался Смолин. – А волнует меня то, что к бабуле, как выяснилось, зачастила Дашенька Бергер...

– Ах, во-от к кому она... – протянул Кот Ученый. – А мы-то смотрим – Дашенька попкою вертит, ныряет в тот же подъезд под ручку с хиппастым таким мальчиком... Во-от оно что... Кащей, паскуда?

– Черт его знает, – мрачно сказал Смолин. – Вот только старушенция отчего-то начала говорить загадками – и уверяет, самое интересное, что замаячил наконец на горизонте неведомый филантроп, обещавший подмогнуть с музеем...

– Кто?

– А я знаю? – пожал плечами Смолин. – Говорю же, намеками все. Но кто-кто, а наш общий друг Никифор Степаныч, чтоб ему в неглыбком месте утонуть, вполне способен устроить какую-нибудь аферу. Мы все тут люди взрослые и битые, механизм примерно понимаем...

– Тоже мне, ребус, – фыркнул Шварц. – Я беру ботана, даю ему пару раз по почкам, и он у меня поет, как Соловей-Разбойник на суку...

– Отставить, – сказал Смолин решительно. – Беда не в том, Шварц, что это Голливуд, а в том, что это получится *дешевый* Голливуд. Мы же не

«Коза Ностра» как-никак, и даже не мафия вокзальных таксистов. Твой ботан, едва утерев соплю, помчится с заявой в ментовку, и всем нам станет уныло. Не говоря уж о том, что парнишка вполне может оказаться вне игры. Абсолютно. Всего-то навсего потрахивает девочку да возит, куда ей надо. Если это Кащей – в жизни он не станет использовать подобного сопляка. Дашка – дело другое, родная кровиночка при всей его неприязни к близким родственникам, да и умненькая, паршивка, ходит слух...

– Дык, ёлы-палы... – протянул Шварц. – Можно и Дашку... проинтервьюировать вдумчиво.

– Шварц, чтоб тебя... – с досадой бросил Смолин. – Ну что, в самом деле, за понты корявые?

– Да я ж не всерьез, мля, – сказал Шварц примирительно. – Тяжко просто смотреть на эти окошечки, зная, что там – та-а-кое лавэ... Триста тысяч. Условных енотов.

– Всем тяжело, – ответил Смолин. – Но это еще не повод нести всякую чушь. Ладно. Если это Кащей, дело надолго в тайне не сохранишь, рано или поздно будет утечка, вот и посмотрим, сможем ли мы для себя что-то выкроить. У Кащея хватка уже не та, сдает старинушка на глазах, так что есть шансы, есть... – он кивнул в сторону «восьмерки». – А вот номерок обязательно пробейте, и не откладывая. Посмотрим, кто таков, чем дышит, и зачем он тут вообще посреди интриги – по случаю или как... Поехали, Шварц, у нас и без бабули делов невпроворот...

Глава 2

Будни без особых сюрпризов

Магазин располагался на первом этаже желтокирпичной девятиэтажки с одним-единственным подъездом. В старые времена, то есть в годы союза нерушимого республик свободных, тут пребывала пельменная, памятная Смолину еще по раннему детству: неплохое было заведение, пельмени тут лепили практически на виду у публики несколько проворных теток, в кухне, отделенной от зала лишь низеньким барьером. Тут и варили, тут и разливали. И если уж задевать ностальгию, то именно тут, в подсобке, Смолин и потерял невинность с одной из разбитных пельменщиц. Ностальгия эта, впрочем, не имела никакого отношения к покупке им в свое время означенного заведения (пельменная как-то незаметно самоликвидировалась, едва грянула гайдаровщина, потом тут сменилось с полдюжины хозяев, открывавших то продуктовую лавочку, то, извините за выражение, бутик, то просто некий абстрактный «офис», – а уж четыре года назад в результате не особенно и сложной комбинации, на пятьдесят процентов честнейшей, а на остальную половину связанной с закулисными интригами и ярко выраженной чиновничьей коррупцией, здесь обосновался Смолин).

Место было выбрано тщательно, после долгих расчетов: практически в центре города, но все же в некотором отдалении от трех самых оживленных центральных проспектов, так что обычным заезжим зевакам, слонявшимся по историческому центру Шантарска, забрести сюда было не так просто. Антикварный магазин – не сувенирная лавка, и случайный народ тут всегда был досадной помехой, главные деньги испокон веков делаются на устоявшейся клиентуре, регулярно навещающей за конкретикой. Здесь, что повлияло на выбор, была обширная стоянка – серьезные собиратели пешком ходят редко, им, помимо прочего, непременно подавай удобное место для парковки...

За вычурным названием он не гнался с самого начала: над входом красовалась не особенно и большая вывеска, где черным по светло-зеленому было изображено не самым вычурным шрифтом «Антиквариат». Умному достаточно.

Сделав парочку звонков по одному мобильнику (номер, в общем, многим известен), парочку по второму (гораздо более законспирированному), Смолин вылез из машины и вразвалочку

направился в свое логово. Выглядевшее до уныния стандартно, мало чем отличавшееся от сотенки-другой собратьев, разбросанных по России: картины на стенах, три ряда начищенных разномастных самоваров на темном стеллаже, стеклянные витрины со всякой всячиной, вдоль стен расставлены старые радиоприемники, полдюжины колоколов (церковные – с крестообразным «ухом», корабельные – с простым), небольшой штурвал, китайские вазы (не уникамы) и прочий хлам вроде пишущих машинок, нереставрированных стульев и разномастных бронзовых фигур современной работы, наводнивших российский рынок трудами китайцев и испанцев. Большею частью это был именно хлам – с точки зрения серьезного коллекционера. *Настоящее* (как не входившее в противоречие с Уголовным кодексом, так и предосудительное) всегда размещается в задних комнатах, куда случайно забредшему зеваке ни за что не попасть...

Кадры наличествовали в полном составе: Маришка восседала на специально для нее устроенном высоком табурете на манер тех, что стоят у барной стойки, – когда она так вот сидела ножка на ножку, картина с учетом миниюбки представляла самая романтическая, убойно действовавшая на любого посетителя моложе девяноста (а следовало еще учесть и белую блузочку с циничным вырезом). Любому магазину, чем бы он ни торговал, категорически необходима такая вот фигуристая красotka, скудно одетая и сверкающая белоснежной улыбкой – особенно антикварному, где мужики, так уж повелось исстари, составляют подавляющий процент клиентуры. Кроме фотомodelьной внешности, за девочкой числилось еще одно несомненное достоинство: по большому счету, глупа была, как пробка, но это в подобном ремесле лишь приветствуется. Как гласит старый анекдот, была у меня умная, так полбизнеса оттяпала... Антикварка предоставляет нехилые возможности для шустрого продавца крутить свой собственный маленький бизнес в отсутствие хозяина, и, если это вовремя не просечь, можно не обнищать, конечно, но столкнуться с дистрофией собственных карманов... Бывали, знаете ли, печальные прецеденты...

Гоша, индивид тридцати с лишним годочков, пузатый, кудрявый, со щекастой физиономией предельно наивного вида, был гораздо умнее и шустрее – но пока что (проверено в результате негласных мероприятий) не склонен крутить махинации за спиной босса. Неизвестно, что сулит будущее, но пока что на парня полагаться можно – особенно если вовремя отвешивать подзатыльники за мелкие промахи и несерьезные недочеты...

Маришка скучала, поскольку единственный клиент, этакий слегка потрепанный интеллигент пришибленного вида, никоим образом не

годился для отработки на нем полудюжины нехитрых ухваток (улыбочки, стрельба глазками, попытка достать с верхней полки какую-нибудь ерунду, для чего, ясен пень, девочке приходится поворачиваться спиной к покупателю, на цыпочки вставать, тянуться). Клиент не проявлял поползновений что-либо приобрести, наоборот, тыча пальцем в лежавший на стеклянной крышке витрины темный кругляшок, что-то воодушевленно втолковывал Гоше, а тот, морщась, словно уксуса хватил, пытался объяснить залетному истинное положение дел. Смолину достаточно было услышать пару фраз, чтобы уныло про себя вздохнуть. Классический случай, один из тех профессиональных штампов, что надоели хуже горькой редьки. Мужичонка, в жизни не сталкивавшийся с антиквариатом, где-то раздобыл стандартную здоровенную медяшку времен государя императора Николая I, на которой большими буквами было выбито «Две копейки серебром» – и теперь, подобно превеликому множеству лохов, возомнил, что стал обладателем несказанного уника, за который ему тут же отвалит то ли квартиру в центре, то ли почти новый мерс. Он, такой, был и не сотый даже – тоска...

Гоша с железным терпением человека, повидавшего на своем веку превеликое множество идиотов, деликатно пытался растолковать лоху истинное положение дел: что серебра в этом «унике» нет ни миллиграмма, а надпись означает лишь то, что увесистая медная блямба эквивалентна паре золотников «сильвера»; что цена этой дряни полсотни рублей в базарный день по причине массового выпуска; что на витрине – во-он, слева! – лежат с полдюжины таких же «редкостей», стоящих меньше бутылки хорошей водки. Лох не в силах был расстаться с сияющей мечтой о новой квартире или машине, а потому не верил очевидному и пытался доказать свое – что с его стороны было форменным идиотизмом. Впрочем, брифинг близился к финалу: Гоша полез на полку за толстенным мюнц-справочником, где эта сама монета красуется в натуральном виде, и убогий ценник обозначен...

Потеряв всякий интерес к происходящему, Смолин снял плюшевый канатик, закрывавший узкий проход за витрины и направился в задние помещения, на ходу переключая оба мобильного на «беззвучку». Смешно, но ему до сих пор порой казалось, что в воздухе витает сытно-теплый аромат свежесваренных пельменей, чего, конечно, быть не могло, учитывая дюжину ремонтов-перестроек помещения...

Отперев свой кабинетик, он плюхнулся в кресло, предназначавшееся для посетителей и вытащил сигареты. Вот здесь, в трех шкафах, в столе, а то и просто разложенные-расставленные-висящие, таились вещички

поинтереснее, и, разумеется, подороже, предназначенные уже людям отнюдь не случайным... Холоднячок стоял охапкою (тот, что попроще), висел на стене (тот, что поинтереснее), рядочком лежала полудюжина серебряных портсигаров (ничего особенного, но всё ж не *шлак*), бронзовые статуэтки табунком сбились на столе, коробка с *рыжьем* выглядывала уголком из-под кучи выцветших бумаг и всё такое прочее... Вот это уже были *бабки* ...

Над дверью вспыхнула, налилась алым маленькая круглая лампочка – это Гоша даванул неприметную кнопчку, имевшуюся под прилавком. Означать это могло что угодно, но обычно – досадные пустяки, а не жуткие невзгоды, так что Смолин неторопливо поднялся и направился к дверям. Так уж повелось, что разбойных налетов на антикварные магазины, в общем, не бывает, криминальные неожиданности, как правило, двух видов: либо попытаются спереть что-то темной ночью, из безлюдного заведения, либо, что гораздо чаще, юная шпана сопрет какую-нибудь компактную мелочовку из наличествующей в «свободном доступе» (причем, что характерно, эти уроды сплошь и рядом отправляются продавать добычу в какой-нибудь другой антикварный магазинчик, не подозревая, что в этом веселом бизнесе все друг друга знают, все повязаны одной веревочкой, и в случае любой кражи моментально последует перезвон...)

Смолин вышел за прилавок. Лоха с «серебряным уникамом» уже не наблюдалось, зато перед Гошей стояла пожилая фемина раннего пенсионного возраста. Физиономия у нее была улыбчивая, открытая, интеллигентная, располагающая к себе за километр – этакая училка на пенсии, бывшая любимица детворы, а перед ней на прилавке...

А перед ней на прилавке красовался «лысый» – то бишь орден Ленина, *родной*, как Смолин моментально определил наметанным глазом, практически в идеале....

– Ну, и что тут у нас? – громко спросил Смолин, лучезарно улыбаясь посетительнице.

Сияя не менее лучезарной улыбкой – идеал вежливого продавца, – Гоша столь же громко сообщил:

– Да вот, Василий Яковлевич, гражданочка орден продает...

– От старика остался, – сообщила помянутая гражданочка, внося свою лепту лучезарной улыбки (простодушной – спасу нет!). – Пенсия, сами знаете, какая, вот я и хочу...

– Продать? – улыбнулся Смолин еще шире.

– Продать.

– Нам?

– Ну конечно. У вас, я слышала, магазин приличный, не обманете. Боязно предлагать с рук кому попало...

Взяв тяжеленький орден (золота изрядно, да и платиновый профиль вождя неплохо весит), Смолин перевернул его, беглым взглядом окинул номер. Знакомый номер. Пожал плечами (разумеется, мысленно) – дети малые, никакой фантазии...

– Настоящий орден-то? – спросил Смолин, старательно окая.

– Конечно, у меня и документ есть...

– Да разумеется, – сказал Смолин с бесстрастным выражением лица. – Это антинародные реформы, вызвавшие обнищание трудящегося человека... Чубайс там, ваучеры и все такое... Голубушка, мы с этим милым молодым человеком похожи на идиотов?

Орден Ленина

– Да что вы! – все так же лучезарно улыбаясь, воскликнула «голубушка» (ах, какой простенький у нее оставался при этом вид!). – Ничуть даже не похожи...

– То-то и оно, жертва вы наша антинародной перестройки, – сказал Смолин. – Вроде бы, смею думать, не похожи... Только законченный идиот, несчастная вы наша вдовушка, за собственные приличные денежки себе прикупает сплошные неприятности. Понятно?

– Не совсем...

– Есть, мамаша, такая скучная книга, – сказал Смолин. – Зовется она кратко – Уголовный кодекс. Так вот там, что характерно, как раз и прописано черным по белому, что сбыт государственных наград не только Российской Федерации, но и СССР – явление уголовное и безусловно подлежащее. И наказаньица-то, родная, значатся сурьезные... Для тебя первой. Для нас, впрочем, тоже...

– Но орден же не краденый! – произнесла визитерша, сохраняя на лице все ту же величайшую наивность и несказанную благодетельность. – Я продала, вы купили, при чем тут кодекс? Я ж не пойду потом на вас заявлять...

– У меня и вот этого молодого человека есть один бзик, – сказал Смолин. – Мы – граждане ужасно законопослушные и Уголовный кодекс, следуя заветам товарища О. Бендера, чтим свято! – Ему было скучно, нисколько не хотелось продолжать спектакль. – А потому, родная, как выйдешь за дверь, ступай...

И он парочкой замысловатых фраз, чрезвычайно смачно и умело обозначил сразу несколько насквозь нецензурных азимутов, по которым госте предлагалось следовать. Самое примечательное, она выглядела не особенно и шокированной, только пожала плечами:

– А на вид – интеллигентный человек...

– Я?! – теперь уже откровенно пожал плечами Смолин. – Нашла интеллигента... – и еще одной витиеватой фразой уже не дорогу указывал, а характеризовал личность визитерши. – Интеллигенты тут не водятся, точно тебе говорю... Так что забрала быстренько светлый образ вождя мирового пролетариата и пошлепала на хрен отсюда... А то нажму сейчас вот эту кнопочку, и, когда максимум через пару минут нагрянет машинка вневедомственной охраны, вмиг напишу заявление касаясь статьи триста двадцать четвертой Уголовного кодекса... – Он демонстративно опустил руку под прилавок. – Кому говорю, клюка долбаная?

Со столь же безмятежным видом посетительница старательно завернула «лысого» в носовой платочек, спрятала в сумочку, пожала плечами:

– Такие приличные люди и так выражаются...

И прошествовала к двери. Глядя, как она неторопливо удаляется в сторону площади, Гоша кратко и смачно сказал про нее нехорошее.

– Как выразился бы товарищ Сталин, удивительно точное определение, – согласился Смолин без особых эмоций. – Надо же, и до нас доплелась, кошелка старая...

Он посмотрел на стоянку, но ни одна машина не отъехала, все до одной стояли пустые – то ли опера приткнулись где-то вне досягаемости взгляда, то ли явились пешком. За последнюю неделю эта гадючка, самого благообразного и внушающего доверие облика, успела обойти все до единого антикварные лавки Шантарска, за исключением смолинской – а теперь, стало быть, и сюда добралась, паскуда. Ничего в этом не было от злого умысла, направленного конкретно против Смолина – так, рутина, серые милицейские будни, закинули удочку наугад, обормоты, авось какой дурной карасик и клюнет. Вот только в этом омуте дурных карасей нема, в первом же заведении, куда эта юная подружка милиции сунулась – и вызвала подозрения, – не только на хрен ее послали, не выбирая

выражений, но и номер орденочка запомнили, да тут же по линии его и передали...

– В следующий раз и в самом деле жмите кнопочку, орлы, – сказал Смолин решительно. – Пусть потом две службы лбами бодаются, мелочь, а приятно, да и не разозлишь особенно никого такой мелкой подлянкой... Уяснили? Поскольку...

Стеклянная дверь распахнулась под мелодичное бряканье китайского фэншуйного колокольчика, и Федя Жихарев по своему всегдашнему обыкновению ворвался в магазин, как метеор, посверкивая тремя золотыми зубами, скинул с плеча глухо стукнувшую сумку и рывкнул:

– Здорово, черти! Марго, радость моя, несказанно хорошеем, когда у меня, лапотника, смелости найдется тебя в дорогой кабаке сводить... Можно без последующего, но лучше б с последующим...

– У вас, Федор Дмитрич, супруга очаровательная, – чопорно сказала Маришка.

– Про чего она не знает, то ей не повредит...

Он стоял, подбоченясь, крепенький, как гриб-боровик, сорокалетний деревенский житель по кличке Боцман (срочная на Балтийском флоте, тельняшка под глаженной рубашечкой). Вот только бывший мореман и бывший участковый был отнюдь не стандартным деревенским жителем. Обосновавшись в райцентре за полторы сотни километров от Шантарска, он, что твой пылесос, вот уж годочков десять выкачивал в округе все, носящее хоть мизерные признаки антиквариата, да вдобавок регулярно болтался с японским дорогим аппаратом как в окрестностях ныне существующих деревушек, так и сгинувших с лица земли. Улов, конечно, состоял не из уникамов – откуда им взяться в сибирской земле, но все же попадалось немало интересного, а порой хоть и не уникамы, но все же редкости...

– Ну? – спросил он нетерпеливо. – Что ж ты меня в закрома не зовешь, чайку не предлагаешь? Водки не прошу – за рулем...

– Пошли, – сказал Смолин. – Мариш, чайку сделай...

Едва войдя в кабинет, Боцман брякнул сумку на стол, звонко расстегнул «молнию» и запустил туда руку. Смолин выжидательно смотрел, присев на край низкой столешницы.

– Ну?

– Неплохо, – сказал Смолин. – Весьма даже неплохо...

На ладони у него лежал увесистый знак сельского старосты, как и полагалось когда-то, украшенный гербом Шантарской губернии с императорской короной. Темно-шоколадная патина, из-под которой

практически не просматривалось светлой бронзы, как ни изучай, была *родная* – приятно думать, что расплодившиеся поделщики еще не достигли в этой области *полного* совершенства. Конечно, если бы речь шла о некоем уникаме, за который следует запросить шестизначную сумму в баксах, неведомые миру умельцы и постарались бы вылезти вон из кожи, достигнув полного правдоподобия, – но нет смысла подделывать в совершенстве такую вот мелочовку, не окупится это, знаете ли...

– А планка-то! – торжествующе сказал Федя.

Медаль к трехсотлетию Дома Романовых

– Вижу... – кивнул Смолин.

Подавляющее большинство подобных должностных знаков на рынке присутствует, будучи уже без подвесок – подвески в первую очередь теряются, ломаются, утрачиваются. А Федин знак приятно радовал глаз не только двойной родной цепочкой, но и горизонтальной выпуклой планкой. Единственное, что отсутствовало – булавка, каковой знак крепился некогда к армяку или там поддевке. Ну да совершенства в нашем мире не доищешься...

– Копаный, – сказал Федя. – Миноискатель задрезал так в полукилометре от окраины Бекетовки, на пашне... Я так полагаю, шел когда-то пьянящий староста за деревней, да и потерял цацку...

– Вероятнее всего, – кивнул Смолин. – И что?

– Мы – люди простые, – прищурился Федя. – Сотка баксов. Все равно за сто пятьдесят ты ее влет толкнешь...

– А не чересчур?

– С цепочкой, с планкой... Или есть вторая?

– Ну ладно, – сказал Смолин. – Еще есть?

Все остальное, появившееся на столе, знаку, несомненно, уступало – парочка потемневших медалей к трехсотлетию Дома Романовых, которые в тринадцатом году клепали чуть ли не в каждой столярной мастерской, несколько многотиражных серебряных полтинников и медяков, массивная стеклянная чернильница без крышечки, годов сороковых, бронзовая печать уездного исполкома (простая, как две копейки, но с массивной вычурной

ручкой, явно отломанной в двадцатых товарищами комиссарами от какой-то более дорогой и качественной печати), два штыка от трехлинейки, почти не тронутых коррозией, ворох дореволюционных бумаг (приписное свидетельство ратника второго разряда, похвальный лист реального училища и тому подобный ширпотреб). Стоило все это не особенно дорого, но своего знатока и покупателя способно было обрести в самом скором времени.

– Всё?

– Держитесь за кресла, граждане... – сказал Федя, с широченной ухмылкой запуская руку в сумку. – Ап – и тигры у ног моих сели!

Смолин интереса скрывать не стал, незамедлительно протянул руку, процедил сквозь зубы:

– Это, конечно, вещь...

На стол тяжело брякнулся черный маузер, на вид казавшийся безукоризненным. Смолин, так и не прикасаясь пока что, медленно прочитал вслух ясно различимую надпись, выбитую над рукояткой между двух прямоугольных углублений, побольше и поменьше:

Клеймо на маузере

– Ваффенфабрик Маузер, Оберндорф, А. Некар... Чистил?

– Самую чуточку, как видишь. Механизм слегка почистил, смазал... Испробуй.

Смолин оттянул на «ушки» длинный прямоугольный затвор, блестящий свежей смазкой, потыкал мизинцем в открывшийся патронник (пружина исправно сжималась), большим пальцем отвел курок, и затвор, скрежетнув, ушел на место. Нажал на спусковой крючок, поиграл с прицелом, с предохранителем. Правая сторона пистолета сохранилась безукоризненно, а вот левая подкачала, была довольно-таки изъедена мелкими язвочками ржавчины.

– А вот это, пожалуй, уже не копанка, – сказал он задумчиво. – «Чердачник»?

– Вот именно, – кивнул Федя. – Натуральный «чердачник». Лежал себе за стропилом, пока избу разбирать не начали. Хорошо, я там вовремя

оказался... Это ведь «Боло», а?

– Классический «Боло», – сказал Смолин медленно.

Маузер «Боло»

Они переглянулись и покивали друг другу с видом понимающих людей. Укороченный маузер такого типа, именовавшийся «Боло», или «Большевистским», в двадцатые годы Германия поставляла в СССР главным образом для ГПУ. Так что версии можно строить разные, но наиболее вероятна одна: коли уж такой маузер десятки лет пролежал захованным на чердаке обычной деревенской избы, то с огромной долей вероятности хозяин избы однажды где-то *пересекся* с чекистом или милиционером, у коего пистолетик и *позаимствовал*. Чекисту, надо полагать, маузер был уже ни к чему. Крутые двадцатые...

– Тоже Бекетовка?

– Нет, Подтаежное.

– Ясно, – сказал Смолин. – Кто у нас там гулял в коллективизацию, атаман Хома?

– И Хома, и есаул Перелегин... Да мало ли неорганизованного народу комиссаров за деревней подкарауливало... Слышь, Вась, а из него, надо полагать, не одного краснюка замочили...

– Да уж надо полагать, – кивнул Смолин.

Они какое-то время откровенно *баловались* пистолетом, отбирая его друг у друга, целясь в углы, давя на спуск, щелкая всем, чем можно было щелкать. Оружие имеет над мужчинами мистическую власть, так просто из рук не выпустишь, не наигравшись вдоволь...

Смолин спохватился:

– Ладно, все это лирика... И что?

– Штучку баксов, на молочишко, – блеснул Федя тремя фиксами (отлитыми не из дешевого стоматологического рыжья, а из подлинных царских червончиков). – Ты-то его толкнешь минимум за две.

Все верно, подумал Смолин. А если еще разориться на кобуру – сейчас штук за девять рублями можно быстренько прикупить пусть и новодельную, но идеально выполненную копию...

– Погоди, – сказал он, видя, как замигал экранчик одного из

телефонов, так и не снятых с «беззвуча». – Да... Ага... Ну да. Когда будешь? Лады... Порядок, Федя. Пойдет. Поддержи-ка его вот так...

Он распахнул шкаф, достал с нижней полки тяжелую германскую дрель и включил ее в розетку.

– Васька! – тоскливо взвыл Боцман.

– Молчок, – решительно сказал Смолин. – Считаю, я его купил, так что делаю, что хочу...

Боцман крепко держал маузер магазином вверх, а Смолин с большой сноровкой в полминуты проделал в нижней части ствола аккуратную дыру в восемь миллиметров диаметром. Извлек маленький увесистый боек и безжалостно отправил его в мусорную корзину, завернув предварительно в бумагу.

– И только так, – сказал он, покачивая на ладони черный пистолет, с этой минуты уже не подходивший под определение «огнестрельного оружия». – Заглушку Маэстро поставит в темпе, а я уж знаю, кто у нас любит стволы, из которых, надо полагать, положили не одного краснюка...

– Таковую вещь загубил, – сказал Федя не без грусти. – У меня дома...

– Прекрасно помню, что у тебя дома, – сказал Смолин. – У тебя, Федя – глухая деревня, хоть и именуется райцентром. У вас там все по-другому. Я тебе, конечно, чуточку завидую...

Любителю оружия завидовать было чему: у Боцмана в комод под полотенцами и тельняшками безмятежно лежали и наган сорок второго года (действующий), и американский кольт одиннадцатого года (аналогично), а в сенях вдобавок стоял еще и винчестер девятьсот первого года изготовления – ствол порядком стерся, истончав, но стреляла американская дура до сих пор исправно, разве что металлические гильзы приходилось снаряжать вручную. Деревня, знаете ли, там на такие вещи смотрят проще...

– Город – дело другое, – сказал Смолин не без грусти. – Не хочу я собственными руками себе на хребет тяжелую статью взваливать...

– Да все я понимаю. Только все равно жалковато – рабочая машина...

– Бизнес есть бизнес, – сказал Смолин. – Переживем, мы ж с тобой, по большому счету, не коллекционеры... Всё? Или нет? Что-то ты загадочно глазками посверкиваешь... Доставай.

– Пошли в машину. Оно увесистое...

– Слушай, неужели наконец «Максим» нарисовался?

Боцман ухмылялся с самым загадочным видом:

– «Максима» все еще не обещаю, но кое-что имеется...

Черным ходом они вышли во двор, где возле единственного подъезда

примостилась Федина «газель» с брезентовым верхом. Подошли к заднему борту, запрыгнули внутрь... Федя таинственно посмеивался. Там, внутри, валялись какие-то немаленькие железяки – задняя ось от грузовика, еще что-то...

– А вот что это, по-твоему, такое? – спросил Федя тоном триумфатора. – Во-он, у борта...

Смолин присмотрелся, согнувшись в три погибели. Потом присел на корточки и пригляделся еще тщательнее. Выругался негромко, витиевато. Сказал, не вставая и не оборачиваясь:

– Ты охренел, что ли, Боцман? Это ж авиапушка!

– Опознал, знаток! – хохотнул Федя. – Авиапушка с Мига, двадцать три миллиметра, действующая... В Кубарайке ликвидируют авиаполк, прапорá распродают все, что можно, вот я и прикупил за смешные деньги... Снарядов нету, не беспокойся, я ж не дурак снаряды везти... Хотя он бы мне, хомяк долбаный, и снарядов продал целый грузовик... Ты, говорит, Федор, на чечена никак не похож, вот я и не опасаясь нисколько, что ты оружие с боеприпасом на дурное делопустишь... Seriously, может, кому и снаряды нужны?

Смолин матерился, по-прежнему восседаая на корточках в неудобной позе. Потом, чуть остынув, спросил уныло:

– Как же ты ее довез, чадушко бесшабашное? Сюда от вас полторы сотни километров, да от Кубарайки до вас еще сотня...

– А вот так и довез. Открыто. Гиббоны, промежду прочим, в кузов заглядывали четырежды. Только эта дыра у них ничуть не ассоциируется с понятием «пушка»... Где б они авиапушку могли видеть. Полкузова в железяках, запчасти для японского экскаватора... Они ж и японского экскаватора не видели отроду, не говоря уж про то, чтобы в нутро к нему лазить и детали знать наперечет... Берешь?

– Мать твою, – сказал Смолин, выпрямляясь в полумраке. – Ну ладно, если тебя до сих пор не повязали, значит, сошло с рук... Но если б тебя пасли и тормознули сразу возле аэродрома... Сколько б ты огреб на свой хребет, соображаешь?

– Не ссы, Вася, прорвались ведь... Обошлось. Твоего риска не было ни капли, только мой, а мне всегда везет... Берешь? Опять-таки за штуку баксов уступлю, не буду врать, что оно мне досталось особенно уж дорого...

Крутя головой и все еще доругиваясь про себя, Смолин в то же время уже начал прикидывать расклад. Продать, как уже неоднократно отмечалось, можно все – не сегодня, так завтра. Хозяева расплодившихся

вокруг Шантарска шикарных коттеджей одержимы самыми разными причудами: один старательно скупает и расставляет во дворе старые плуги, тележные колеса и бороны, другой, точно известно, выложил нехилую сумму за списанный бронетранспортер (покрасил, загнал в самую высокую точку усадьбы и частенько пиво хлещет, сидя на башенке), третий... Пожалуй, найдется рано или поздно охотник и на эту экзотику.

– Беру, – сказал он, поразмыслив. – Только давай-ка мы ее моментально засверлим как следует, и боек, само собой, и еще что-нибудь... Брезент есть?

– Откуда? Вон, кусок...

– Маловат...

– Не ссы, Васька, прорвемся... Замотай ствол, на конец как раз хватит, тут два шага с половиною...

Смолин старательно обмотал конец ствола невеликим куском брезента, и они принялись извлекать дуру на божий свет. Пушка, мать ее, была тяжеленная, кое-как взвалили на плечи, развернулись к черному ходу в магазин...

И в животе у Смолина что-то такое нехорошо завертелось винтом, полное впечатление, с противным металлическим хрустом. Похолодело в животе, словно на ящик с мороженым плюхнулся...

Метрах в пяти от них стояла машина вневедомственной охраны в характерной бело-синей раскраске, с изображением стилизованного глаза на передней дверце, с мигалкой, как водится. Двое сидевших внутри ореликов в бронежилетах и касках таращились прямо на них, не поймешь, с каким выражением и намерениями. Ноги буквально приросли к земле. Он подумал смятенно: никто пока все же не кидается на перехват, никто не хватается за шиворот, не орет ничего жуткого... Надо ж так глупо влететь, стоишь с тяжеленной дурой на плече, никак не прикинешься, что не имеешь к ней отношения...

– Семен! – браво рявкнул Боцман у него за спиной. – Чего встал? Волоки херовину, а то бригадир на маты изойдется...

Чуть опомнившись, взяв себя в руки, Смолин сделал первый шаг к двери, второй, третий... Никто на них так и не кинулся, стояла тишина. Чуть повернув голову, он увидел краем глаза, как из подъезда выскочил третий орелик, тоже в каске и жилетке, с АКСУ на плече – и мотор машины моментально завелся. А там за ними захлопнулась дверь, и никто не бросился следом, никто не встретил в кабинете...

По спине стекало добрых пол-литра пота.

– Пронесло... – фыркнул он, осторожно опуская на пол свой конец

ноши.

– Ага, меня тоже...

Сдавленным голосом Смолин сказал:

– Я с тебя, бля, процент сниму за этикие фокусы... Запорешь всех когда-нибудь своими выходками...

– Не бойсь, если заporюсь, так один. Уж отболтаюсь...

– Вашим бы хлебалом, бегемотик, да медок из бочки наворачивать... – зло сказал Смолин.

И незамедлительно схватился за дрель, вытащил из пластмассового чемоданчика сантиметрового диаметра сверло – чтобы наверняка, чтоб нервишки успокоить... Развинчивая патрон, все еще ворчал:

– Точно, сниму десять процентов, чтоб не доводил до инфаркта...

– Да ладно тебе, – посмеивался Федя, помогая ему подключить к розетке удлинитель. – Дери Маришку почаще, понужай коньячок вместо водочки – и не будет у тебя никаких инфарктов... Еще одна пушка не нужна?

– Иди ты!

– Да нет, я не про эту... Понимаешь, дошел слухок – в Чушумане, у староверов, валяется за околицей какая-то пушечка... И судя по тому, как ее описывают, она непременно казачья, то бишь семнадцатого века, не позже... Потому что позже гарнизонов с артиллерией в той глуши отродясь не водилось, а вот казаки в тех местах при Алексей Михалыче как раз бродили... Интересует?

– Вот с этого и надо было начинать, – сказал Смолин, завинчивая патрон сверла. – Действительно, какие там гарнизоны с артиллерией... Вот только – километров семьсот...

– Ну и что? Шестьдесят шестой газон я добуду, выберем время – и махнем? Натуральная пушка семнадцатого века... А? Даже если бабки пополам, все равно получается прилично...

– Подумаем, – сказал Смолин. – Держи покрепче и глаза береги, сейчас стружка брызнет...

Басовито взвыла дрель, сверло стало помаленьку углубляться в ствол авиапушки...

Глава 3

Питером прирастать будет...

В отличие от шумного, бесшабашного, с душой нараспашку Боцмана Рома Левицкий (а может, и не Рома, и не Левицкий) был человеком совершенно другой породы. Все произошло по заведенному порядку: аккуратно через сорок минут после предварительного звонка у черного хода остановилось такси, откуда и высадился Левицкий, без натуги неся продолговатую картонную коробку, тщательнейшим образом перевязанную прозрачным скотчем, с удобными веревочными ручками, украшенную полудюжиной сиреневых значков, означавших «верх» и «стекло». Что содержимому противоречило напрочь, конечно, но так оно гораздо безопаснее выходит...

Рома знакомой дорогой прошел в кабинет Смолина, поставил коробку в уголок и остался стоять, не глядя по сторонам – невысокий, достаточно неопределенного возраста (около сорока вроде бы, но сразу и не скажешь, в *которую* сторону), продолговатое лицо никаких особенных чувств не выражает и способно улетучиться из памяти очень быстро, если не стараться запомнить специально...

Смолин даже не предлагал ничего из обычного дежурного набора – ни присесть, ни чаю-кофе, ни даже закурить. Как-никак встречались шестой раз, и все было известно заранее... Он только спросил, стоя у стола:

– Сколько?

Ровным, почти лишенным эмоциональной окраски голосом робота Вертера Левицкий сказал, глядя словно бы прямо в лицо, но тем не менее не встречаясь взглядом:

– Мне сказано, десяток. С веса, соответственно, следует десятка, плюс процент.

Извлекая из стола пачку «условных енотов», Смолин старательно отсчитал одиннадцать тысяч, подал Роме. Тот сноровисто пересчитал – без тени недоверия на лице, просто такие уж у человека были привычки. Кивнул:

– Все правильно. Благодарю. Если что, позвоню.

И буквально улетучился на манер призрака – практически бесшумно, будто и не было. В окно, выходящее во двор, Смолин видел, как отъезжает такси, негодуя рывком сигналом на вывернувшегося из-за угла чуть ли не под колеса алкаша.

Вот так человек и зарабатывает старательно себе копеечку – вечный и надежный курьер, которого, очень возможно, в соседнем городе (а то и в другом районе Шантарска) знают уже под совершенно другим рабочим псевдонимом. Аккуратно доставит все, что ни поручат, примет причитающиеся поставщику бабки со своей всегдашней десятипроцентной надбавкой – и растворится в воздухе. Можно только гадать, где у него дом родной, можно лишь предполагать, что Рома не только с антиквариатом связан и *главные* деньги, очень возможно, зашибает на чем-нибудь другом – но гадать, предполагать и прикидывать совершенно ни к чему. Главное, Рома существует, пользуется хорошей репутацией и обходится не так уж дорого – вот и все...

Вооружившись ножницами и острейшим австрийским спецназовским кинжалом «Глок», Смолин методично принялся за работу. Он резал, распарывал, привычно кромсал прозрачный скотч, упаковочную пленку в пупырышках, плотную бумагу и шпагат. Вскоре покоившийся в тряпках и скомканных пластиковых пакетах, продолговатый сверток распался на пять поменьше, неодинаковой длины и неодинакового веса, плосковатых, характерной формы. Так их пока и оставив, Смолин принялся за второй сверток, гораздо тяжелее и компактнее. Довольно быстро и его расчленил на пять поменьше. Распорол скотч на всех десяти так, что оставалось только развернуть. Закурил и уселся в кресло, ощущая легкий азарт, схожий, надо полагать, с оживлением картежника (сам Смолин ни в какие азартные игры не играл отроду, а потому и не знал доподлинно, что это за ощущение – мог лишь теоретически предполагать).

Всегда это было чем-то вроде лотереи – потому что никогда неизвестно заранее, что именно окажется в посылке, одно ясно: в проигрыше он не будет...

С питерским *контактом* ему, следует признаться, повезло. Классический интеллигент по всем внешним признакам, этот субъект вот уже два года проявлял достойную уважения деловую сноровку, ничуть не сочетавшуюся с обычной расейской безалаберностью помянутой *прослойки*. Протирая штаны в одном из серьезнейших питерских музеев с гигантскими до сих пор (и сквернейше учтенными до сих пор) фондами, обладатель ничтожной должности (хотя и снабженной уважительным для простого народа длинным титулом) свой маленький бизнес вершил методично и размеренно. *Уникумы* он обходил десятой дорогой – зато полегонечку, по две *единицы* в месяц (не больше и не меньше, вот уж два года подряд), деликатно выражаясь, выносил без спроса из своего ученого заведения вещички старые, но, в принципе, *рядовые*. За каждую аккуратно

получал от Смолина штуку баксов – и эта система его вполне устраивала, умный все же был мужичок – и не зарывался, и не пытался вести дела самостоятельно, дабы урвать поболее. Обеспечил себе стабильный доход. И если, не дай бог, не запорется по глупой случайности, долгонько будет продолжаться такая вот негоция...

Аккуратно притушив окурок в простецкой стеклянной пепельнице, и рядом с окружающим антиквариатом не лежавшей, Смолин сначала развернул холодняк.

Две обычных, ничем не примечательных германских «парадки» с блохеровскими эфесами: одна с эфесом побогаче, украшенным львиной головой, с женской головкой на щитике, другая попроще, с эфесом совсем простым, на щитике – накладная граната из белого металла. Смолин и не пытался определить с ходу, чьи они конкретно – учитывая несказанное разнообразие германских клинков, стоило подождать знатока, то бишь Фельдмаршала.

Японский армейский меч, классический сингунто образца тридцать четвертого года: ножны металлические защитной окраски, с одной обоймицей, клинок из стального проката с довольно-таки паршивой имитацией «булатного» узора посредством кислоты... Словом, стандарт, конвейерное производство, но тем не менее подлинник, без малейших утрат, а значит, своего покупателя найдет... Смолин посидел, задумчиво созерцая блестящее лезвие. Теоретически у всякого, вплотную занятого японскими мечами, был шанс натолкнуться на *уникум*. Долбаные самураи во вторую мировую, случалось, отправлялись на фронт с фамильными клинками века порой шестнадцатого. Оформление уставное – рукоять, цуба, ножны, оплетка и все прочее – а вот самому клинку лет триста—четыреста. В сорок пятом, расколошматив квантунцев, наши забрали изрядное количество мечей, большей частью прихваченных домой в качестве сувениров, – так что есть теоретическая возможность на такой раритет однажды наткнуться. Но вот практика, увы... Сомнительно.

Меч син-гунто

Солдатская драгунская шашка без ножен, образца восемьсот восемьдесят первого – снова стандартная, но опять-таки в идеале... Сгодится в хозяйстве.

Шпага без ножен, достаточно странноватая: вроде бы русская, царских времен, чиновничья, щиток справа откидной, характернейший эфес... вот только клинок настораживает: корона ничуть не похожа на русскую императорскую, вензель какой-то странный, определенно латинскими буквами, ни с одним из самодержцев (а также самодержиц) что-то не сочетается...

Драгунская шашка

Смолин не ломал долго голову, преспокойно поставил непонятную шпагу в угол – дожидаться Фельдмаршала. Лично ему достаточно было и того бесспорного факта, что вещь старая. Он, в конце концов, был не экспертом, державшим в голове все без исключения клинки, а торговцем, причем торговал всем сразу. В этих условиях не стоит насиловать мозги узкой специализацией – есть отличные справочники, есть Фельдмаршал и другие знатоки. К тому же нелишне вспомнить: сплошь и рядом всплывают клинки, не значащиеся в самолучших справочниках, ставящие в тупик самолучших экспертов...

Огнестрел, как и следовало ожидать, тоже не радовал униками. Две «перечницы» – карманные пистолеты – шестистволки (клейма бельгийские, исполнение скверненькое – хотя такие попадаются и богато украшенными). Два кремневых пистолета – украшенные на совесть и потертым серебрением, и бронзовыми вставочками в деревянные рукоятки, но украшательство это несет на себе некий неистребимый отпечаток деревенской мастерской где-нибудь в глухом уголке Балкан. На обоих имеются даты турецкой цифирью, лень вставать к полке за справочником, но и так ясно, что даты не особенно и старые. Кремневый замок еще вовсе не свидетельствует, что пистолеты по-настоящему древние: на тех же Балканах кремневки лудили вплоть до первой мировой. Такие уж там были моды и нравы: считалось, что истинный балканец должен таскать за поясом

не новомодный браунинг или маузер, а непременно кремневую пушку, иначе не дожидаться ему почета и уважения от окружающих...

Пятый... Вот пятый оказался гораздо интереснее. «Смит-Вессон», но гораздо меньше размером, нежели стандартные армейские револьверы со стволом пятнадцатисантиметровой длины. На планке над стволом русскими буквами: «Людвигъ Леве и Ко. Берлинь. Германія». И – пятизначный номер.

Воронение потерялось, деревянные щечки рукоятки обшарпаны, барабан не проворачивается, курок не взводится и не спускается, но это все поправимо. Главное, вещичка редкая: уменьшенный «Смит-Вессон», производившийся для России в Германии, оружие скрытого ношения агентов сыскной полиции, семидесятые—восемидесятые годы девятнадцатого столетия – еще до появления табельных наганов и всевозможных браунингов...

«Смит-Вессон»

Короче говоря, деньги, как обычно, плачены не зря: ни на одной из этих вещей невозможно разбогатеть *резко*, но каждую из них можно очень быстро продать с прибылью... а что еще нужно от жизни скромному негоцианту? Всякий лелеет и холит мечту наткнуться однажды на уникам (иным это даже удастся), но средства к существованию, хоть ты лопни, приходят именно что в результате систематической торговли *середнячком* ...

Он так и сидел, лениво перебирая новинки, когда ввалился Шварц – и, разумеется, с ходу принялся тянуть из ножен «самурая», чтобы помахать им от всей дури. Успев грозным цыканьем пресечь эти детские игры, Смолин спросил:

– Ну, выяснил хоть что-нибудь? Саблю положи, говорю, опять по люстре угодишь!

Шварц, собравшийся было исполнить нечто в стиле «раззудись, плечо, размахнись, рука!», с сожалением положил клинок на место, уселся за стол и прилежно доложил:

– Номерок пробить было просто, как два пальца... Некий Фетисов Николай Вениаминович, шестьдесят первого года.

– Николай, говоришь, – сказал Смолин задумчиво. – А наш клиент – Миша... Вообще-то он мне мог и придуманным именем назваться, но никак не может он быть шестьдесят первого, соплив... А вот мужичок шестьдесят первого года рождения ему как раз в папаши годится...

– Может, это не папаша? А мужик, у которого он тачку купил? И катает по доверке?

– Кто его знает... Адрес не пробил?

– Обижаете, босс... Моментом: адресный стол на Маркса, шестьдесят два рублика... Кутеванова, дэ сорок один, кэвэ семь. Я туда скатался, походил вокруг...

– Знакомое что-то...

– Это панельные девятиэтажки у Егошинского моста. Когда-то их «Шантармаш» для себя строил. А сейчас – поди догадайся... Я в хату не совался, ясен пень, и расспрашивать не пробовал – к чему сразу с таким напором? Указаний не было...

– И правильно, пожалуй... – задумчиво протянул Смолин.

В конце концов, личность этого ботаника была не так уж и важна – дело десятое. Адрес, Шварц прав, нынче ни о чем не говорит: в наши веселые времена в неприметной квартирке на пятом этаже убогой хрущевки в насквозь пролетарском районе может обитать кто угодно, вовсе не обязательно и пролетарий – порой люди, способные себе позволить парочку «бентли», передвигаются исключительно на битом жигуле, а вместо трехэтажного коттеджа как раз и оборудуют внешне убогую квартирку на окраине. Всякое случается, глядя исключительно снаружи, ни за что не раскусишь, кто перед тобой...

– И правильно, пожалуй... – повторил Смолин. – Итак, что мы тут имеем... А имеем мы нехороший интерес к интеллигентной вдове, которая, как собака на сене, сидит на приличной сумме... Не верится что-то, что мы сможем к этой сумме подобраться, но планы у меня другие: если не нам, так и никому. Музей так музей. Логично я рассуждаю?

– А то, – сказал Шварц, играя «Смит-Вессоном». – Чтоб никакая падла не думала, что она тут самая хитрая. И окольными путями не заграбастала живопись. Может, с Кашеем потолковать откровенно?

– Во-первых, он все же может оказаться ни при чем, – сказал Смолин, подумавши. – Мало ли какие совпадения... Ну, скажем, кто-то из преподавов института искусств, будучи старым знакомым великого живописца, к вдове посылает Дашеньку с вареньем. Вполне возможно, кстати, он там преподавал и сам, старшее поколение – поголовно его друзья-кореша... А во-вторых, я с утра пытаюсь дозвониться до Кашея. Еще и потому, что у

него парочка моих орденов зависла. Только домашний молчит, а по трубе он постоянно недоступен. И народ не в курсе, куда патриарх подевался.

– В Манск он подевался, паскуда, – сказал Шварц с некоторыми проблесками умственного напряжения на лице. – Крепко он там к кому-то присосался, хорошие доски возит, а я до сих пор не вычислил, от кого...

– Ну, посмотрим, – сказал Смолин. – Если в Манске, значит, поехал он туда непременно с Ваней Жилиным, у того в Манске свой интерес, а значит...

Дверь приоткрылась, просунулась румяная щекастая физиономия, загорелая чуть ли не дочерна, с короткими пышными усами и гнутой трубочкой в зубах. По кабинету моментально распространился запах хорошего табака и спиртного.

– Здорово, жулики, – произнесла физиономия, приятно, хмельно улыбаясь. – Секреты обсуждаете или как?

– Какие там секреты... – вздохнул Смолин. – Заходи, Камрад, тебе-то мы всегда рады...

Дверь распахнулась вовсе уж широко, вслед за физиономией появился ее обладатель, невысокий крепыш в выцветшем энцефалитном костюме и надраенных хромовых сапогах – Смолин мимолетно отметил, узрев начищенные прохаря, что Слава успел уже заскочить домой, в поле-то он хромачи жалеет, кирзой обходится.

Хрен с ними, с сапогами, и дедукцией на манер Холмса. Гораздо интереснее было то, что гость нес достаточно объемистую сумку – и держал ее что-то очень уж осторожно, как будто там пребывало нечто хрупкое...

Кандидат исторических наук Слава Гонзиц (партийная кличка – Камрад) был не интеллигентом, а мужичком деловым и особой щепетильностью не парился. А потому всякий раз, возвращаясь с поля после летних археологических раскопок, приносил верным людям (то бишь Смолину) некоторую часть утаенных от Большой Науки находок – те вещички, коих, как он цинично говорил, в распоряжении означенной науки и так до хрена. Наука, считал он, свое и так возьмет: какая разница, восемьдесят шесть классических тагарских кинжалов окажется в ее распоряжении или всего семьдесят один? Все равно те, кто успел, и так защитились, описали, ввели в научный обиход; с помощью давно известных предметов научной революции все равно не устроишь, а значит, и скромный археолог может урвать от жизни некоторую толику материальных благ...

– Алкоголь есть? – спросил Гонзиц, непринужденно располагаясь в

свободном кресле, но сумку пока что не открывая.

Смолин кивнул головой Шварцу. Тот моментально извлек из стола едва початую бутылку коньячку, а Смолин выставил антикварный кидушный стаканчик и выложил пару шоколадок, разведя руками:

– Чем богаты... Мы-то за рулями...

Старательно наполнив стаканчик до краев, археолог опростал его одним глотком, повертел:

– Опять старого жида ограбил?

– Па-апрашу в моем присутствии без антисемитизма, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Будучи, как ты помнишь, евреем...

– А, ну да, я и запамятовал... – Гонзиц наплескал себе еще, на сей раз половиночку. – Что, еще одна рюмочка приплыла?

– Да нет, из старых запасов, – сказал Смолин.

С этими серебряными стаканчиками, как иногда случается, получилась чистая комедия. Как неоднократно подчеркивалось, невозможно знать всё. Добрых лет двадцать в антикварном мире кружили эти серебряные чарочки с черненными изображениями каких-то странноватых зданий – и их простодушно полагали обычными чарками, не особенно и хорошей работы (клейма третьеразрядных мастеров, многие из них даже в справочниках не значатся или обозначены там как «неизвестные»). А потом в одном из новых антикварных журналов бабахнула статья с цветными фотографиями – и вскинулся антикварный народ, словно получив шилом пониже спины. Оказалось, зовется эта синагогальная утварь «кидушными стаканчиками» и в заграницах ценится чрезвычайно. Вот тут вот всякий и вспомнил, сколько этих самых «стопочек» он продал за последние годы по относительно бросовой цене. В закромах отыскалось кое-что, правда – у кого парочка, у кого с полдюжины. Но все равно, если вспомнить, сколько их прошло, принеся прибыли процентов пятьдесят – в то время как, оказалось, взять можно было все пятьсот—шестьсот.

– Что лыбишься? – поинтересовался Смолин. – Али поразить чем хочешь, подземный умный крот?

– А чего ж не поразить-то... Местечко расчисть. Нет, поширше давай... Нервы крепкие? – Гонзиц, разделавшись с налитым, поднял оба указательных пальца. – Вот вам Стивен Кинг шантарского образца...

Он опустил обе руки в сумку, необычайно бережно поднял завернутый в белую тряпку округлый предмет, поставил его на стол и с рассчитанной медлительностью освободил от холстинки.

Шварц эмоционально матернулся. Смолин придвинулся поближе к столу, присмотрелся. На холстинке покоился бело-желтый человеческий

череп без нижней челюсти и доброй половины верхних зубов. В затылке, на левой стороне красовалось штук семь квадратных отверстий, в правом виске был пролом определенно древнего происхождения. Гонзиц, легонько похлопывая черепушку по затылку, смотрел на присутствующих прямо-таки с гордостью.

– Ладно, – сказал Смолин. – Я заранее понимаю, что передо мной нечто из ряда вон выходящее – иначе б ты не пер этого жмура за полтыщи верст... Просвещай темных, наука...

– Докладываю, – сказал Гонзиц. – Классическое скифье. Покойный товарищ был, несомненно, если не вождем – а я все же полагаю, что вождем, и намерен незамедлительно это обосновать, – то как минимум нешуточным богатырем наподобие скифского Илюхи Муромца...

– И из чего это вытекает? – осведомился Смолин, приглядываясь к дырам в черепушке. Было в них нечто знакомое...

– Из того, как его убивали, – сказал Гонзиц наставительным тоном профессионала. – Сначала его шарахнули в висок чем-то вроде палицы, отсюда и пролом, и он грянулся с коня...

– А почему не просто упал, будучи пешим?

– Посмотри сюда, – сказал Гонзиц, прикасаясь указательным пальцем к обширному участку кости над левым глазом. – Как напильником стесано, а? Пеший убитый, падая, настолько не повредил бы череп, он должен был упасть с высоты, то есть, сто процентов, с коня... скелет, кстати, тоже был характерно поломан – с коня, с коня, никаких сомнений... Вот. А потом его, уже мертвого, человек с полдюжины старательно приложили чеканами. Ритуал такой был. Богатыря или вождя именно так и полагалось после смерти «чествовать» – чтобы каждый отметил старательно...

Выдвинув ящик, Смолин достал небольшой скифский чекан в зеленой окиси, держа его двумя пальцами, примерился острием ромбического сечения к одной из дырок – ну да, чрезвычайно похоже. Чеканы у *тех* были явно побольше – но их не бывает двух одинаковых...

– Вот только потом соплеменники вождя определенно отбили, увезли домой и похоронили честь по чести, – продолжал Гонзиц. – Потому что погребение я раскопал *полное*: череп от скелета не отделен, вещичек имелось предостаточно. Если бы его захапало в качестве добычи то самое вражье, что вождя замочило, в земле лежал бы *только* череп. Я ж тебе рассказывал, давно тому...

– Помню, как же, – кивнул Смолин. – У скифов такие вот заслуженные черепушки полагалось оберегами ставить, а?

– Совершенно верно. Чтоб сторожил жилье и приносил счастье, удачу

и все такое прочее...

Шварц раскатисто захохотал.

– Чего смешного? – недовольно покосился Гонзиц. – Наукой, детинушка, это установлено достоверно...

– Да я и не сомневаюсь, – сказал Шварц, все еще фыркая. – Я себе это представил в переводе на день нынешний: стоит у Яковлевича в красном углу черепушка Кашея с надлежащим проломом... Оберегает старательно и бизнес, и жилье...

– Ага, вот именно, – сказал Смолин. – А где-то – черепушка Березовского с ледорубчиком в затылке, помалкивает себе, только смотрит загадочно... Вообще-то...

Он отвлекся, расслышав знакомую мелодию, свидетельствовавшую, что на «секретную» трубку пришло сообщение. Нажал кнопки, прочитал. Удивленно поднял брови, какое-то время раздумывал, потом отложил телефон, все еще хмурясь.

Гонзиц тем времени выкладывал на стол, располагая в живописной икебанае вокруг черепа, массу интересных предметов: широкий незамкнутый обруч, здоровенный чекан с плоским набалдашником для нижней части древка, бляхи в виде животных, подвески-конусы (целую пригоршню), непонятные диски, еще какие-то продолговатые штучки – все потемневшее, почти черное, в пятнах зеленой окиси, кое-где являвшей собою толстую корку. Просверленные клыки, то ли медвежьи, то ли кабарожьи, тусклые висюльки, явно золотые, разноцветные плоские кругляшки, раковины каури с дырочками – надо полагать, когда-то это было ожерелье, жилы, использовавшиеся тогда в качестве основы, давным-давно сгнили, а все остальное сохранилось...

– Вот, извольте, – сказал Гонзиц, выложив последний предмет – тронутый ржавчиной металлический кинжал. – Все, что имелось при покойничке. Только сразу предупреждаю, Вася – цена будет неслабая. Тут, как-никак, *полное* погребение. Ученый мир подобными черепами располагает давненько, а вот в антикварке они до сих пор что-то не попадались...

– Не спорю, – сказал Смолин чуточку отстраненно. – Кто б тут спорил, аргументы и факты налицо...

– Так что – пара тысяч баксов, как с куста...

– Будет тебе пара тысяч баксов, будет, – сказал Смолин все так же задумчиво. – Вполне по-божески, чего уж там... Слава, у тебя как со временем?

– Да навалом. Официально-то я с поля только завтра явлюсь, так что

сегодня делать и нечего, разве что, с твоего позволения, и далее твой коньячок понужать и с Маришкой заигрывать. Платонически, ты не подумай...

– Да по мне, хоть и антиплатонически, – потянул Смолин. – Для хорошего человека не жалко, подумаешь, сокровище короны... и в самом деле поскучай тут часок с бутылочкой, а? Меня тут срочно выдернули, я за часок обязательно управлюсь...

– Да без проблем!

– Вот и прекрасно, – сказал Смолин, нетерпеливо вставая. – Только смотри, чтобы чадушко, – он кивнул в сторону Шварца, – не потребило ни граммулечки, ему еще сегодня рулить и рулить... В общем, я на часок.

Он вышел черным ходом, на ходу нажал кнопку на брелоке, сел за руль своего черного «паджерика» – восьмилетнего, но вполне приличного, не привлекавшего внимания. Достал телефон и еще раз перечитал короткое сообщение.

«Тыща палата 305 ты мой племянник и единственный родич».

Отправлено это послание, определенно носившее некоторые черты загадки, было с мобильного Кашея, вот ведь что интересно... Да, пожалуй что, часа хватит при любом раскладе... а вождя со всеми причиндалами следует брать, не жмотиться, покупатель примчится не далее чем завтра...

Смолин задумчиво вздохнул и включил зажигание.

Глава 4

Все там будем...

В знаменитую шантарскую больницу, именовавшуюся попросту «тысячечечной», а еще короче «тыщей», Смолин проник без особого труда, разве что заставили нацепить синие пластиковые бахилы, а так – ни денег, ни уговоров не понадобилось.

Палата оказалась двухместная, по первому впечатлению – из самых рядовых, разве что вторая койка пустовала (но, приглядевшись к ней, Смолин отчего-то сделал вывод, что опустела она вот только что, такой у нее был вид, белье не сменили, и в тумбочке виднеются какие-то яркие пакетики...)

Чепурнова он в первый момент не узнал – четыре дня назад это был хотя и старик восьмидесяти четырех годочков, но все же ничуть не исхудавший, относительно бодренький, даже с признаками румянца. А сейчас на подушке покоился обтянутый кожей череп – кожа даже не бледная, синюшная, прозрачная, пористая, как апельсиновая кожура. Редкие мокрые волосы липнут ко лбу, рот запал. Крепенько ж его шибануло...

Бесшумно переставив в изголовье белую корявую табуретку, Смолин сел. И тихо позвал:

– Степаныч, а Степаныч...

Лежащий абсолютно не пошевелился – только веки поднялись, и Смолина передернуло не столько от жалости, сколько от отвращения к *тому*, что сейчас перед ним лежало. «Не-ет, – подумал он смятенно, – все же не стоит доживать до таких лет, вообще лучше б застрелиться вовремя, так оно будет приятнее и себе, и людям...»

– Васька...

Голос был слабый, севший, шелестящий какой-то, но все же в нем не ощущалось *распада*, *маразма*, *кончины*. Вполне осмысленно таращится дед, и голос звучит вменяемо...

– Капут мне, – внятно выговорил Кащей. – Капут кранкен...

Смолин помалкивал: сочувствие выражать было бы как-то глупо, а с констатацией столь упрямого факта ни за что не поспоришь, судя по виду, и в самом деле капут подкрался...

– Васька, – сказал старик, глядя на него немигающе, как филин. – Ты, конечно, сука, немало я от тебя потерпел...

«Я от тебя тоже, Никифор, мать твою», – мог бы ответить Смолин чистую правду. Все в этом веселом бизнесе потерпели от всех. Дружбы в их ремесле попросту не водится, как не водится в Антарктиде ишаков. *Настоящей* вражды, впрочем, тоже не встретишь. Тут другое: вечное, изначальное соперничество – перехватить вещицу, охаять чужое, перенять покупателя и уж в особенности поставщика, выявить чужие «грибные и рыбные места» и побраконьерничать там, если удастся... да мало ли? Главное, не впадать по этому поводу в ненужные истерики и уж тем более не устраивать вендетты – относиться легко, как к неизбежным издержкам производства, поскольку все повязаны одной веревочкой, иногда *приходится* дружить или по крайней мере сплачиваться против всего остального мира...

– Паразит ты, Васька, – продолжал Кащей тихонько. – Глаза б мои тебя не видели, и знал бы ты, как не по душе видеть напоследок именно твою рожу... Но так уж карта легла, что делать... Дай попить.

На тумбочке стоял почти полный стакан с чем-то красноватым – на дне лежали мятые черные ягоды. Взяв питье, Смолин с величайшим тщанием наклонил стакан, позволяя Кащейю пить мелкими воробыиными глоточками и не пролить при этом на подбородок. Уловив момент, когда бледные губы сомкнулись, отнял стакан от провалившегося рта, поставил на место. В нем взбуждено колыхались ягодки.

– Сука ты, падло, мизерабль и прохвост... – заговорил Никифор, медленно облизав синюшные губы синюшным языком. – Пробы ставить некуда, зэчара поганый...

Смолин философски подумал, что за стариканом, если вдумчиво прикинуть, числилось разных предосудительных забав уж как минимум *неменьше*, чем тех, за которые Смолин от звонка до звонка оттарабанил свои срока. Скорее, надо полагать, поболее, учитывая, что в антикварке старик подвизался лет на тридцать больше. Любого в нашем интересном ремесле можно брать за шкуру и без церемоний сажать лет на несколько, он, что характерно, не будет стенать: «За что?», а станет думать: «На чем я прокололся?» Профессия такая...

– Это все лирика, – проговорил старик. – Что толку тебя поносить... Будем практичными, Васька... Это капут. Наследников у меня нет...

Смолин этому откровению ничуть не удивился: миллионный Шантарск в некоторых отношениях – большая деревня. В узком кругу всем было прекрасно известно, что Кащей давным-давно, еще при историческом материализме, расплевался всерьез что с сыном, что с дочкой. Случается такое с родней у фанатиков-коллекционеров, частенько. Редко встретишь

родных и близких, которые *прониклись* бы тем пламенем, что сжигает тебя самого. Наоборот, вовсе даже наоборот. Родные и близкие ноют годами, открыто высказывая недоумение и неудовольствие: по их практическому разумению, следовало бы эти приличные денежки не в *хлам* впаливать, а тратить, подобно человеку разумному: машина, дачка, шубы-хрусталь, щедрая помощь детишкам и прочие приземленные, чисто бытовые нужды. Со временем сплошь и рядом кончается разрывом отношений и вечными взаимными проклятьями, что в нашем случае и имеет место. Дашке старик временами подкидывал какую-то мелочовку, но златом никак не осыпал – а взрослые дети уж с четверть века как добрым словом папашу не поминали и отношений не поддерживали даже дипломатических...

– Будешь наследником, зараза, – сказал Чепурнов, явственно кривясь, словно лимон кусанул. – Ты, конечно, сука та еще – но ты, по крайней мере, *понимающий*. Так оно лучше для всех. Этот козлик с козливой все равно размотают наспех, бездарно и по дешевке... а ты хоть *пристроишь* ... Рад, поди? А?

– А черт его знает, если откровенно, – сказал Смолин. – Тут бабушка надвое сказала...

– Сволочь, – сказал Никифор с бледным подобием улыбки. – Умен, чего уж там... Умен. Ну хорошо. Будешь наследником... спасибо хоть скажи, урод!

– Спасибо, – серьезно сказал Смолин. – Нет, правда. Спасибо.

Радости особенной не было, она еще не успела *оформиться*. И потом, он пока что не видел легендарных *закромов*. Было что-то вроде облегчения, не более, и легкого удивления от того, что все обернулось именно так.

– А кому еще? – словно угадал его мысли, прошелестел старик. – В музей... чтобы растащили половину, еще не донеся, а остальное – в самом скором времени... Не дождутся. Дашке... просвистит со стебарями... Пользуйся... помни мою доброту... в тумбочке... футляр кожаный...

Без излишней поспешности Смолин извлек из тумбочки кожаный футлярчик на «молнии» размером с половину сигаретной пачки – судя по ощущениям пальцев, там лежали ключи, разномастные.

– Как только сдохну, пойдешь в закрома, – четко выговорил Никифор. – Не раньше, зараза, не раньше... Слушай условия, будут и условия... я тебе всё ж не благодетель из индийского кино.

– Да? – бесстрастно произнес Смолин.

– Памятник мне... и Лизе. Эскизы в зеленой папке. Строго по эскизам, уяснил? И чтоб не вздумал мелочиться, иначе приду и возьму за глотку, веришь ты в это или нет...

– Да ладно, – сказал Смолин, наклонясь к постели. – Считайте меня кем угодно, но ведь помните, надеюсь, что слово я всегда держу...

– Помню, помню... Памятники обоим, строго по рисунку... Дашке... Дашке... ну, дашь ей потом денег на квартиру, на машину, на шмотки-цапки... Не мелочись и не перегибай. Двухкомнатку, не обязательно в самом центре... машину японскую, но так себе... и баксов... с десятку... ага, десятку... Не жмись, сам будешь не в накладе... Понимаешь?

– Ну да, – сказал Смолин. – Еще что-нибудь?

– Японца с коробочкой – мне в гроб... Непременно... Там поймешь... японца мне в гроб... И всё. Остальные обойдутся, идут они боком через буераки... – он медленно-медленно выпростал из-под простыни руку (во что пальцы, ладонь превратились за три дня – жуть берет), свел пальцы на запястье Смолина.

Пальцы оказались холоднющие, липкие, но Смолин терпел, только теперь начиная *осознавать*, принужденный склониться к самому рту, стараясь дышать только ртом, чтобы не втягивать ноздрями кисловато-затхлый запах, слушал самое важное – где, как попасть...

Всё. Он чуть-чуть шевельнул запястьем, давая намек на то, что хочет освободить руку. Старик не отреагировал, наоборот, стиснул его ладонь вовсе уж *клешнясто* и, вперившись немигающим взглядом филина, повысив голос чуть ли не до крика, совершенно четко выговорил:

– Васька, ищи броневик! У меня не получилось... Ищи броневик, зараза, тварь! Такое бывает раз в жизни, нельзя отдать случайным, на сторону... Я не успел... Васька, ищи броневик! Броне...

– Какой броневик? – плюнув на брезгливость и почти касаясь ухом жабьего безгубого рта, настойчиво спросил Смолин.

– Ищи броне...

Что-то хлопотнуло над самым ухом – и Смолин, инстинктивно отшатнувшись, вырвал ладонь из склизких пальцев. Что-то мерзко, пронзительно залилось электронным писком над его головой – он теперь только рассмотрел, что на полочке стоит белый ящик, мигает лампочками, и окошко светится зеленым зигзагом, писк все сильнее...

Он и сам не понял, как так получилось, что его, ухватив за локоть, приподняли с табуретки, а там и вмиг вытеснили в коридор зеленоватые халаты в количестве трех. И кинулись к постели, над которой все так же пищало непонятное устройство – вот только в их суете Смолин не отметил ни *живости*, ни *настоящей* заботы...

Крепыш с широким усталым лицом, в таком же зеленоватом халате на голое тело заглянул в палату, дернул крутым сильным плечом и,

вернувшись в коридор, окинул Смолина достаточно равнодушным взглядом:

– Сын?

– Племянник, – сказал Смолин.

На лице врача отобразилось явное облегчение – ну да, так ему проще, вряд ли стоит предполагать, что племянничек возраста Смолина примется заламывать руки и оглашать обшарпанный коридор рыданиями, узнав, что дядюшке восьмидесяти с лишним лет настал трындец... Впрочем, и родные кровиночки в таком-то возрасте вряд ли будут биться в рыданиях – мы ж реалисты, такова се ля ви, особенно в данном конкретном случае. То-то, кстати, и не видать безутешных чадушек... Может, не знают?

– Что там? – спросил Смолин приличия ради.

– Ну, что там... – врач говорил негромко, устало, в голосе чуялась лишь чуточка чисто профессионального сочувствия (ну понятно, если будет каждому соболезновать *всерьез*, крышей подвинется). – Третий инфаркт и все сопутствующие осложнения, в первую очередь – годы... В *другом* возрасте зашла бы речь о шунтировании и еще паре-тройке достаточно сложных процедур... Восемьдесят четыре, понимаете ли... Наркоз противопоказан категорически, дядюшка ваш сейчас не перенесет и простейшей операции вроде вскрытия чирья на пальце. Так что...

– *Всё?* – спросил Смолин.

Врач *вильнул* взглядом:

– Ну, что тут скажешь...

– Вячеслав Палыч! – донесся женский голос из палаты.

Врач вошел туда, остановился на пороге – и почти сразу же, оглянувшись на Смолина, пожал плечами – так досадливо, *привычно*, непреклонно, что все стало ясно и без вопросов. Смолин и не пытался заглянуть в палату, где все присутствующие уже не суетились, а стояли неподвижно – повернулся и направился к лестнице.

Ага! Сподобились наконец... Вся родня, не особенно и торопясь, поднималась ему навстречу: осанистый Викентий Никифорович с супругой, но без чадушек, Бергер с женой Галиной Никифоровной и дочкой Дашенькой...

Смолин и не подумал свернуть – а какое им дело? Что он, не имеет законного права по этим коридорам ходить? К тому же никто из них, за исключением Дашеньки, знать его не знал.

И они разминулись совершенно безучастно, как в море корабли – вот только Дашенька, вовсе не выглядевшая убитой горем, мимоходом кинула на него очень уж цепкий, очень уж острый взгляд... или показалось?

Усевшись за руль, Смолин протянул было руку к ключу – но тут его пробило насквозь новым, непонятым ощущением. Там смешались холод и тоска, растерянность и страх, в пот бросило от мимолетного приступа жути: вот так *оно* и бывает, значит? Хлоп – и *нету*? И ничего с собой *туда* не прихватишь, ничегошеньки! Был – и нету... А тебе-то уже не двадцать и не пятьдесят даже...

Он даже коротко простонал-взвыл сквозь зубы – таким острым, жгучим, неприятным был приступ тоски. Но очень быстро справился с собой, посидел, закрыв глаза, резко выдыхая сквозь зубы. В конце концов, ему отстучало всего-то пятьдесят четыре, он был крепок, без хронических хворей, а то, что все же *досаждало*, не представляло серьезной угрозы... Он справился с собой: это все нервы, нервишки...

Рукавом рубашки отер со лба неприятно холодивший пот и, прежде чем включить зажигание, тихонько пробормотал, глядя на себя в зеркало заднего вида:

– А при чем тут броневик? Какой еще, на хрен, броневик?

Сознание вновь работало четко, с размеренностью только что заведенного движка. Вроде бы нет и не было среди дел насущных ничего, что следовало бы увязать с понятием «броневик». Определенно, нет и не было. Что-то такое крутится в голове, зыбкая, ускользающая ассоциация... да нет, никакой связи с делами насущными, чутье безмолвствует, точно...

Кот Ученый с искренней готовностью сказал:

– Я тоже пойду, мало ли что...

– Нет уж, – решительно отказался Смолин. – Все спокойно сидят в машине и ждут меня. Так оно надежнее. Следует, соколы мои, исключить любой намек на *групповуху* – я в случае чего один, как перст, что с точки зрения уголовного кодекса является смягчающим обстоятельством... Шварц, если что – пустую эсэмэску...

– Яволь.

Смолин тихонько прикрыл за собой дверцу «тойоты», перекинул в левую руку пластиковый пакет, в котором покоились две туго свернутых огромных сумки, с какими шастанут всевозможные торгаши – вместительны, что ни говори, – коснулся электрошокера в правом кармане легкой куртки и, зажав в кулаке связку ключей, уверенным шагом направился к подъезду. Близилось к полуночи, уже стемнело, вокруг было пусто и тихо.

С точки зрения *антикварки* он был в своем праве – покойник сам передал ему свои закрома, пребывая, безусловно, в твердой памяти и ясном сознании. Но вот с точки зрения писанных законов, все обстояло как раз

наоборот: все, что принадлежит скончавшемуся гражданину Н. С. Чепурнову, при отсутствии писаного завещания (а его нет) принадлежит в равных долях великовозрастным детишкам данного гражданина. Так что, на взгляд уголовного кодекса, мистер Смолин намеревается совершить деяние, поименованное как «кража». Сто пятьдесят восьмая, пункт два – с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище. Вплоть до пятерки. Плюс несомненная сто шестьдесят четвертая, пункт один – хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Об заклад биться можно, что под то или иное определение попадает практически все, что может отыскаться в Кашеевых закромах. Тут уж – до десятки, плюс штраф в полмиллиончика. Кошке ясно, что с такими двумя повисшими на хвосте статьями следует, как огня, избегать любых намеков на «группу лиц», «организованную группу», «предварительный сговор» – иначе автоматом навешивается еще поболее. Так что гражданин Смолин выбрался сюда один-одинешенек... правда, и в этом случае на нем повисает «крупный размер» – но что ж тут поделаешь...

Опрятный подъезд. Тихо. Пусто. Поднимаемся на третий этаж бесшумно, тихо, чтобы ни одна любопытная рожа к глазку не сунулась...

Обдумав все на сто кругов, Смолин пришел к выводу, что следовало все же ожидать и подвоха, исходящего от *самого* покойничка, вплоть до недавнего времени человека умного, изобретательного, недоброго и сплошь и рядом беззастенчивого. Быть может, Кашей и в самом деле пришел к выводу, что иного выхода нет и закрома следует отдать *своему*, как к нему ни относиться. А может, старый черт решил и устроить из-за гроба крупную подляну. В хорошем стиле «черного юмора». Поскольку мы не в штатовском детективе, в пустой квартире конечно же нет трупа с ножом в спине, рядом с которым Смолина должны повязать заранее оповещенные детективы – как это сплошь и рядом случается у Чандлера и других классиков жанра...

Трупа, конечно, нет. А вот на сигнализации квартирка вполне может оказаться, и Смолина там вскоре повяжут, как пучок редиски, – и отбрезаться будет крайне трудно. На нары вряд ли угодишь – есть хороший адвокат, есть полдюжины свидетелей, которые подтвердят, что кое-какие вещички в хате покойного Смолину как раз и принадлежат – и это будет чистая правда, без дураков... Но вот оправдываться и отписываться придется долгонько, надолго будешь отлучен от нормального бизнеса, и пятно на репутации, и хлопоты, и бабки нешуточные впадишь... Вообще-то он не насолил старикану *настолькоуж* – но тот мог в последние перед

кончиной дни и умом малость подвинуться, пакость приготовить...

Ладно, не стоит себя накачивать: все равно идти в квартиру придется, чему быть, того не миновать, если не решишься, потом будешь себя грызть всю оставшуюся жизнь – это ж Кашеевы закрома, не чьи-нибудь...

Смолин достал мобильник, еще раз проверил, поставлен ли он на «беззвук», поместил в нагрудном кармане куртки так, чтобы сразу заметить мерцание экрана. Второй этаж... Третий... С четвертого, если что, не сиганешь... Фляжка с коньяком в правом кармане джинсов, нужно успеть в случае чего и хлебнуть, и облиться, чтоб за версту несло – спяну и решил, гражданин следовательно, забрать свое, собственное, покойный не был бы в претензии...

Площадка четвертого этажа. Тишина. Ключи были уже в руке. Потратив не более пяти секунд, Смолин определил, какой из двух ключей которой скважине из двух соответствует, вставил плоский... повернул... не идет, черт... ага, в обратную сторону... еще пара секунд потеряна... главное, не коситься на глазки с двух сторон... тихо вроде бы, но кто их знает... так, один мы открыли, теперь второй... вот этот сразу крутанул в правильную сторону... дверь подалась... темнота внутри и тишина... ни на косяке, ни около него не заметно ничего, смахивающего на датчик сигнализации, но она нынче бывает самая разнообразная, скрытая так, что хрен заметишь... н у, поехали!

Он вырвал из кармана электрошокер, нажал кнопчку на торце – включил, теперь, если что, клавишу сбоку... Не идти же было с пистолетом, мы не герои романа в яркой обложке, ребята, мы обычные антиквары, в нашем бизнесе дурой пользуются только законченные идиоты...

На ощупь нашел выключатель, осветилась небольшая прихожая. Сжигая за собой все мосты, Смолин тихонько захлопнул дверь, бегло осмотрел замки: на одном есть блокирующая кнопка, но нажимать мы ее не будем, не стоит усугублять ...

Включил свет в одной комнате, в другой – шторы, слава богу, плотно задернуты. Безукоризненная чистота, опрятность и порядок, как обычно. Последний раз он здесь был всего неделю назад, поэтому ориентировался легко: планшетка с теми орденами, что он оставлял старикану, конечно, в секретере... ага, вот она, родимая... из семи орденов осталось шесть, значит, «Савушку» Никифор таки продал... денег от него, правда, уже не дожидаться, но наплевать, коли обретаешь гораздо больше, ладно, пусть планшетка пока на прежнем месте и лежит, не до нее...

Крохотная спальня (где вообще ничего интересного с точки зрения

антиквариата, кроме настольной лампы конца сороковых: круглый матерчатый абажур, бронзовые серпы и молоты с дубовыми листьями, когда-то такие стояли в начальственных кабинетах). Обширная гостиная. Вот тут антиквариат в некотором количестве присутствует, но наблюдаем мы сущий мизер, тот самый пресловутый середнячок. На ковре над диваном – кавказский кинжал (дореволюционная работа, в серебре, но, в сущности, ровным счетом ничего особенного) и драгунская офицерская шашечка образца восемьсот восемьдесят первого дробь девятьсот девятого: не золотое оружие, не наградное, клинок без травления, словом, стандартная «селедка», именно такую в свое время генерал Коржаков и подарил Майклу Джексону – по поводу чего тупые журналюги подняли хай на всю страну, уверяя, будто речь идет о каком-то несказанном уникаме. Хотя цена этому ширпотребу максимум три штуки баксов в базарный день, и раздобыть их при нужде можно охапку, не особенно и напрягаясь. Нашли уникам, уроды...

Аккуратная незастекленная этажерочка, где выстроены в безукоризненном порядке штук тридцать фарфоровых фигурок – снова ничего раритетного, в основном «элфээшки», самые старые – ровесницы Смолина, хотя на непосвященного, конечно, впечатление производит...

Черная рамка, где на квадратном метре темно-вишневого бархата укреплено штук сорок медалей. Лабуда, если честно – конечно, сыщется среди них и начало двадцатого, и конец девятнадцатого, и даже середина означенного, но опять-таки ни тени уникального, все эти регалии вешались чуть ли не каждому второму в свое время, чеканились тиражами громадными, самой дорогой цена баксов двести, зато смотрятся...

Смолин хмыкнул: насколько все-таки одинаковым зигзагом путешествовали у них с Кашеем мысли насчет «кроличьего огородика» – а впрочем, удивляться нечему, чуть ли не всякий себе оформил бы такие вот «отвлекалочка»...

На консолюке в углу – здоровенная коняшка из потемневшей от времени бронзы. Идиллически стоит себе у изгороди, спокойно пялится вдаль, насторожив уши. Хорошая коняшка, лет сто ей, не меньше – но ведь не Лансере, ох, не Лансере...

Смолин глянул на часы. Он уже четыре минуты находился здесь, а в дверь никто не ломился, не грохотал по лестнице ботинками, не обкладывал – пожалуй, и обойдется, а? *Взять*, конечно, могут и на выходе, так оно надежнее, чтоб непременно с поличным – но телефон-то молчит. Правда, могли давно уже повязать и мужиков... стоп, стоп! Это уже нежное дыхание паранойи – ну какого лешего кто-то будет вязать людей только за

то, что они сидят в машине у подъезда, ничего не нарушили, ни они не в розыске, ни машина...

Прикрикнув мысленно на себя, Смолин повернулся к книжной полке – их тут было четыре, но его интересовала только одна. Аккуратно вынул четыре темно-зеленых тома Диккенса – с девятого по двенадцатый. Открылась прямоугольная дверка, светло-коричневая, с черной каймой, на вид похоже на крохотный сейф, благо и замочная скважина имеется. В которую идеально входит третий, самый маленький ключ со связки.

Дверца исправно открылась – но там оказались не полочки, а, как обещалось, десять черных квадратных кнопок. Нажимаем, как наставляли – семь, три, семь, ноль...

Раздался звонкий металлический щелчок, ничего вроде бы не изменилось, но, легонечко потянув на себя полку (там с обеих сторон два удобных крючочка были прочно приделаны, якобы какие-нибудь маленькие картиночки вешать, а на самом деле – ручки), Смолин почувствовал, что она подается, накатывается на него.

Приналег. Вскоре весь стеллаж, шириной около метра и высотой вровень с остальными, неподвижными, отделился от соседних примерно на метр, а там встал прочно. Обойдя его, Смолин заглянул с изнанки. Ага, вот оно что – внизу и вверху по два толстых металлических штыря, судя по виду, стальные, выходят из пазов, выдвигая полку в комнату... Добротное сделано. Что ж, большую часть жизни Кащей был технарем, и неплохим, достаточно высоко поднялся к пенсии на «Шантармаше». Квартиру эту он купил году в восемьдесят восьмом – и сразу же, надо полагать, переоборудовал. Вполне возможно, в одиночку, собственными руками, он тогда был весьма даже крепок, помнится. И никто за двадцать почти лет не догадался, что квартира-то трехкомнатная...

Смолин вошел, нашарил выключатель именно там, где ожидал. Ну да, обычная комната, шторы задернуты, посреди – удобное кресло, и более никакой мебелировки, разве что высокий шкафчик в дальнем углу. Зато по стенам, по стенам...

Глаза разбегались, не в силах задержаться на чем-то конкретном. Челюсть, должно быть, отвисла, и вернуть ее на место не было никакой возможности. Холодняка не так уж много, штук десять, в основном планшеты с наградами, сплошь покрывшие стены...

Снизу ударило в напряженные глаза ритмичное мерцание. Он выхватил двумя пальцами мобилу, но это было не сообщение – высветился номер Шварца.

– Дашка с тремя шнурками, на той «восьмерке», – слышалась

придушенная скороговорка. – В подъезд поканали!

– Понял, – откликнулся Смолин и отключился.

Решение следовало принимать молниеносно. *Знает* или нет? Ну, даже если и знает, уйти *отсюда* он решительно не в состоянии. С Дашкой трое, но и с ним не меньше. То, что она притащилась в полночь, без родителей, уже само по себе свидетельствует: маловато легальности у такого визита. Нет уж, ни один антиквар на свете не ушел бы без драки *отсюда* ...

Он действовал молниеносно, словно пресловутый ниндзя – метнулся наружу, погасил везде свет, потянул на себя полку (благо изнутри это сделать еще легче, на обратной стороне стеллажа присобачены высокие никелированные поручни...), ага, вот он, справа, рычаг, открывающий потайную дверь изнутри – ну в самом деле, *изнутри* хозяину не нужен шифр...

Вновь звонкий щелчок, дверь плотно вошла в гнездо – хорошим инженером был покойничек... Погасил свет. Еще раз напомнил себе, что успел захлопнуть дверцу и надежно ее заставить четырьмя томами Диккенса.

Стоя вплотную к тонкой перегородке, сработанной из листа нержавеющей стали, он слышал как открылась дверь. Должно быть, зажгли свет, но сюда ни один лучик не проникает, на совесть постарался Никифор, чтоб ему земля была пухом...

Ладонь, сжимавшая бугристый чехол шофера из черного кожаного материала, чуточку вспотела. Сердце колотилось. Он, разумеется, боялся не за себя – видывали виды и почище, знаете ли. Невыносимо было думать, что за эту пещеру Али-Бабы может завязаться драка с оглаской: герой давнего советского боевика, даром что обреченный историей белогвардеец, говорил по схожему поводу золотые слова: «Это для одного, а не для всех...»

Судя по звукам, вошедшие расхаживали по гостиной, то и дело оказываясь прямо напротив него – вряд ли их интересовала спальня, там, с первого взгляда ясно, поживиться абсолютно нечем...

– Ну, и где же сокровища? – слышался молодой незнакомый голос. – Я чего-то такого ждал, такого...

– Заткнись! – нервно огрызнулась Дашенька. – Я и не говорила, что тут сокровища грудями навалены, хотела просто осмотреться...

– Ну, осмотрелась?

– Подождите. Должен же быть какой-то тайник...

– Давайте рассуждать логично. (Ага, вот это уже определенно волосатик Миша.) Ценного у дедушки должно быть *много*. Верно? Если

тайник здесь, и достаточно обширный, то устроен он наверняка так, чтобы найти его было нелегко. И вряд ли мы с ходу на него наткнемся... Убедительно?

– Убедительно. За что я тебя люблю, Майкл, так это за светлые мозги, хотя у Дашки наверняка другие мотивы...

– Иди ты! – фыркнула девушка.

– Леди и джентльмены, давайте посерьезнее. Ладно, это была разведка... Вношу предложение: нагрянем сюда завтра с утра, возьмем музычку, врубим как следует, чтобы глушила неподобающие звуки, и начнем искать *вдумчиво*. Если примемся громыхать в первом часу ночи, аборигены непременно звякнут в ментовку, а оно нам надо? По-моему, разумная идея. Даш, не начнут же твои родаки уже завтра тут отираться, мебели делить, из-за стульев цапаться... Дней несколько у нас есть. А? Майкл?

– По-моему, он дело говорит, – откликнулся Миша. – Завтра утром спокойно и приступим. Даша...

– Ну, в принципе... Только мы что же, так и уйдем? Вот это можно сразу прихватить, в сумку войдет вполне... Дэн, займись? Миша, а ты посмотри по ящикам...

– Ну вот, откуда все анекдоты про блондинок, если Дашутка – чистый тебе Эйнштейн...

– Хорошо болтать, работайте давайте!

Послышалось звяканье – ясно, планшет с медалями потрошат, тинейджеры сраные, догадался Смолин. С медалями проще всего, их можно грузить навалом...

– А статуэтки? – послышалось с той стороны.

– Где уж сейчас с ними возиться, их же нужно упаковать как следует... Что они будут стоять коцанные... Вввв...

– Что такое?

– Палец, бля... Прямо в мякоть засадил... Булавка охеренная...

– Кровь выдави, вдруг она ржавая...

– Да ни хрена подобного, вон как блестит...

– Все равно выдави, мало ли...

– Тронут вашей заботой, Дарья...

– Тронутым ты всегда был... Ну что копаешься? Миш, что у тебя? Ага-а... Уже интереснее. Ничего больше? Ребята, пошли...

Подрагивает голосок у стервочки, не без удовольствия констатировал Смолин. Лазить за полночь по чужим хатам – дело тонкое, тут сноровка и привычка нужны. Прекрасно должна сознавать, соплячка, что нет у нее

никакого права грабастать отсюда вещички, даже ежели она дочурка одного из прямых наследников...

Но каковы ребятки, а? Прыткое молодое поколение. Дашенька, стерва малолетняя, конечно же слышала краем розового ушка про дедушкины закрома, вот и решила урвать себе, сколько удастся. Тоже понимает, что все на этом свете имеет свою цену, антиквариат особенно...

Выждав еще несколько минут, вслушиваясь в тишину, Смолин набрал Шварца и с ходу спросил:

– Щенки слиняли?

– Ага, все четверо. Сели в тачку и укатили.

– Поднимайтесь сюда смело, – распорядился Смолин. – Самое время.

Когда они появились, полка была вновь выдвинута, Смолин стоял, опираясь на нее локтем с таким горделивым видом, словно это он все устроил.

– Заходите, орлы, заходите, – сказал он, улыбаясь во весь рот. – Гарантирую незабываемые впечатления и бурю эмоций. Только чур, не орать от восторга, а то соседи сизарей на нашу голову высвистят...

Восторженных воплей не последовало, народ был взрослый и тертый – но долго еще звучали восхищенные матерки полупшепотом, долго еще шальные взоры блуждали по стенам.

Смолин первым перестал метаться, уселся в кресло, развернув его к стене, закурил и зачарованно разглядывал один из планшетов, отведенный Японии и сателлитам. Там была парочка Золотых Коршунов, судя по размерам, третьей степени, да вдобавок все «нижние», вплоть до седьмой (причем седьмая – трех разновидностей). Там Священные Сокровища с третьей степени по восьмую. Восходящее Солнце – почти все. Шесть степеней Драгоценной Короны из восьми. Все без исключения японские медали, значившиеся в хороших каталогах – и три небольших серебрушки, ни в каких каталогах не значившиеся, с которыми еще предстояло долго и вдумчиво разбираться, как и с двумя непонятными эмалевыми знаками. Награды Маньчжоу-го, знак Внутренней Монголии, медаль Приграничной Монголии (обе последних регалии нормальный человек отроду в руках не держал).

Планшет с наградами Австро-Венгерской империи – снова дыхание в зобу спирает. Планшет Испании... целых четыре, отведенных Третьему рейху... целых четыре ордена Гавайского королевства...

Улетаешь, как от хорошего косяка. Так не бывает. То есть умом понимаешь, что существуют где-то коллекции и побогаче, но сам вживую с подобным сталкиваешься впервые. А при попытке хотя бы приблизительно

прикинуть, сколько может стоить сейчас эта благодать, и вовсе в пропасть ухаешь. Какие там два памятника для Кашея с супругою, какая там квартира для Дашки и машинешка для нее же... Такой ничтожный процент на исполнение воли покойничка отслюнить придется...

Он зажмурился, помотал головой. Решительно встал. Кот Ученый заворуженно приник к одному из планшетов, где теснились небольшие складешки – бронзовые, с разноцветными эмалями. Фельдмаршал возился с клинками, бормоча что-то про императорскую гвардию Карла X, испанских клинковых мастеров шестнадцатого столетия (отпа-ад!) и придворные шпаги. Даже Шварц, сдернув темные окуляры, таращился на рядок миниатюр в потускневших рамках и шевелил губами со столь одухотворенной рожей, что явно считал в уме серьезные суммы...

Смолин закурил новую сигарету от окурка предыдущей. Вот это и называется – старая гвардия. Кашей, происходивший из достаточно интеллигентной семьи и в искусстве уже с юности разбиравшийся, на Отечественную ушел в сорок первом восемнадцатилетним, а до Германии добрался в сорок пятом уже старшим лейтенантом – и года на три застрял там в военной администрации. Оттуда и пошло...

Львиная доля *привозного* российского антиквариата происходит как раз из Германии, которую победители (все четыре славных державы) выметали под метелку. Тевтоны к тому же сами охулки на руку не клали и сволокли в рейх все, что награбили в оккупированной Европе, представления не имея в гордыне своей арийской, что пашут не на себя, а на Товарища, Милорда, Мистера и Месье...

Черт его знает, как там управлялись наши доблестные союзнички (неплохо управлялись, судя по отрывочной информации, поездами волокли), но доподлинно известно, что демобилизованный советский солдат, что греха таить, порой даже в «сидорах», а то и просто на горбу ухитрялся притаранить из поверженной Германии самые неожиданные вещи. А потому до сих пор в глуши всплывают уцелевшие трофеи – вплоть до этюдов Рубенса, серебряных вилок из имперской канцелярии, эмалевых портсигаров самых родовитых венгерских графов и подписанных лично фюрером поздравлений своим генералам к юбилею. И не нужно забывать, что наша доблестная армия еще и по Маньчжурии прокатилась, где всевозможных сувениров тоже хватало. Одним словом, ни о чем так не жалеет истинный собиратель, коллекционер, антиквар, как о том, что Красная армия не прошла победным маршем, увы, и по Франции с Испанией, на Британские острова не заглянула. Какие в этом случае коллекции имелись бы у потомков, подумать грустно...

Старикам было хорошо, думал Смолин, старикам было кайфово. В шестидесятые, когда он бегал в пионерском галстучке в поисках металлолома, антиквариат, особенно в глухой провинции, стоил копейки – а впрочем, и в столице ради современных гарнитуров из металлических трубок и пластмассы выкидывали на помойки бесценные *мебели* времен не только Александра I, но и Екатерины II, и иностранные дипломаты, наплевав на приличия, возле этих помоек форменным образом паслись, пачкая холеные ручки, самолично грузили драгоценную добычу. Вольготно ж было резвиться в те былинные годы волчарам вроде Никифора, за недельную инженерскую зарплату скупавшим такое, что ныне и «Сотбис» в оцепенение введет...

– Вот что, ребята, – сказал он твердо. – Кто как, а лично я тут не оставлю *ничего*. Даже если до утра придется пластаться. Посмотрите в кухне, в ванной, тут полно полотенец, простыней, на крайний случай футболку с себя не пожалею... Давайте упаковывать, тихонечко и в темпе... Что?

Шварц, кривя губы, распахнул перед ним большой черный классер – там в прозрачных кармашках красовалось тускловатое *рыжье*: соверены и червонцы, империалы, двадцатимарковики, флорины и кроны, лиры, франки, наполеондоры, профили бородатые и бритые, профили мужские и женские, гербы...

– Вот я и говорю, – произнес Смолин, чувствуя *пресыщение*. – Работаем до упора...

Глава 5

Небесное создание

Смолин думал. Напряженно и долго. Теперь не оставалось никаких сомнений, что Чепурнов до самого последнего момента пребывал в совершенно ясном сознании – а раз так, следовало предельно серьезно отнестись к его последним словам. Смолин вновь и вновь повторял про себя на все лады: «Ищи броневик, ищи броневик...» Мать твою за ногу и об угол, классическая сцена из старого приключенческого романа, с таинственным напутствием на смертном одре, зарытым в глуши кладом и прочей бредятиной...

Вот только Кащей всю жизнь был прагматиком до мозга костей и коршуном бросался исключительно на то, что могло принести нешуточную выгоду. И совершенно не читал романов, только военные мемуары, исторические, научно-популярные книги и прочую документалку (Смолин прекрасно помнил и его литературные вкусы, и содержимое книжных полок).

Отсюда автоматически проистекало: если Никифор в последний свой миг был озабочен поисками некоего броневика – не было в этом ни капли романтики, а таилась исключительно голая выгода. Между прочим, не все вышеупомянутые роковые тайны с выцветших страниц являют собой авторскую выдумку: частенько случается, что люди только в присутствии бабуся с косой выдают заветное...

Правда, никак нельзя было отрицать того очевиднейшего факта, что Смолин оказался в жутком тупике. Как-никак он прожил в этом городе всю сознательную жизнь (с вычетом армии и отсидок), историю города знал прекрасно. И не мог вспомнить никакой такой истории, связанной с конкретной материальной выгодой, которая сопрягалась бы с термином «броневик». Разве что кутевановский броневик, но это совсем другое...

В советские времена только немногочисленные, особо доверенные и умевшие держать язык за зубами историки знали о подлинных обстоятельствах безвременной гибели красного буревестника, славного балтийского матроса товарища Кутеванова, чье имя до сих пор носит одна из шантарских улиц. Правда, увы, решительно противоречила сусальному официозу...

Товарищ Кутеванов, участник штурма Зимнего, несгибаемый борец с корниловщиной, деникинщиной и колчаковщиной, командир Железного

Пролетарского полка имени товарища Робеспьера, в двадцатом году, перебрав алкоголя, вздумал раскатывать на единственном в Шантарске красном броневике английской буржуазной марки «Остин», и все бы ничего, да дернула его нелегкая с громким распеванием революционных песен рассекать по-над берегом могучей Шантары – в каковую броневик и рухнул с обрыва, а глубины там было сразу у берега метров десять...

Броневик «Остин»

Сам товарищ Кутеванов так на дне и остался, вместе с одним из своих командиров, тоже, надо полагать, перебравшим ядреного шантарского первача. Живым вынырнул лишь третий член экипажа, комиссар из латышских стрелков товарищ Янис Вальде, безуспешно пытавшийся до того пресечь предосудительные забавы. Точных данных нет, но, вероятнее всего, сознательный чухонец был трезвехонек, как стеклышко, оттого и спасся...

Времена на дворе стояли сложные, Гражданская еще бушевала вовсю – и не было ни времени, ни сил, ни особенного желания вытаскивать с десятиметровой глубины потрепанный броневик. Шантарские партийные власти, по уши барахтавшиеся в нешуточных заботах, повелели считать происшедшее трагической случайностью (мол, герой-балтиец в целях борьбы с мировой контрой взялся осваивать еще и управление боевой машиной, но в результате вражьей диверсии распрощался с жизнью). Под это дело быстренько расстреляли десяток случайных «буржуев» и «контриков», на обрыве устроили пафосный митинг с оркестром, пылкими речами и клятвой в память о славном балтийце непременно уничтожить всю мировую контрреволюцию в текущем двадцатом году. Постреляли вверх из маузеров и винтовочек, спустили на воду венок из алых гвоздик – и разошлись крепить революцию.

Товарищу Вальде (дослужившемуся уже до четырех ромбов на петлицах по политической линии) эта история, надо сказать, аукнулась в

тридцать седьмом году, когда Сталин чистил страну от «старых большевиков», словно гимнастерку от вшей. Имевшего неосторожность корешиться с Троцким товарища Вальде подмели в один день с Тухачевским – и следаки, не ломая особенно голову, вытащили на свет божий старую историю с броневикум, обвинив именно товарища Вальде в злодейской диверсии и убиении двух красных орлов – по заданию то ли Троцкого, то ли гидры мирового империализма. Поначалу отпиравшийся товарищ Вальде через недельку задушевных бесед разоружился перед партией, подписав признание и касаясь Троцкого, и касаясь гидры. Самое интересное, что его не шлепнули вместе с прочей старобольшевицкой сволочью, а загнали в дальние лагерь, где двужильный латыш ухитрился благополучно доскрипеть до пятьдесят третьего, когда был торжественно отпущен как безвинная жертва культа и перегибов. Осел он вроде бы в Шантарске – но его дальнейшая судьба Смолина никогда не интересовала, и никаких подробностей он не знал.

Это была единственная история, подходившая под понятие «броневик». Ничего другого не было. Но плохо верилось, чтобы именно о нем говорил Никифор. С первого взгляда ясно, что никакой выгоды отсюда ждать не приходится. Предположим, удастся найти точное место гибели броневика (что нетрудно сделать, покопавшись максимум недельку в открытых архивах). Извлечь его на поверхность с помощью современной техники совсем нетрудно, да и обойдется дешево... но вот дальше-то что? Броневик, тут и гадать нечего, подпадает под категорию памятников истории и культуры, в каком-то качестве принадлежит не нашедшему, а государству. Подобную операцию в тайне не удержишь – очень уж заметно будет. Даже если продать броневик какому-нибудь толстосуму для украшения усадебного двора, во-первых, быстро станет известно, а во-вторых... ну сколько можно за него выручить? Смех один, по большому счету. Не стоит овчинка выделки. О том же самом давным-давно должен был подумать и Кашей... тогда что? Некое *иносказание*? Но что за ним кроется? Ладно, нужно будет разобрать бумаги покойного – чем Смолин только-только начал заниматься...

Он задумчиво постукал пальцами по простенькой картонной папке, на которой красным карандашом, рукой Чепурнова было каллиграфически выведено «Важное», потом решительно встал, вышел из кабинета и заглянул в одну из подсобок, ту, что ближе.

Никаких ценностей там не имелось, подсобка порой служила чем-то вроде гостиничного номера для приезжих деловых партнеров (так оно было проще и надежнее), а потому представляла собой довольно прилично

меблированную комнатку. Сейчас там на обширном, не особенно и старом диване в позе кейфующего турка возлежал Гонзиц и задумчиво дымил трубочкой, философски глядя на полупустую бутылку коньяка. Оказавшись в комфорте и уюте, Подземный Умный Крот решил отсрочить возвращение с поля еще на денек-другой, против чего Смолин ничего не имел – свой был человек, полезный, спяну помещение не подпалит и никаких других безобразий не допустит – немецкая кровь сказывается, знаете ли...

Гонзиц задумчиво дымил, Смолин задумчиво взирал. Врубив механизм нехитрой дедукции, он отметил второй стакан, россыпь конфетных фантиков (при том, что Крот, подобно Распутину, сладкого терпеть не мог), а главное – все еще витавший в воздухе аромат не самых гламурных духов.

– Блядей заказывал, Камрад? – с пониманием ситуации поинтересовался Смолин.

– Одну, – спокойно ответил Гонзиц. – Ты не бери в голову, все культурно, мне Валька дал телефончик... Есть у нас вполне пристойное заведение, со студенточками престижных вузов, которые тихонечко и грамотно себе к выпускному стартовый капитал сколачивают.

– «Инесса», что ли? – пожал плечами Смолин. – Тоже мне, роковая тайна... Ты когда-нибудь, майн либер, со своей студенткой столкнешься...

– А было разок, – преспокойно сказал археолог. – Ну и что? Дело вполне житейское...

– Ну ладно, я-то – одинокий волк, мне судьбой положено, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Но у тебя-то Инка – королева красоты, золотая баба...

Гонзиц наставительно поднял палец:

– Зато я триумфально вернусь с поля к любимой женщине, будучи малость пристыжен загулом со шлюхами – а значит, особенную нежность буду к супруге испытывать, подарками осыпать, ласками одаривать...

– Особенную нежность... – проворчал Смолин. – Слушай, ты ничего такого не слышал насчет кутевановского броневика?

– Это ты про последние новости?

– Ну, я не знаю... А какие?

– Я вчера говорил с Лизочкой Новицкой, из комитета по культуре... Понимаешь ли, Вася, нету там, на дне, никакого броневика. Власти собрались к трехсотсопятидесятилетию города его вытащить, подновить и вклепать куда-нибудь на пьедестальчик – ну, как-никак историческая ж машина... Заодно и Кутеванова с напарником похоронить можно будет честь по чести...

– Подожди, – сказал Смолин. – Кости ж давно растворились в воде.

– В морской растворились бы точно, а в речной – в общем, наоборот. Все зависит от кислотности, а она в Шантаре не особенно и изничтожающая. И потом, скелеты ж не на дне лежат, а в броневике. Значит, и «речной абразив» их не точил нисколечко – песок, течение и все такое... И рыбки, очень может быть, не добрались. Короче, по любому должны остаться крупные трубчатые кости и непременно – черепа... Только ничего у них не получилось. Нету там броневика. Ни хрена. Мэр у нас мужик хозяйственный, нагнали аквалангистов, пускали катера с магнитометрами – все без толку. Обшарили километровый участок – по обе стороны от исторического обрыва, но броневика, сто процентов, на дне не имеется... Хотя место то самое, сомнений нет: на обрыве ж до сих пор неподъемный валун громоздится, на котором коммуняки тогда, в двадцатом, звезду и лозунг выдолбили...

– Знаю, кто ж каменюгу не помнит?

– Ну вот... А тем не менее нету на дне броневика. Кайся, это не ты его украдкой вытащил и толкнул кому?

– Заколебаешься вытаскивать... – сказал Смолин. – Слушай, интересно получается... Как же так? Был броневик, любой историк тебе подтвердит, и в Шантару он навернулся с Кутевановым вместе... Что за ерунда?

– А хрен его знает. Я так подозреваю, комиссар сгоряча попутал места. Обрывов в тех местах до черта, многие друг на друга похожи... Выплыл комиссар в расстроенных чувствах – и попутал. Там же тогда еще не строили и не жили, до города было километров десять, совершенно глухие места... Вот чухонец, вполне вероятно, малость контуженный, пока до Шантарска добирался на своих двоих, точное место и запомнил. Кто бы тогда проверял? Так что ржавеет себе броневичок где-то километрах в нескольких правее или левее исторического валуна... слушай, а может, краснюки все прекрасно и знали? Но местечко это именно из-за живописного валуна и выбрали? Потому что в настоящем месте ничего такого не было? Какая Кутеванову была разница? Зато, говорю, весьма даже живописное историческое место получилось: каменюгу за версту видно что с реки, что с сухопутья. Идут пионеры – салют Мальчишу, плывут пароходы – салют Мальчишу...

– И что теперь?

– А ничего. Бросили. Средств бюджетных им жалко – обшаривать реку на значительном протяжении с привлечением техники и аквалангистов – никто ж стараться бесплатно не хочет... А что это тебя на броневик потянуло?

– Да так, к слову пришлось... – сказал Смолин безмятежно.

И преспокойно вышел. Из второй подсобки доносились азартные голоса, звяканье железа, постукивание – там Кот Ученый с Фельдмаршалом разбирались со вчерашней добычей. Которая теперь на законнейших основаниях принадлежала Смолину: попробуйте доказать обратное, если каталогов своей коллекции Кащей не составлял и светить ее не светил. От деда вся эта благодать В. Я. Смолину досталась, и никаких гвоздей...

Вернувшись к себе, он раскрыл папку «Важное». Сверху лежал прямоугольный лист серовой бумаги, исписанный разборчивым почерком (чернила, конечно, изрядно выцвели, но читается легко). В верхнем правом углу отпечатанная типографским способом здоровенная, чуть ли не в доньшко пивной кружки размером черная печать с императорским орлом и надписью: «Актовая бумага. Пятьдесят рублей». И тут же – типографский штамп: «Для актов, оплачиваемых сбором высшего оклада, на сумму не свыше 10.000 рублей, и для актов, оплачиваемых сбором низшаго оклада, на сумму не свыше 100000 рублей». Ах, так это купчая... Идеальной сохранности, на последней, четвертой страничке – четыре зеленых пятирублевых марки гербового сбора. Состояние отличное, вещьца небезынтересная... вот только цена ей, грубо прикидывая – ну максимум баксов триста, много – четыреста. Не такой уж и раритет, подобных хватает. С чего бы это Кащей ее положил...

К антикварной бумаге был скрепкой присобачен маленький квадратный листок бумаги вполне современного вида, на котором тем же разборчивым инженерским почерком Чепурнова было обозначено «Чехова, 28-157». И номер телефона, судя по всему, не мобильный, а квартирный. Город, что характерно, не обозначен, а улица Чехова где только не отыщется... телефонный номер, впрочем, определенно шантарский...

Аккуратно отложив листок вместе со скрепочкой, Смолин принялся читать.

«Выпись из крепостной, Шантарского нотариального архива, книги по городу Шантарску за 1910 год.

Стр. 60–61, № 65.

Тысяча девятьсот десятого года, мая двадцатого дня, явились к Николаю Александровичу Ставровскому, шантарскому нотариусу, в контору его, находящуюся по Воскресенской улице, в собственном доме, лично ему известные и имеющие законную правоспособность к совершению актов шантарский мещанин Таих Эльевич Айзенберг и коллежский ассессор Иосиф Алексеевич Бессмертных, живущие в доме первого, в Новокузнецких рядах, в сопровождении лично ему известных свидетелей шантарского купца Ивана Трифоновича Савельева, шантарского

мещанина Ивана Петровича Навалихина и нарымского мещанина Александра Александровича Колмакова, живущих в городе Шантарске на Новобазарной площади в доме второго с объяснением, что они, Айзенберг и Бессмертных, желают совершить купчую крепость на следующих условиях...»

Далее на трех страницах с достойной уважения юридической скрупулезностью излагалась суть дела: мещанин Айзенберг продавал асессору Бессмертных «недвижимое имение», то есть земельный участок, чьи координаты были обозначены опять-таки предельно скрупулезно. Мещанин Айзенберг некогда обосновался в Шантарске прочно: на участке (размером примерно в пятьдесят три нынешних сотки) имелись «каменный двухэтажный дом, каменная кузница, две каменных мастерские, одноэтажный каменный флигель, полукаменный флигель, амбар с подвалом и прочими надворными постройками».

Поднажиться решил мещанин Айзенберг? Нет, тут другое – означенное «имение» состояло в залоге в Ярославско-Костромском земельном банке аж с тысяча восемьсот девяносто седьмого года, из-за чего на мещанине Айзенберге висел «капитальный долг в две тысячи восемьсот шестьдесят шесть рублей пятьдесят четыре копейки и льготные платежи семьдесят рублей девяносто одна копейка». Так-так, а сколько ж он должен был получить за «имение»? Ага, пятнадцать тысяч рублей. Ну что ж сделка для мещанина Айзенберга не такая уж, надо полагать, оказалась невыгодная – да и для коллежского асессора отнюдь не убыточная. «Имение» достаточно солидное, земли изрядно, Новокузнецкий ряд, Новокузнецкий ряд... сейчас не вспомнить точно, что там теперь, на этом месте, но вроде бы не городская окраина, это где-то почти в центре... Небезынтересно, но никаких таких особенных капиталов на исторической бумаге не наживешь. И бумажка зачем-то присобачена...

Не особенно долго раздумывая, Смолин покопался в столе, извлек запасной мобильник для особых случаев, быстренько его включил. Труба предназначалась для звонков, которыми он не хотел себя засвечивать: звякнул, поговорил – и вновь отключил на неделю, а то и две, попробуй найди...

Старательно набрал номер. Один длинный, два, три, четыре...

– Бессмертных слушает, – раздался наконец вялый, какой-то расслабленный мужской голос.

Смолин, особенно не задумываясь, сказал напористо:

– Из газеты «Шантарский курьер» беспокоят, мы тут готовим матерьяльчик... Вы, часом, не родственником приходитеесь коллежскому

ассессору Иосифу Алексеевичу Бессмертных, обитавшему в Шантарске до революции?

Голос незнакомца стал не только вялым, но и откровенно капризным:

– Молодой человек, вы *другие* городские газеты хоть иногда почитываете?

– Случается, – осторожно ответил Смолин.

– А вы бы их читали не от случая к случаю, а постоянно. Ну, право же, сколько можно в сотый раз... Читайте конкурентов, они вас давненько, дорогой, опередили... Всех благ.

И трубку решительно повесили. Интересно девки пляшут, подумал Смолин, отключая *хитрую* мобилу. Полное впечатление, что вы, сэр, дурака сваяли, мнимый «журналист» столкнулся с чем-то, что обязан был и так знать, заранее – именно так из контекста и следует... Точно, этот тип с вялым голосом не однофамилец, а определенно «имеет отношение» – что ж, в Шантарске немало потомков прежних благополучных обывателей, несмотря на все войны, революции и прочие коловращения жизни. Что отсюда проистекает, логично рассуждая? Да то, что Кашей намеревался впарить этому вялому исторический документ, связанный с личностью его предка. Других объяснений нет. Если потомок – лох ушастый, а денег у него немерено, и в реальных ценах на антиквариат он разбирается хреново, тут и в самом деле можно срубить нехилое лавэ... Учтем-с...

Верный своей привычке доводить все до конца, он залез в шкаф и извлек оттуда здоровенный лист бумаги, карту Шантарска девятьсот двенадцатого года – никакой не раритет, современная копия старой карты, которую, вставив в рамочку, обычно толкали туристам все до единого шантарские антикварщики по вовсе уж смешной цене. Новокузнецкий ряд... ага, вот это где, если сопоставить с современным планом города... ну да, не самый центр, но, как-никак, историческая часть города... в районе речушки Качи... а вот где точно?

Смолин решительно зашел в подсобку и с первого взгляда убедился, что Гонзиц еще в состоянии, позволяющем употребить его в дело. Положил на тумбочку карту:

– Можешь мне совершенно точно определить, где сейчас такое место – первая часть, Новокузнецкий ряд, номер шестьдесят шесть?

– Тебе вот прямо счас?

– Ну, не в минуту, однако желательно побыстрее...

– Не вопрос, – сказал Гонзиц, с намеком поглядывая на опустевшую бутылку. – Если неторопливо – мне ж еще за пузырем идти – то отнимет час, а если с надлежащими условиями труда, то и за четверть часа

управлюсь... И современную карту мне б...

Смолин принес толстый автомобильный атлас Шантарска, поставил на тумбочку четверть-литровую фляжечку с коньяком и попросил:

– Только ты уж, Камрад, не срубись...

– Выдюжим, – заверил Гонзиц, пуская клубы дыма над картой. – Говорю тебе – четверть часа максимум...

Смолин хотел было для надежности и контроля остаться с ним – но увидел в распахнутую дверь, как мигает в его кабинете сигнальная лампочка. Буркнув что-то, вышел в магазин.

Гоша тут же показал ему взглядом на...

На прелестнейшее, надо сказать, создание женского пола, с ослепительной улыбкой повернувшееся к Смолину: белые брючки, красная маечка, голое пузико, как водится, натуральная блондинка, волосы роскошные, чуть не до пояса... Годочков двадцати с лишком, а значит, под неприглядную статью УК уже не подпадает...

Очаровательное было создание, так и тянуло руку положить на плоский загорелый животик – а потом одинаково приятно было бы вести ладонь что вверх, что вниз...

– Пресса, Василий Яковлевич, – с бесстрастным видом доложил Гоша, поглядывая на блондинку отнюдь не вождедеючи (притом что имел нормальную гетеросексуальную ориентацию и особенным моральными устоями в этом плане не был обременен).

Точно так же и Смолин моментально отрешился от прежних эмоций, вмиг ощутив не то чтобы разочарование или скуку, а откровенную неприязнь. Недолгоблюдали тут прессу, чего уж там – и не только в данном конкретном магазине, а, так сказать, в глобально-стратегическом плане...

Но ведь не выкинешь же за шкурку, поулыбаться нужно, ничего не попишешь... Выйдя из-за стеклянного прилавка, Смолин изобразил на лице самую вежливую, простецкую улыбку и, еще раз обзрев снизу доверху прелестное создание (но уже далеко не с прежней приятностью), вопросительно поднял брови.

Девочка поняла, заторопилась:

– Инга Извольская, «Шантарские губернские ведомости»... Вот, пожалуйста...

И сунула ему закатанную в пластик карточку с фотографией – судя по суетливости и некоторой робости, сия аппетитная персона в журналистике делала первые шажки: топ-топ, топает малыш... Но до чего сексуальный малыш, ага, и глазками играет вполне профессионально, и поза грациозности не лишена... Закинуть удочку, а?

Смолин, добросовестно, демонстративно почесав в затылке, ухмыльнулся еще обаятельнее:

– Давно?

– Что, простите?

– Давно изволите украшать своей персоною средства массовой информации? Что-то я вас не припоминаю, а ведь такую девушку однажды увидевши, не забудешь...

– Я недавно... После универа...

– Ясно, – сказал Смолин. – Вот только тут написано... Вовсе не «Инга Извольская», а «Софья Лесникова»...

– Вы же понимаете, псевдоним... Так красивее, законы жанра...

– Жаль, право, – сказал Смолин. – Лично я Инг встречал много, а вот с красавицей по имени Софья в жизни не знакомился, нет, серьезно...

– Ой, да такое старомодное и нелепое имя...

– Ну, это дело вкуса, – сказал Смолин, возвращая Инге-Сонечке ее аусвайс. – Я по паспорту тоже, знаете ли, черт-те что...

– Это как? – моментально поинтересовалась она довольно-таки цепко (ну, не вовсе уж наивная, сообщает).

– Да так, пустяки... – пожал плечами Смолин. – Итак, что же вас в наше скучное заведение привело?

– Я бы хотела сделать репортаж... Понимаете, Василий Яковлевич (шустренькая, с первого раза запомнила, как Гоша к нему обращался... или наводила уже справки?), антиквариат – ужасно интересная тема...

– Надо же, а я и не знал...

– Шутите?

– Нисколько. Мы – люди невероятно скучные, серые, торгуем себе помаленечку...

– Но у вас же столько интересных вещичек... – она оглядывалась с неподдельным любопытством свежего человека, со стариной прежде не особенно и сталкивавшегося. – Вот только простоватые они какие-то... Я слышала, есть коллекции старинного оружия, ювелирных изделий, всего такого... Вы мне не дадите адреса и телефона каких-нибудь коллекционеров?

Смолин не то что вздохнул про себя уныло – форменным образом взвыл...

Голову прозакладывать можно, что эта лапочка – ничья не подсадка, не подстава. Она по жизни такая дурочка, вот и все. Подобные ясноглазые Манюни в антикварных магазинах появляются достаточно регулярно – и нет у них других замыслов, кроме как и в самом деле сделать убойный

репортаж, желательно с убойными фотографиями. И невдомек этим труженицам пера, что *серьезный* коллекционер конспирируется почище Штирлица и к публичности стремится еще меньше, чем резидент российской разведки в каком-нибудь Копенгагене – а уж особенно собиратели холодняка, ювелирки, вообще чего-то *дорогого* ... Единственный известный Смолину пример – когда «папаша» Алисы Селезневой, то бишь фантаст Булычев, в своих мемуарах откровенно засветил собственную нехилую коллекцию наград и головных уборов посредством откровенных фотографий – но, быть может, классик жанра уже в легоньком маразме пребывал, люди стопроцентно вменяемые так не поступают...

– Я совершенно точно знаю, что хороших репортажей про антиквариат много лет как не было, – сообщила Инга. – Говорила с коллегами, телевизионщиков расспрашивала, никто даже не припомнит...

«Не удивительно, – подумал Смолин. – Мы ж все – в твердом уме и здоровой памяти, не Булычевы, чай...»

– Ага, – сказал он весело. – Вы, стало быть, хотите свое имя обессмертить звонким репортажем?

– Ну, не обессмертить, конечно... Но тема-то интереснейшая.

– Да уж... – проворчал Смолин. – А были ли вы...

– Да я везде уже была! – с неприкрытой грустью поведала очаровашка. – В «Дукате» со мной вообще не разговаривали, там сидел какой-то звероватый дед...

«Ну да, – констатировал Смолин. – На Фомича напоролась, он в таких случаях поступает решительно. А Леши не было, иначе Леша непременно попытался б тебя, аппетитную, склеить, задуривая головенку красивыми, но банальными рассказками... Он вас таких этим макарон с полдюжины уж опробовал...»

– «Эльдорадо», – сказал он деловито.

– Ой, да там только шутили и уворачивались... Во «Фрегате» со мной вообще разговаривали как с деревенской дурочкой или малым ребенком, а в «Раритете» вылез какой-то проспиртованный субъект и с ходу принялся в сауну звать...

«В очередном запое Врубель-Рубель, – отметил Смолин. – Учтем, запомним...»

– Что ж не пошли? – спросил Смолин, всем видом показывая, что пошлово-шутливо, и не более того.

– С *таким*? – девушку натурально передернуло. – Нет уж, увольте! Лапать даже пытался...

– Мужчины его поймут, – сказал Смолин.

Она сердито сверкнула глазами:

– Тоже в сауну звать будете?

– Ну что вы, – сказал Смолин. – Мы, старые педофилы, гораздо скромнее в потребностях, максимум – в кафе... В кафе-то пойдете? Без задних мыслей?

Она глянула кокетливо:

– Может быть... Если и вы мне пойдете навстречу. Но я ж вижу, что вы тоже начинаете...

– Ладно, – сказал Смолин, отступил на шаг и поднял лакированную досточку на шарнире, преграждавшую вход за прилавок. – Заходите. Коли уж вы всех обошли и ничего не добились...

Он видел краем глаза, что Гоша взирает на него осуждающе – но предпочел этого не заметить. Он и сам не понимал толком, чего же именно добивается: то ли проверить эту кису на моральную устойчивость и в случае чего, простите за цинизм, отодрать со всем усердием, то ли... Порой ему приходило в голову, что не мешало бы обзавестись собственным каналом в средствах массовой информации: мало ли что может случиться, мало ли какие коллизии возможны, порой необходима как раз не конспирация, а огласка – в наши-то путанные времена, когда СМИ, хвостом их по голове, сплошь и рядом способны быть *оружием*, и даже не за деньги их можно купить, а втемную использовать... Давно об этом идут разговоры среди своих, но реально никто и пальцем не пошевелил... быть может, пришла пора?

В кабинете у него не должно быть ничего предосудительного – а потому Смолин, не колеблясь, повел Ингу именно туда, любезно придвинул кресло, поинтересовался:

– Коньячку хотите?

– Что, вы тоже начинаете? В «Раритете» мне водку предлагали из какой-то жуткой бутылки...

– Ну, у меня-то бутылки не жуткие, вполне гламурные...

– А потом? Куда позовете?

Смолин тяжело вздохнул – очень даже театрально, протяжно, старательно – и подошел к ее креслу:

– Бог ты мой, а вам не приходило в голову, милая Инга, что вы просто-напросто по-человечески понравились дурному, романтическому старику?

Ага, а ресницами-то затрепетала хоть и с некоторым смущением, но и с явным удовольствием – не родилась еще та красотка, что негодует, когда ее взглядом раздевают...

– Никакой вы не старик.
– Конечно, – сказал Смолин. – Значит, есть у меня шанс?
– Василий Яковлевич! – произнесла она чуть ли не умоляюще. – Если вы меня хотите оставить ни с чем, скажите сразу...

– Ну что вы, Инга, – сказал Смолин, усаживаясь. – Говорю же, вы мне нравитесь... в хорошем смысле. Я понимаю, у вас, так сказать, служебный долг... Вот только, уж простите, не могу я вам давать ни адресов, ни телефонов. Не принято это, знаете ли. В нашем мире свои законы. Очень даже суровые. Сегодня я вам дам сдуру телефончик, а завтра сшибет меня на людном перекрестке неопознанная машина или пальнет в спину какой-нибудь декадент из двуствольного обреза...

– Шутите?

– Ничутьточки, – сказал веско Смолин, глядя на нее серьезно, строго, печально. – Чем хотите поклянусь – ничутьточки... Вы себе и не представляете, что за народ – серьезные коллекционеры. Какие у них возможности, что это за персоны, что они могут... – он понизил голос, наклонился через стол. – Молчать умеете? Я вам говорю авторитетно: это самая настоящая мафия. Вот только получившие пулю в спину за длинный язык в газеты не попадают, тут испокон веков шито-крыто, не нами заведено, не на нас и кончится... И более того. Если вы сунетесь к серьезному коллекционеру с глупыми вопросами, он вас может принять за бандитскую наводчицу... И начнут вас *спрашивать* так, что потом ни за что нельзя будет отпускать на волю в *таком* виде, вот и придется... Вы хоть понимаете, во что лезете? Я к вам вполне по-дружески, говорю же, вы мне нравитесь – ну да, цинично, как нормальному мужику! – и мне думать не хочется, что с вами из-за вашей наивности может такое приключиться... Были печальные примерчики...

Он замолчал, закурил и откинулся на спинку кресла, украдкой наблюдая за собеседницей. Ухмыльнулся про себя: вся эта безжалостно навешанная на розовые ушки лапша достигла цели, девочка сидела поникшая, растерянная, словно пыльным мешком ударенная...

– Честное слово, я не шучу, – сказал он грубовато, закрепляя первый успех. – Всё так и обстоит. Иногда людей и не находят вовсе, чтоб вы знали. Серьезный антиквариат – это бешеные деньги, а где бешеные деньги... Понимаете, а?

– А вы и в самом деле, кажется, не шутите, у вас лицо стало... такое...

«А как же, милая, – ухмыльнулся про себя Смолин. – В нашем веселом ремесле талант лицедея необходим, числится на втором месте после *чутья* ... И не таким мозги пудрили успешно...»

– Так вот почему не бывает репортажей...

– А вы как думали, Инга? – сказал Смолин устало, тоном заботливого дядюшки. – Потому-то и не бывает... Помните, несколько лет назад в Москве подорвали шустрого мальчишечку по фамилии Холодов? Я вам, конечно, ничего не говорил, а вы ничего не слышали, только *мыто* знаем, что там было на самом деле, и какая лажа – официальная версия. Мальчишечка сдуру сунулся в секреты столичной торговли антиквариатом, и не нашлось рядом человека, чтобы предупредил, как я вас сейчас...

– Что, правда? – спросила она с самым убитым видом, уже, без сомнения, поверив.

– Да я бы вам столько мог порассказать... – произнес Смолин. – Вот только спокойно жить хочется, да и вам, наверное, тоже? Ну как, Инга, убедил я вас?

– Да, конечно, – сказала она, понурясь. – Спасибо... Что же получается, совсем нельзя писать? Ничего?

– Ну что вы! – жизнерадостно возразил Смолин, улыбаясь открыто и честно. – Главное, забудьте вы напрочь про оружие, драгоценные металлы, вообще про все *дорогое*. Антиквариат, знаете ли, бывает и вполне *обыденным*. Вот, посмотрите-ка налево... Это, да будет вам известно, отнюдь не корова...

Обернувшись к стене – все еще с растерянным, убитым, *придавленным* видом, – очаровашка принялась рассматривать висевший под потолком череп с могучими рогами. Спросила, чуточку ожив:

– А это кто?

– А это древний бизон, – сказал Смолин охотно. – Который десять тысяч лет назад разгуливал примерно на том самом месте, где мы сейчас с вами сидим. Сейчас я вам покажу еще и натуральный каменный топор первобытного человека, и кое-что еще... Хотите сотрудничать, Инга? Я вам многое могу рассказать и показать, могу даже взять на какую-нибудь сделку из неопасных, и репортаж вы сочините не один... Вот только взамен вы мне твердо пообещаете, что без моего предварительного просмотра ни строчки в народ не выпустите... Годится вам такое?

– Еще как! – воскликнула она, отходя. – Притом что не было ни единой публикации вот уж сколько лет... Я согласна, конечно...

– Мы работаем, бывает, и в ночь-полночь, – сказал Смолин. – Предположим, я вас поздним вечером соберусь куда-нибудь выдернуть... Муж против не будет?

– А я не замужем.

– Бывают еще и... варианты.

– Нет у меня сейчас... вариантов, – она глянула чуточку настороженно. – А вы, правда, серьезно? О сотрудничестве?

– Не совсем, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Я ж потаенный педофил, я блондинок регулярно в фундамент замуровываю...

«А ведь выгорит, пожалуй, – подумал он, раскладывая на столе, всевозможные дешевенькие, но весьма эффектные мелочи вроде подстаканника с дореволюционными чекухами, старинных ключей и наконечников стрел. – Если не спешить, не спугнуть, не тащить сразу в койку – смотришь, и выгорит...»

– Вот, почитайте для начала, – сказал он, подавая девушке купчую. – Это и в самом деле интересно. Если что-то непонятно, спрашивайте, я объясню...

...Смолин запер паджерик ключом (терпеть не мог сигнализации с их вечным мяуканьем-вспышками, обходился «секретками»). Вылез из машины, неторопливо огляделся. Две хрущевки классического вида, справа и слева – два длинных ряда гаражей, выстроенных лет тридцать назад, а между гаражами спускается по обрыву к неширокой грязной Каче бетонная лестница с покосившимися сварными перилами, составленная из двух бетонных маршей тех же хрущевок. Знакомый райончик, не таивший вроде бы никаких сюрпризов, а вот поди ж ты...

Подойдя к верхней ступеньке лестницы, Смолин встал чуть в стороне, чтобы не мешать прохожим, посмотрел вниз. Кое-где трудами городских властей Кача была облагорожена достаточно красивыми набережными, фонарями и скамейками – но здесь она оставалась в первозданности: полоса медленной серой воды шириной метров пятнадцать с усыпанными всевозможным мусором берегами.

Смолин заглянул в карту, где рукой Гонзица был старательно обведен чуточку неправильный квадрат, получившийся таковым не от дрожания нетвердой руки, а оттого, что таким участок и был некогда в плане. Привязаться к местности было несложно, ошибки при первом осмотре возможны, но мелкие, ни на что принципиально не влияющие...

Прилегающая к речке местность поросла жесткой невысокой травой. Как ни вглядывался Смолин, он не разглядел остатков флигелей, двухэтажного справногo особняка и помянутых кирпичных мастерских. Разве что справа метров на пять протянулся совсем невысокий бугор, скорее уж *угадывавшийся* – ну да, жалкие остатки одного-единственного фундамента, черт его ведает, мастерской или жилого строения...

Прекрасно известно, почему именно здесь не осталось камня на камне

– единственное местечко в Шантарске, где в девятнадцатом грохотал *настоящий* бой, а не просто ожесточенная уличная перестрелка. Вон с тех высоток рвался в низину, за Качу, полковник Лопашенко с остатками своего полка и четырьмя трехдюймовками – это для него была самая короткая и удобная дорога, чтобы прорваться на Сибирский тракт и уйти следом за отступающей армией «верховного правителя». Полковник, прекрасно понимавший, что через часок-другой в тыл к нему выйдут наседающие кутевановцы, пошел ва-банк – ну, а оборонявший со своими красными орлами этот берег горячий партизанский командир Кабарашвили тоже не собирался ни отступить, ни уступить.

Вот и нашла коса на камень... Плюнув на экономию боеприпасов, Лопашенко яростным огнем четырех полевых орудий буквально в клочья разнес и усадьбу Бессмертных, и два соседних дома, где засели с двумя пулеметами не имевшие артиллерии партизаны – тогда только, потеряв не менее половины наличного состава, раненый Кабарашвили приказал отходить. Бросив все орудия, полковник прорвался-таки на этот берег и добрался до тракта – дальнейшей его судьбы Смолин не знал, да и не собирался интересоваться. Когда жизнь немного наладилась, в развалинах обосновались воры-разбойнички с приличным дореволюционным стажем и около года благоденствовали – но потом тогдашний начальник угро, дабы лишить *элементов* убежища, по договоренности с партийной властью устроил очередной революционный субботник, в ходе которого остатки усадьбы и прилегающих строений были в буквальном смысле сровнены с землей. Произошло это то ли в двадцать втором, то ли в двадцать третьем – и так уж получилось, что больше в этих местах ничего не строили; город разрастался сразу в нескольких других направлениях, а до бывшей Новокузнецкой, шестьдесят шесть, шестьдесят семь и шестьдесят восемь у всех последующих властей так никогда и не дошли руки...

Еще раз сверившись с планом, Смолин окончательно убедился, что никакой ошибки или неточности быть не может: вся бывшая усадьба Бессмертных, пятьдесят с лишним соток, представляла сейчас голую землю, совершенно бесхозный пустырь.

Только теперь до него *дошло*. Только теперь он проникся идеей покойного Никифора – и вновь, в который раз, мысленно снял шляпу перед старым волчарой. Действительно, среди недостатков Чепурнова не было одного – мелочности. Не работал по мелочам Кащей, чего не было, того не было. Голова...

Глава 6

Аглицкая блоха и шантарские чудодеи

Две зверюги надрывались бухающим лаем по ту сторону забора, стервенели еще с минутку. Потом хлопнула дверь, Маэстро рывкнул на них с крыльца, судя по звукам, сцапал за ошейники и потащил в вольер. Они все еще лаяли, но уже издали, с одного места.

Клацнул засов, калитка распахнулась, и Смолин шагнул во двор. Маэстро поднял ладони, показывая, что для рукопожатий не время – руки запачканы машинным маслом и синей краской.

– Привет, – сказал Смолин, запирая за собой калитку. – Что изобретаешь?

– Да так, вечный двигатель... Пошли.

Из вольера на Смолина враждебно таращились две кавказских овчарки – серая и черная. Он побыстрее прошел в дом, хотя видел, что капитальную загородку им ни за что не скovyрнуть. Маэстро шагал впереди – низенький лысоватый мужичок самого прозаического облика, в тельняшке-безрукавке и жеваных трениках, парой лет постарше Смолина. Прямо перед носом он торопливо прикрыл левую дверь. Смолин ничуть не обиделся – он был лишь одним из великого множества клиентов, сам не лез в чужие дела и не хотел, чтобы лезли в те, с какими он сюда приходил, так что все было правильно. Главное правило профессиональной этики, касавшееся *огласки*, заключалось в том, что Маэстро непременно предупреждал *своих*, если *вещица* его работы обосновывалась на шантарском рынке...

Смолин прошел в другую дверь, направо, гостеприимно перед ним распахнутую. В обширной комнате стояли три стола, а на них чего только не было... Глаза разбегались.

– Готовы портсигарчики, – сказал Маэстро совершенно буднично. – Как?

Смолин повертел оба, кивнул:

– Золотые у тебя руки, что тут скажешь...

Один портсигарчик, плоский, нестандартного размера, был украшен припаянной на верхней крышке большой австрийской серебряной медалью «За храбрость» с барельефом кайзера и короля Франца-Иосифа. Второй, тоже серебряный, обычных пропорций, мало чем отличавшихся от современных – довоенным латышским полковым знаком с тремя белыми эмалевыми звездами, мечом и монограммой...

После того как они *вылежались* в соответствующих условиях, создавалось полное впечатление, что и медаль, и полковник присутствовали на портсигарах изначально, а не были мастерски присобачены золотыми руками Маэстро две недели назад...

Это были не подделки, а вещички классом повыше – так называемые *сборки*. И медаль, и знак – подлинные. Австрийская медаль красуется на доподлинном австрийском портсигаре, сработанном венскими ювелирами еще до Первой мировой, латышский знак – опять-таки на подлиннике лиепайской работы двадцатых годов (снабженном вдобавок и советской переклеймовкой, «восемьсотсемьдесятпяткой»).

Зачем понадобилось огород городить? Да исключительно затем, что подобные упражнения превращали вещи не в уникамы, но в безусловные *раритеты*. Если продавать отдельно рядовой, в общем, портсигар и рядовую медаль, получишь значительно меньше, чем можно выручить за комплект. Можно, конечно, установить, что медаль и знак приделаны на портсигары в самые позднейшие времена, но для этого понадобится столь скрупулезнейшая и дорогая экспертиза, что расходы на нее обойдутся раз в двадцать дороже рыночной стоимости вещичек. И никто на это не пойдет – речь как-никак идет самое большее о штуке баксов, а не о *многих* тысячах. Это вам не работа Челлини все же – вот ее проверяли бы не один месяц, собрав знатоков со всей Европы (ну, там и суммы были бы в игре другие).

А впрочем, если поставить перед Маэстро целевую задачу на Челлини, с соответствующей оплатой, то неизвестно еще, чем там кончилось бы в Европе. Как и у всякого антиквара, давненько уж теплилась у Смолина мечта обуть хваленую Европу *по-большому*, вот только руки все не доходили за рутинными хлопотами...

– А чернильница как?

– Изволь, – кивнул Маэстро в сторону.

Смолин встал, сделал несколько шагов, присмотрелся. В огромной клетке, засыпанной толстым слоем побуревших, на совесть прожаренных и прописанных опилок, резвились штук с полсотни белых мышей, взрослых и маленьких: одни безмятежно дрыхли, свернувшись клубочком, другие носились взапуски, в одном углу увлеченно дрались, в другом цинично совокуплялись. Посреди этого скопища просматривались знакомые очертания...

– Что, готово?

– Сам решай, хозяин – барин...

Откинув крышку, запустив внутрь руку по локоть, Маэстро поднял из опилок здоровенную бронзовую чернильницу – увесистое сооружение

размером с большую книгу, с двумя круглыми гнездами, куда вставлялись собственно чернильницы, с ходившей на шарнире крышкой для них в виде разрезанного пополам ребристого цилиндра. Поднял ее из клетки, осторожно стряхнув внутрь парочку мышей.

Смолин без малейшей брезгливости взял ее у искусника, повертел, одобрительно хмыкнул. Бронзовое сооружение весом в пару килограммов благодаря мышиным стараниям сплошь покрылось пятнами и пятнышками ядовито-зеленой окиси, бронза потемнела, утратив всякий блеск. Выгравированная по краю надпись «БИБЛИОТЕКА С.П.Б. ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ», казалось, была сделана именно что сотню с лишним лет назад, как и надписи на обратной стороне: «1905 г.» и «БВП», а также полустершаяся надпись в овале «Бергъ».

Ни малейшей доработки не требовалось. Фуфло получилось первоклассное, способное ввести в заблуждение не одного эксперта, а уж о лохах и думать не следовало. Маэстро мог отреставрировать что угодно, так, что вещь представляла отроду ненарушенной, – а мог с тем же успехом *смастерчить* собственными руками массу интересных вещей, которые задешево продавать не станешь хотя бы из уважения к труду сибирского самородка...

– Ну как?

– Ты гений, Маэстро, – искренне восхитился Смолин. – Алексашка на выдержке?

– На выдержке. Ты ж сам сказал, что время терпит.

– Да ради бога, я тебя и не думаю торопить, – сказал Смолин. – Не горит... Пантелеич, я вот опять подумал... А не замахнуться ли нам как-нибудь, благословясь, всё же на Бенвенуту нашего Челлини?

Ловко подцепив пинцетом сигарету из открытой деревянной коробочки, Маэстро вставил ее в рот, чиркнул спичкой, с удовольствием затянулся, усмехнулся с видом прекрасно знающего себе цену человека:

– Вась, ты же знаешь: я и насчет Бенвенуты готов попробовать. При наличии должного финансирования. Что, есть наконец наколочки?

– Постучим по дереву, – сказал Смолин и быстро коснулся костяшками пальцев деревянной крышки стола. – Кот Ученый скоро едет в Цюрих покопаться в развалах, и замаячил там один любопытный персонаж... Если что, я тебя моментально высвищу, никто, кроме тебя, Европу оттрахать не способен... По моей линии есть что интересное?

– Помнишь портсигарчик, что Миха привез из Барнаула? Тот, что с Мцырем, который давит барса?

– Чего ж не помнить. Судя по чекухам, нэповские времена, с царских

образцов...

– Ага. Врубель приводил две недели назад какого-то хорька, по всем признакам – ненашенского. Вроде бы московское чмо. Заказал на него Фаберовские чекухи.

– Сделал?

– Я да не сделаю... Десять дней как отдал. Ты учти...

– Учту, – кивнул Смолин. – Спасибо... Ничего больше?

– Да вроде нет. Ты загляни к Врубелю, он опять кипятком писает.

– По поводу?

– Кто-то ему толкнул в Манске задорого большую такую эмальку. Хорошая эмалька, слов нет, но все же новодельная. Отметь себе – в Манске завелся умелец, штампующий вполне приличные эмальки, меня или тебя он еще не наколет, но для *прохожего* вполне сойдет.

– Вот это надо будет посмотреть, – прищурился Смолин. – Каждый день сюрпризы, а... Растет мастерство провинции...

Какое-то время он молча пускал дым, с удовольствием созерцая «раритет» в облике чернильницы. Что ж, такова жизнь. Антиквариат стали подделывать с тех самых времен, как появился на него спрос – а чего ж вы хотели, хорошие мои? Где спрос, там и предложение... Тут все дело в этике, а она у каждого своя. Встречаются редиски, способные впарить фуфло даже своим – плохие люди, нехорошие, неправильные... Сам Смолин придерживался качественно иных взглядов: *своим*, постоянным клиентам, знатокам и ценителям он в жизни бы не подсунил фуфло (не только по благородству души, но еще и оттого, что выгода – одномоментная, а вот пятно на репутации – надолго). Зато сам бог велел (прости, Господи!) облапошить заезжего лоха, у которого карманы лопаются от денег, а рожа – от самомнения. Особенно это касается богатеньких обитателей столицы нашей Родины – которых с особенным удовольствием обувают по всей Руси Великой, считая таковое деяние не только восстановлением социальной справедливости (у них там деньги, известно, *дурные*), но и национальным видом спорта. Незаметно целый раздел народного фольклора, городских легенд сложился: «Как обували заезжего москвича» – причем, что характерно, выдумки там очень и очень мало, все, как в титрах порой пишется, на реальных событиях основано...

– Спасибо, Пантелеич, – сказал Смолин, встал и тщательно завернул в пластиковый пакет чернильницу, а портсигары бережно рассовал по карманам. – Пойду окаянствовать...

Не первой молодости «паджеро» Смолина переваливался по колдобинам неширокой улочки довольно уверенно – зато идущий следом,

то и дело отстававший черный новейший «лексус» часто притормаживал, шел зигзагами, минуя особенно неприглядные рытвины. Временами Смолину, с ухмылочкой поглядывавшему в зеркало заднего вида, казалось, что роскошная тачка приобрела удрученный вид и, если б могла говорить, наверняка взывала бы матом: куда вы меня загнали, ироды?

– А я-то думала, тут одни наркоманы... – сказала сидевшая рядом Инга.

Мимоходом покосившись на загорелые ножки, едва прикрытые в верхней части красной юбочкой, Смолин фыркнул:

– Тут и нормальные люди есть, то бишь алкаши...

Он до сих пор терзался сомнениями: правильно ли сделал, прихватив с собой на серьезное дело эту плотвичку пера. Загорелых стройных ножек на свете превеликое множество – как и смазливых мордашек. А горький жизненный опыт учит, что наивность, непосредственность и некоторая *надежность* в таких вот глазенках в два счета может обернуться нешуточными хлопотами, выскочившими из-под розовых губок вампирскими клычками. Никому нельзя доверять, особенно молодому поколению, которому в голову не вколачивали хотя бы того минимума *идейной* кормежки, которую смолинское поколение все же не целиком мимо ушей пропустило...

И успокаивал себя: это разумный профессиональный риск, все предпринято для того, чтобы попробовать завести своего надежного человечка в популярной газете... а также, если карта ляжет удачно, еще и посмотреть, как эта блузочка расстегивается. И тем не менее в глубине души он чувствовал нечто несвойственное философии «одного на льдине», отчего на себя немного злился: не хватало в его годы человеку с его ухватками и жизненным опытом отвлекаться на нечто *постороннее*, мало было печальных примеров, что ли?

Он сбавил скорость до пешеходной, высунулся из окна, старательно разглядывая номера домишек. Остановил машину, поднял стекла, выключил зажигание. Выпрыгнул первым и, обойдя джип, подал руку Инге, чтобы не поломала высокие каблучки, спрыгивая на пересеченную местность.

Вокруг, как и обычно в полдень, стояла относительная тишина, разве что в доме напротив орала музыка, а метрах в ста от них по широкой синусоиде брел обтрепанный абориген, громко мычавший некий неопределимый шлагер.

Подъехал «лексус», остановился впритык. Шофер – если только это определение подходило к элегантному молодому мэну в полосатом

галстук – живенько выскочил, распахнул заднюю дверцу для патрона, и тот неторопливо, солидно извлек свою персону из машины. Лет на десять помоложе Смолина, но ему дашь еще меньше: сытая, ухоженная, благополучная физиономия, благородный загар не в вульгарном солярии заработан, а обретен где-нибудь на экзотических континентах. Личный массажист, конечно, здоровый образ жизни и все такое. Хозяин жизни, хвостом его по голове. Нефтянка...

Господин Дегтяренко с некоторым неудовольствием втянул ноздрями воздух – запахи отовсюду долетали отнюдь не гламурные. Моментально определялось, что кто-то поблизости держит свиней, а его соседи всюю пользуются обычным фанерным сортиром. И все такое прочее, вплоть до тощей собаки беспризорного вида, которая как раз старательно справляла нужду чуть ли не под колесом «паджеро».

– Куда прикажете? – с нескрываемой иронией поинтересовался Дегтяренко.

Смолин кивнул в сторону невысоких покосившихся ворот. Во дворе располагалась убогая избушка, вполне может оказаться, помнившая еще те времена, когда легендарный царский пристав Мигуля с единственным на всю губернию ротвейлером гонял тут преступный элемент. Посеревшие бревна, крыша прохудилась, в крохотном палисаднике не цветики идиллически произрастают, а набросаны какие-то ржавые железяки и, вовсе уж ни к селу ни к городу, валяется длинная жестяная вывеска «Баня № 43».

С той стороны ворот заливалась визгливым лаем собачонка, судя по скудному голоску, небольшая. Смолин без церемоний подошел к калитке и загрохотал в нее кулаком. Сначала последствий не было никаких, потом закрипела дверь, и чей-то пропитой голос рявкнул хрипло:

– Какого... вашу... долбитесь... на...?

– Отворяй, Сергеич! – крикнул Смолин. – Это я, с клиентом!

– С фуентом... – заворчали внутри.

Но тут же, судя по звукам и яростному мату, хозяин загнал шавку в сараюшки, запер и неторопливо отпер калитку. Пригляделся, отступил на два шага:

– Заходите, коли приперлись...

Это был субъект лет семидесяти, худющий и нескладный, в трехдневной щетине на впалых щеках. Будучи босиком, он тем не менее щеголял в замызганном костюме в полосочку (пиджачишко поверх тельняшки с прорехой на худом пузе, на лацкане две медали с засаленными, потерявшими вовсе цвет ленточками: «За освоение целинных

земель» и «За трудовое отличие». От него распространялась волна застарелого перегара и прочие, столь же предосудительные ароматы.

Покачавшись и поморгав, он неожиданно повернулся и, не оглядываясь, зашлепал босыми ногами в дом. Смолин ободряюще кивнул спутникам и первым направился следом.

Миновав темные сени, они оказались в большой и единственной комнате, обилием мебелировки, в общем, не страдавшей: огромный покоробившийся шифоньер из прессованной фанеры, шкафчик, наподобие кухонного, постель, стол, парочка стульев. Справа, за лишенным двери проемом, располагалась крохотная кухонька с большой русской печью и мириадами мух.

Хозяин торопливо плюхнулся за стол, где стояли полупустая поллитровка, кусок газеты со ссохшимися солеными огурцами и буханкой хлеба, а также консервная банка, переполненная окурками. Налил себе в пластиковый стаканчик, выпил, поморщился и сообщил:

– Вот, стул свободный, если кто желает... А может, водки кому?

Новоприбывшие, мельком обзрев предлагаемое, дружно мотнули головами, причем Инга даже отодвинулась подальше от стула, словно опасалась, что ее силком усадят в чистой юбочке на это страшилище.

– Ну что, водку, значит, никто не будет? – непринужденно продолжал хозяин. – Хрен с вами, мне больше останется... Кто ж будет купец, Васька? – он присмотрелся. – Не-а, не молодой и, уж конечно, не деваха... Вот этот, – поднял он руку и ткнул пальцем в Дегтяренко. – У него портрет, как в старину на демонстрациях носили... – хозяин старательно надул щеки, задрал голову. – Купец, ага, точно...

Дегтяренко с достойным уважения бесстрашием произнес:

– Купец есть, когда есть товар...

– Золотые слова глаголите, господин товарищ! – хозяин поднял ладони и беззвучно поаплодировал.

Все пальцы на правой руке – и два на левой – у него были какие-то корявые, должно быть, сломанные когда-то и неправильно сросшиеся. Инга старательно смотрела в другую сторону, притворялась, что оглядывает комнату – как будто тут было нечто достойное внимания.

– Ну ладно, – сказал хозяин, с грохотом отодвигая ветхий стул и выпрямляясь. – Муравья баснями не кормят... Значит, желаете приобрести последние семейные реликвии, сбереженные в житейских бурях? Ох, грешное это дело – родительской памятью торговать...

– Ну, не родительской же, Сергеич, – с ухмылочкой сказал Смолин. – Дедовской, так оно точнее будет...

– Один хрен. Все равно фамильное, – сказал Сергеич, изображая на лице безмерную грусть. – И перешибить тот грех, что я беру на душу, можно только приличной деньгой...

– Деньги найдутся, – столь же бесстрастно сказал нефтяной королек. – Показывайте, если намерены заниматься делом...

– Да уж придется...

Сергеич распахнул дверцу шифоньера – тут же с жалобным скрипом повисшую на одной нижней петле, – опустил на корточки и долго возился, громыхая чем-то и шурша. В конце концов извлек мятую картонную коробку, прихватив ее снизу корявой ладонью, чтобы не развалилась, пронес к столу, шумно на него грохнул и, бормоча что-то, принялся извлекать содержимое: несколько наклеенных на твердое паспарту фотографий, две тусклых медали, какие-то бумажки... Наконец рядом со всем этим появилась увесистая бронзовая чернильница, судя по надписи, принадлежавшая некогда библиотеке Санкт-Петербургского охранного отделения. Сергеич раза два клацнул крышкой, поднимая ее и опуская, развел руками:

– Чем богаты... Дедушка, светлая ему память, был мужичок замысловатый и с большими фантазиями. Когда они в семнадцатом в Питере зачищали старый режим, он, изволите видеть, на память прихватил вот эту ерунду – памятка о героическом участии в Великой Октябрьской... А вот лично я, скажу вам по совести, уж непременно постарался бы набить карманы чем-нибудь подороже, в семнадцатом, наверняка, всякого бесхозного золотишка и камешков было, что грязи... Эх...

Смолину самому хотелось тоскливо вздохнуть. Не надо никакой другой мечты – машину б времени, и в Питер, этак в декабре семнадцатого, когда в обеих столицах не то что квартиры – дворцы наподобие юсуповского стояли бесхозные посреди всеобщего хаоса и совершеннейшей неизвестности. Пара недель там – и помирать потом не жалко...

– Была еще шашка и пара маузеров, – продолжал Сергеич, почесываясь. – Только когда в тридцать седьмом за дедушкой приперлись, их, соответственно, прихватили в первую очередь. А все это, – он ткнул пальцем в лежащие на столе предметы, – бабка еще в тридцать шестом подальше от греха в чугунок запихала и в стайке закопала поглубже – а деду наврала, что в колодец выкинула. И правильно сделала: за такую чернильницу деду бы еще навесили и службу в охране в звании полковника... Как в воду глядела: в колодец они полезли и долго там шарились, а в стайке было по колено назёму, они и побрезговали пачкать

хромачи... Любуйтесь, господин хороший, если имеете интерес, можете в руки брать и глазами рассматривать. Только заранее предупреждаю: я не в дедушку, революционной романтики не дождетесь, так что денежки я с вас намерен слупить немалые. Уясни себе это хорошенько, чтоб недоразумений не было потом. Всё равно уйдет товар, как мне растолковали...

Дегтяренко подошел к столу, сузив глаза, протянул руку. Фотографии и ветхие листочки бумаги с выцветшим машинописным текстом он рассматривал лишь мельком. Гораздо больше времени уделил медалям за беспорочную службу в полиции, с профилями Александра III и Николая II, окруженными венком. Наконец взялся за чернильницу, приподнял ее одной рукой легко, как перышко – здоров и силен был, бычок – без тени брезгливости, наоборот, с загоревшимися глазами (хотя и пытался сделать гладкую ряшку непроницаемой) разглядывал так и сяк, вертел, чуть ли не носом по ней водил, колупал ногтем, тер послушным пальцем... Инга наблюдала за ним с несказанным любопытством, зато Смолин – весьма бесстрастно. Молодой человек в галстук, сразу видно, был здесь единственным, кого происходящее откровенно тяготило: не понимал он барских капризов, сразу чует, вонюче ему тут и убого, холую сраному...

Медаль за беспорочную службу в полиции

– Что думаете? – спросил Дегтяренко без особого интереса.

Смолин пожал плечами:

– Я все же не эксперт, а торговец. Лично мне таких вещей в руках держать не приходилось, так что промолчу...

– Зря, – в голосе Дегтяренко звучало неприкрытое торжество, свидетельствовавшее, что клиент *заглотил*. – Конечно, здесь, в вашей глуши, экспертов толковых не найдешь... Да они и без надобности. Такую патину не подделаешь...

Смолин подумал, что лично он ни за что не стал бы пышно именовать патиной следы месячной мышьиной дрисни, – но, разумеется, свои мысли накрепко держал при себе. Он ощутил даже некоторую скуку – до того гладенько все проходило. Этот поросенок, набитый баксами, как селедка икрой, и понятия не имел, что Сибирь в некоторых отношениях – одна

маленькая деревня. Впервые Дегтяренко *отметили* в Тюмени, совершенно мимолетно, без конкретики (связи с Тюменью были все же непрочные и нерегулярные). Зато потом, когда он объявился в Новониколаевске, оттуда по «линии» моментально распространилась уже конкретика: что некий Человек Московской Области, этакий вице-олигарх из нефтянки, в отпуске вместо того, чтобы, как все путные толстосумы, зажигать с девицами по Европам или бегать с базукой за африканским носорогом, болтается по Сибири в поисках предметов, связанных с полицией и спецслужбами Российской империи. Причем не мелочится, а еще, что немаловажно, в соответствующем антиквариате разбирается через пень-колоду, хотя и мнит себя крутейшим знатоком.

Новониколаевские ребяташки, понятно, ничего не пожалели для хорошего человека, впарив ему кое-что подлинное по задранной цене, достаточно редкое, а вдобавок – дешевку, опять-таки втридорога, но более всего – высокопробного фуфла. Маэстро все же был не один на всю Сибирь такой талантливый, да и импорт выручает... Когда герр Дегтяренко объявился в Томске, к его визиту уже были готовы и опять-таки раскрутили неслабо. И, как честные люди, передали по эстафете в Шантарск, дав время Смолину подготовиться...

Чем больше он присматривался с бесстрастным лицом, тем более убеждался, что клиент готов. Дело даже не в его апломбе – купив вчера у Смолина стопроцентно подлинный «Смит-Вессон», того самого «коротыша», и еще кое-что, опять-таки родное, он расслабился и подсознательно ждет от Шантарска исключительно *подлинного* ...

Хозяин хатенки с видом гордым и отрешенным нацедил себе водочки и, хэкнув, переправил ее в рот с таким видом, словно пребывал тут в гордом одиночестве. Буркнул:

– Дырку не протри...

Чернильница глухо стукнула о столешницу. Отирая пальцы великолепным клетчатым платком, купленным явно не ближе пары тысяч верст от рубежей Отечества, Дегтяренко спросил небрежно:

– Ну, и что вы хотите?

– Да пустяки, – ухмыльнулся хозяин. – Десять тысяч баксов за всё – поскольку вещички продаются не в разбивку, а исключительно полным комплектом.

– Запросики у вас... – покрутил головой нефтяной господин с видом человека, привыкшего торговаться и умеющего это делать.

– Да ла-дно! – фыркнул хозяин. – Давай-ка внесем ясность, куманек... Если ты решил, на все это глядя... – он неопределенно махнул рукой

вокруг, – что приперся к натуральному алкашу, то крупно промахнулся. Я, братка, не алкаш, а пьяница. Просекаешь разницу? Алкаш мозги пропил, а пьяница – не вообще и не всегда... Я свою норму знаю, похлебаю и перестану, а хата моя в таком запустении не оттого, что я отсюда все пропил, а исключительно потому, что обитаю я тут только летом, водочки попить вдалеке от сожительницы, чтоб меньше вякала. Квартирка у нас на другом конце города, в ломы ей будет сюда переться... И потом. Я, милый, не всегда был в таком вот бичевском виде, я, чтоб ты знал, сельхозтехникум кончал, на целине, – он небрежно прищелкнул по обеим медалям, – комсоргом поселка был. Если б не водочка да не любовь к вольной жизни, я б, может, и в секретари райкома выбился, да вот не судьба была. Короче говоря, книжечки и мы почитываем – а партийно-политическую закалку прошли давненько, еще во времена волонтеризма. Короче, слушай сюда. Я ж прекрасно понимаю, что таких чернильниц на белом свете осталось хрен да маленько. Вон, даже Яковлич в руках не держал, а он старины видывал больше, чем гинеколог... этих самых. Вон, валяются, – он кивнул на подоконник, где валялась стопка потрепанных книг. – Там все расписано. В Питере этой охраны было полтора человека, это тебе не гэбэ с его небоскребами... И сколько у них там было казенных чернильниц с полным письменным обозначением? Да штук несколько на всю невеликую братию. А уж большевички потом под корень изводили все, отношение имевшее к проклятому старому режиму, особенно такое вот... Это тебе – теория. А практика такая – мне, родной, подворачивается домик под Шантарском. Не дворец да по нашим с Петровной скромным запросам... Шлакоблочник, гаражик имеется, во дворе есть где поставить клетухи для кролей, свинарничек... Бзик у меня – доживать в кулацком хозяйстве. Так вот, если я квартиру толкну, эту хатку толкну да добавлю десяточку зеленых – в аккурат хватит, – он оскалится. – Ну что, похож я на алкаша, мѳзги пропившего? Ну?

– Не совсем, – бесстрастно кивнул Дегтяренко.

– От то-то. А потому со своей цены я не слезу. Хочешь – бери, не хочешь – я еще подожду... Какие мои годы, я робенок двужильный... Рано или поздно толкану за десятку. Цены знаем, не сомневайся...

Дегтяренко усмехнулся:

– А если домик тем временем уйдет?

– Другой подвернется, – сказал хозяин. – Никак нельзя сказать, что домиков таких, как грязи, но все ж товар на базаре не редкостный... в отличие от этого вот, – он ласково погладил чернильницу. – Ты вот себе подумай: может, именно в нее перышко и макали, когда на Вовку Ульянова

протокольчик составляли за все его художества...

– Тут значит, что изготовлена она в девятьсот пятом, – сказал нефтяник деловито. – А Ленина в России тогда уже давненько не было...

– И какая разница? – невозмутимо пожал плечами хозяин. – Не один ли хрен? Ленина не было, зато имелось в достатке соратников и сподвижников – их-то до едрени матери имелось, а? Как ни крути, а все равно получается, что кого-то из будущих вождей чернильцами из этого самого агрегата описывали. Они ж все поголовно срока мотали и под следствием чалились, особенно в Питере, колыбели, понимаешь, революции... В общем, не слезу я со своей цены, и уговаривать меня бесполезно. У меня, сокол, есть конкретная мечта, а мечты денег стоят. И если я еще литру засосу, из соображения все равно не выпаду, так что не рассчитывай... Что скажешь?

Он безмятежно улыбался, демонстрируя отсутствие половины зубов, плачевнейшее состояние остальных и две фиксы из белого металла – а глаза были, хотя и хмельные, но хитрые и колючие, исполненные извечной крестьянской сметки...

Должно быть, Дегтяренко прекрасно просек ситуацию – самомнение вовсе не обязательно идет рука об руку с глупостью. Дураки, в общем, к трубе ни за что не присосутся...

В конце концов столичный гость извлек сногшибательный бумажник из тисненой кожи, не глядя, привычно указательным и средним пальцами вытянул из него пачку серо-зеленых бумажек в банковской бандерольке – а сколько там еще осталось, завидки берут... Он держал доллары на весу, явно не собираясь из врожденного к ним уважения класть на грязнящий стол.

Сергеич, приподнявшись без излишней суетливости, взял у него пачку, ногтем содрал бумажную ленточку и ухмыльнулся, с симпатией разглядывая президента Франклина:

– Ишь, лыбится, мордастый, да еще патлы отрастил... Я при Никите таких патлатых в комсомольском оперотряде стриг под Котовского...

Его пальцы, хотя и корявые, замелькали с несказанной быстротой, зеленые бумажки так и порхали, перемещаясь из пачки на колени, где словно по волшебству складывались в столь же аккуратную стопочку, сделавшую бы честь упаковочной машине Федеральной резервной системы США. Молодой человек в галстук оказался не в силах сохранить невозмутимость, и на его лице изобразилось неподдельное страдание: безусловно, лично он считал подобные траты блажью. Подметивший это Дегтяренко ожег спутника холодным взглядом, и тот, подтянувшись,

мгновенно превратился в манекен.

– Все путем, как в аптеке, – усмехнулся хозяин, проворно засовывая пачку во внутренний карман. – Владей, милый! Жаль, больше нечем порадовать, для хорошего человека всё бы отдал... Ты мне, может, телефончик оставишь? Я по соседям порыскаю, авось, чего и выцеплю. Райончик этот еще до революции был пристанищем криминального элемента, так что тут, глядишь, чего и всплывет, когда дома ломать будут...

– А ведь это, пожалуй, неплохая идея, – милостиво кивнул Дегтяренко. – Через Василия Яковлевича держите связь...

Он, просветлев лицом, подхватил чернильницу с таким видом словно младенца держал – и величавым кивком приказал спутнику забрать остальные мелочи. Вслед за тем приехавшие, не озабочиваясь долгими и прочувствованными прощаниями, повалили во двор. Остался один Смолин. Подойдя к столу, он протянул руку. Хозяин, вздыхая, вытащил пачку долларов и подал ему. Отсчитав пять бумажек, Смолин совсем было собрался вернуть законный процент, но в последний миг задержал руку, протянул другую и бесцеремонно залез во внутренний карман ветхого пиджачка. Вытащил две купюры. Хозяин с покаянно-плутовским видом развел руками. Смолин потряс у него перед носом кулаком, но все же отдал пятьсот долларов и, укоризненно покачав головой, вышел.

Во дворе Инга как раз кончила фотографировать счастливого обладателя уникального предмета и расспрашивала о подробностях. Дегтяренко с видом важным и авторитетным охотно и многословно повествовал, сколь огромное значение в охоте за антиквариатом имеет чутье, многолетний опыт, шестое чувство, нюх подлинного охотника... Золотые были слова, под ними многие могли подписаться – вот только к ним не мешало б добавить в данном конкретном случае еще и *настоящего* опыта, а не дурацкого самомнения...

Краем уха Смолин слышал, как Дегтяренко тем же барственно-небрежным тоном приглашает Ингу куда-то с ним поехать, обещая рассказать массу интересного про загадочный и увлекательный мир коллекционерства. Чихать ему на это с высокой башни, девочка все равно была не его, а посторонняя – тем не менее ему эта милая беседа пришлась не по вкусу, и он, подумав, преспокойно вышел со двора, никого более не дожидаясь, потому что всё кончилось, и не было нужды здесь более находиться. По дороге к машине он моментально прокрутил в голове нехитрую калькуляцию. Изготовление чернильницы обошлось долларов в двести. Гонорар Маэстро за качественное старение – триста. Старому хмырю – пятьсот. Обе полицейских медали обошлись ему всего-то в сотню

баксов, поскольку были чистопробным фуфлом, хотя и умело состаренным. Фотографии и документы вообще не стоили ни черта, были взяты из кучи, доставшейся по обмену на что-то столь же дешевое. Итого расходов – тысяча сто. Прибыли, соответственно – восемь девятьсот. Неплохо. Жаль только, что столь прибыльные сделки происходят не каждый день и даже не каждый месяц...

Мимо него вальяжно проплыл черный «лексус».

– Василий Яковлевич!

Инга торопливо шла к машине.

– А я-то полагал, вы с ним уехали, – сказал Смолин, ощутив нечто вроде радости оттого, что случилось наоборот. – Слушать про загадочный мир...

– Да ну его. У него в глазах уже высветилось, что на меня ценник наклеен, и он максимум через полчаса мне под юбку ползет... Я-то ему не уникальная чернильница, так что перебьется...

Свернув влево, Смолин промчался по ухабам, выбрался на асфальтированную улицу и дал газ.

– Смотрите, Инга, вы мне твердо обещали, – сказал он настороженно. – О чем пишите, о чем не пишите...

– Обещала, значит, сделаю... Вот кстати, вы меня до редакции подбросите?

– Запросто, – сказал Смолин.

Аккуратно повернув влево, он выехал на тихую улочку, носившую имя еще одной пламенной революционерки Аглаи Лебедовой, еще до взятия Шантарска Кутевановым замученной колчаковскими карателями. Как и в случае с Кутевановым, здесь наличествовали отнюдь не романтические реалии – означенная Аглая до революции расхаживала не с нелегальной литературкой, а с желтым билетом, политикой не интересовалась вовсе. Но случилось так, что большим ее почитателем и постоянным клиентом оказался преуспевающий провизор и тайный большевик Вайншток, каковой после победы Великого Октября, ставши главным городским комиссаром, взял пассиву к себе на службу как надежного и проверенного товарища. На пару они прислонили к стенке немало «контрреволюционного элемента» (в первую очередь Аглая вывела в расход частного пристава Фортунатова, не раз ее штрафовавшего за злостное нарушение полицейских предписаний, а также всех бывших клиентов, которые ее обижали или недоплачивали). Вполне возможно, что товарищ Аглая, очень быстро заработавшая репутацию нестигаемого борца за дело мировой революции, сделала бы нешуточную карьеру в рядах ВКПб – но

весной девятнадцатого, когда в Шантарске случился белый переворот, и она, и сердечный друг Вайншток бежать с ревом на пароходе не успели – поскольку накануне перебрали конфискованного у буржуазии старорежимного шустовского коньячка, завалились спать где-то в дальней комнатухе, где и были товарищами по борьбе благополучно забыты (мятеж полыхнул на совесть, не встречая особого сопротивления, красная власть неслась на пристань в величайшей спешке, где уж тут было сверять списки и считать по головам...) Так что казаки есаула Калнышева обоих взяли тепленькими и лыка не вязавшими. Вайнштока, и точно, покромсали шашками (вот только вопреки печатной легенде «Интернационала» он при этом не пел и здравицы Ленину не возглашал, потому что вряд ли успел даже сообразить, что происходит), а вот подлинные обстоятельства кончины товарища Аглаи ничего общего с той же легендой не имели вовсе – и не расстреливали ее, и не вешали, и шашками не пластали – казаки вкупе с разозленными горожанами просто-напросто взялись ее употреблять по прямому назначению, как в старорежимные времена, и набралось их столько, что даже Аглая с ее богатой дореволюционной практикой процедуры не пережила...

– Я, надеюсь, в кадр не попал? – предусмотрительно поинтересовался Смолин, возвращаясь в текущую действительность.

– Я ж обещала...

– Ну, смотрите...

– Василий Яковлевич, вы что, такой пугливый? Все время – об этом не говорите, этого не снимайте...

– Я не пугливый, – сказал Смолин. – Я просто предусмотрительный. Коммерция у меня такая...

– Но вот сейчас все было честно? Человек продал вещи и получил деньги...

– Ну разумеется, – сказал Смолин. – Только если вы полагаете, что дедок будет эту сумму вносить в налоговую декларацию, то глубоко ошибаетесь...

– Ах да, вот оно что...

– Ну да. Вот вам и криминал. Незадекларированные доходы, неуплата налогов в крупных размерах...

– Начинаю понимать...

– Между прочим, на Западе то же самое. Сплошь и рядом. Там тоже не любят светить коллекции, равно как и уведомлять налоговое управление о всяких интересных сделках. Точно вам говорю, плавали – знаем... – он всмотрелся, подвел машину к тротуару и выключил мотор. – Инга,

посидите пару минуток, я быстро...

Анжелика его быстро заметила, остановилась, когда он еще не подошел вплотную, посмотрела, надо признать, без всякой родственной теплоты, с вежливым равнодушием – хорошо еще, без особых отрицательных эмоций. Двухлетнее дите в легком комбинезончике с разноцветными грибами-ягодами и вовсе на Смолина не обратило внимания: стояло себе, цепляясь за мамину сумку на длинном ремешке, самозабвенно сосало шоколадный батончик и безмятежно взирало вокруг, не выделяя Смолина посреди остального мира.

Лично ему никогда не нравилось это имя – Анжелика, это уже была чисто Лидочкина инициатива, уломала она его в конце концов согласно моде той осени: тогда в Шантарске массу новорожденных малышей записали как раз Анжеликами (по экранам тогда вновь разгуливала златовласая маркиза, которую судьба то окунала очаровательной мордашкой в помои, то вздымала в чертоги).

– Здравствуй, – сказал Смолин.

– Здравствуй... – сказала Анжелика.

(У него осталось стойкое впечатление, что она вовремя замолчала, чуть не продолжила «...те». Ну, ничего удивительного, собственно...)

– Как жизнь?

– Нормально.

– С мужем всё путем?

– Ага.

– А мать как?

– Да нормально... Давление скачет иногда...

– А внук, вижу, подрос...

– Внучка, – сказала Анжелика без всяких эмоций. – Ты и забыл...

– Ах ты, черт... – с некоторой пристыженностью сказал Смолин. –

Замотался...

– Дела?

– Ага.

– Всё те же?

– А какие ж у меня еще?

– Понятно... – она покосилась на джип, Ингу, конечно же, зафиксировала, но комментировать никак не стала – вероятнее всего, ей и вправду было все равно.

Молчание. Неловкость ощущалась прямо-таки гнетущая. Смолин, как ни старался, не мог обнаружить в себе каких-то особенных чувств, тех, каким полагалось тепло и лирично зашевелиться в душе, когда перед тобой

стоят родная дочь и, соответственно, родная внучка. Перед ним стояла совершенно незнакомая симпатичная молодая женщина – в которой он не усматривал ни малейшего сходства с собой (вот с Лидочкой – да), которую за последние четверть века видел хорошо если десяток раз, и то мимоходом. А уж дитё (забыл, как ее зовут, запомнил напроочь) и вовсе было чужим – карапузик как карапузик, и не более того.

Даже финальной реплики, позволившей бы уйти *элегантно*, что-то не подворачивалось. Мысли, пометавшись, свернули в привычную бытовую колею, он достал бумажник, не глядя, выдернул всё из того отделения, где лежали сложенные пополам тысячерублевки, решительно протянул дочери:

– Мало ли что... Малышке понадобится...

– Да зачем... – сказала Анжелика и без радости, и без особого протеста.

– Пригодится-пригодится, – сказал Смолин и опустил деньги в приоткрытую сумку, а следом и визитку. – Звони, если что.

– Ладно.

– Ну, пока...

– Пока...

Он с превеликим облегчением развернулся на каблуках, сел за руль, не торопясь включать зажигание. Анжелика прошла мимо, все же бросив на Ингу быстрый любопытный взгляд – как любая женщина на ее месте. Скоро она исчезла и из зеркальца заднего вида.

Инга осторожным тоном произнесла:

– Вы не подумайте, я в вашу жизнь не лезу... Это что, ваша *бывшая*?

– Это моя дочь и моя внучка, – сказал Смолин без особых эмоций. – Вот такой я старый...

– Вы с ней что, поссорились?

– Почему вы так решили?

– Как-то вы общались... наспех и холодно.

– Чужие люди, – сказал Смолин, усмехаясь насколько мог беззаботнее. – Да-авненько развелись... черт, в том году будет тридцать лет, юбилей. Надо же, как времечко свистит...

В глазах Инги пылало нечто вроде профессионального интереса:

– Вы говорили, что антиквариатом занимались лет чуть ли не с двадцати, я помню... Она что, не разделяла ваших интересов?

– Можно и так сказать, – медленно произнес Смолин без тени горечи, даже весело. – Она у меня была очень идейная и правильная в отличие от меня. Когда мне вlepили первый условный, был жуткий скандал с идеологическим подтекстом, а если учесть, что года не прошло, как я

залетел вторично и на сей раз отхватил два годика уже не условных...

– Вы что, сидели?

Особенного ужаса в ее голосе не было – одно щенячье любопытство. Удивишь кого-то в России-матушке зоновским прошлым, как же. Особенно нынешнюю шуструю молодежь, насмотревшуюся сериалов типа «Леди на зоне»...

– Ну да, – сказал Смолин. – И те два года, и потом еще четыре. Не бойтесь, не за педофилию...

– А за что?

– Да так, – сказал Смолин. – И условно, и второй срок – за спекуляцию.

– За что?

– За спекуляцию.

– А это как?

Смолин повернулся к ней и всмотрелся очень внимательно – нет, она ни капельки не шутила, она и в самом деле взирала непонимающе, словно с ней заговорили по-марсиански...

– Спекуляция – это когда продаешь дороже то, что в магазине стоило дешевле, – сказал Смолин. – Магази́нная цена этим книгам была рупь сорок, а я их продавал по пятерке...

– Ну и что?

С величайшим терпением Смолин сказал:

– Сейчас это называется «ну и что», а в те времена это называлось уголовным преступлением и каралось соответственно. Я ведь не только книгами торговал, но и тогдашним антиквариатом. С рук. Коробейником был, так сказать...

– Значит, вы уже тогда с антиквариатом...

– Ну да.

– А почему сразу не открыли свой магазин? Не было стартового капитала?

Смолин вновь обернулся к ней – и вновь вынужден был констатировать, что она говорила совершенно серьезно.

Он добросовестно попытался представить, как году в семьдесят седьмом (то ли определяющем, то ли решающем, то ли еще каком эпохальном году очередной пятилетки) приходит в Шантарский горсовет и кладет на стол заявленьице с нижайшей просьбой позволить ему открыть антикварный магазин... или любой другой. Да нет, чекистов не вызвали бы – но, убедившись, что парнишка трезвехонек, в психушку бы позвонили тут же. Куда ж еще сдавать советского комсомольца, вознамерившегося

открыть свой личный магазин?

Может, это и прекрасно, что появилось новое, *такое* поколение, для которого иные детали советского времени – дурная сказка, в которую поверить невозможно. Вот только Смолин испытывал сейчас не радость за поколение новое, а нешуточную горечь за поколение свое, за все, что они перенесли тогда, когда запрещались и преследовались самые естественные для человека вещи. Не в том беда, что читать запрещали, как стонут побитые молью демократы – а в том, что *торговать* нормально запрещали, лишали ремесла, которое человек освоил еще в каменном веке...

– Что вы ухмыляетесь?

– А что у вас было по истории в универе?

– Ну, в общем и целом...

– Понятно, – сказал Смолин. – Милая Инга, в те былинные времена человека, вздумавшего открыть свой магазин, в психушку бы сплывили по счету «раз». Вы что, не слышали?

– Ну, я представляю... В общих чертах...

– Понятно, – повторил он. – Ну вот, а третий раз меня тягали за хранение холодного оружия. Холодным оружием были два тесака тыща восемьсот двадцать восьмого года и сабелька восемьсот пятьдесят пятого...

– Вы что, опять серьезно?

– Да вот представьте себе, – сказал Смолин. – Только не нужно и тут валить все на красных – «хранение холодного оружия» из Уголовного кодекса слиняло буквально годик-другой назад... Н у, это отдельная лекция на тему «ярко выраженный идиотизм российского законодательства», не место и не время... Поехали? У меня дела, да и вы не из леженок...

Временами он искоса поглядывал на спутницу – Инга с несколько ошарашенным видом что-то бормотала под нос, явно переваривая шокирующую информацию. В конце концов она с мучительным раздумьем на лице хотела что-то спросить, но тут как раз засвиристел мобильник. Отделавшись буквально парой фраз, Смолин отключился и погнал машину быстрее.

– Случилось что-то?

– Да нет, клиент обозначился раньше, чем обещал, вот и приходится на ходу перестраиваться...

Он довез девушку до редакции, распрощался и, развернувшись в хорошем голливудском стиле, с визгом покрышек, помчал к своему магазину.

Там, слава богу, ничего не произошло – зато беда стряслась у Лёхи Маевского в «Дукате», о чем буквально через полчаса стало широко

известно в узких кругах. Заявились два безупречно выглядевших клиента, поинтересовались холоднячком, и Леха, как любой на его месте, толкнул им и казацкую шашечку, и кортик Военно-Воздушных Сил Советской армии, и, что еще печальнее, штык-нож к автомату Калашникова. Покупатели слиняли с заботливо упакованными приобретениями, а через пару минут в магазинчик-то и влетела орава с соответствующими удостоверениями. Отдел по борьбе с незаконным оборотом оружия. Обыск в магазине, обыск у Лехи на дому, изъятия, протоколы, подписки о невыезде и прочие прелести. Учитывая, что лицензий на торговлю холоднячком у Лехи не имелось отроду (как и у всех почти шантарских антикваров), дело припахивало керосинчиком за версту.

Впрочем, если только не намечалось никакой *кампании*, объявленной с самых верхов, то кончится все, можно заранее предсказать, нервотрепкой длиной в несколько месяцев, и не более того. Поскольку автоматически возникает масса интересных вариантов, в том числе и по спасению завалившихся. Следаки, с превеликим удовольствием поставившие себе очередную галочку, – это одно. А совершенно другое – суд, которому не всегда и охота всерьез возиться с такой вот нудной бодягой, имеющей тенденцию рассыпаться. Ну, и другие нюансы...

Гораздо хуже, что такие сюрпризы непременно бьют рикошетом по всему благородному сообществу. Антиквариат не лежит на месте, словно неподъемная чугунная гиря в два пуда.

Сплошь и рядом вещички путешествуют из магазина в магазин – то, что висло у тебя, порой просишь выложить на продажу собрата по бизнесу, авось у него уйдет скорее. Он обычно соглашается, поскольку вправе рассчитывать на ответную любезность с твоей стороны...

Как это частенько случается, среди изъятых у Лехи холоднячка (единиц около двадцати) было и взятое на реализацию у иногородних поставщиков, и то, что ему привезли шантарские коллеги. В том числе и Смолин, сбросивший в «Дукат» две посредственных шпаги и турецкий ятаган с утратами. Так что в той или иной степени пострадали все, а это хорошего настроения не прибавляет...

Глава 7

Люди и вещи

Ах, как звенела медь в монастыре далече...

Звенела, если точнее, сталь, шпаги мелькали и метались, с характерным гудящим свистом рассекая воздух, временами, сталкиваясь, издавали даже не звон, а лязг. Как успевал с сожалением подумать Смолин, тяжело хватавший ртом воздух, почти всякий раз именно он виноват был в том, что клинки соприкоснулись – а это означает промах и упущение, только в кино мечи и шпаги то и дело ударяют друг о друга, потому что этого требует зрелищность, а вот *настоящий* бой и настоящее умение как раз в том, чтобы вести схватку без касания, а еще лучше – закончить ее очень быстро, несколькими выпадами. Впрочем, это касалось настоящих поединков, но все равно, грязная работа, где бывшее умение...

Он давно уже подозревал, что Шевалье работает не в полную силу, теснит с половинным напором, да и болезненных уколов что-то очень уж мало угодило по корпусу – если учитывать, с кем он сошелся...

Щадил его Шевалье, чего уж там – да и он сам дрался без азарта, без упоения, даже вяловато. Оба работали самыми настоящими французскими дуэльными шпагами, помнившими еще незадачливого императора Наполеона III (прошлогодний подарок Смолина на семидесятилетие), разве что кончики у них были старательно доведены до полной тупости. Но все равно уколы получались чувствительные.

Шевалье вдруг проворно отпрыгнул на два шага, опустил шпагу острием (вернее, тупиём) к полу. Смолин выжидательно остановился, держа клинок параллельно доскам пола из настоящего тика.

– Хватит, – сказал Шевалье, подбрасывая шпагу и перехватывая ее за клинок под эфесом. – В тебе, Базиль, сегодня абсолютно не чувствуется куража, даже неудобно как-то наносить удар...

– Ваша правда, Шевалье, – сказал Смолин, проделывая со своей шпагой ту же манипуляцию. – Никакого настроения. А впрочем, я уже давненько сошел с круга, какой из меня фехтовальщик...

– Не прибедняйся. Задатки у тебя когда-то были отличнейшие, да и теперь осталась хватка...

– Талант, конечно, не пропьешь, а вот фисгармонию – запросто... – проворчал Смолин, оборачиваясь к зеркальной стене.

Ну, как и следовало ожидать, его белоснежный свитер (очередная

французская придумка с кевларовой подкладкой, позволявшей избежать трагических случайностей даже с боевым клинком) был не менее чем в десяти местах покрыт алыми пятнами: при каждом ударе срабатывала какая-то хитрая электроника, и минут десять на ткани сохранялись пятна. Прогресс несказанный: какие-то датчики, пленочные микросхемы, в рознице не очень и дорого, не дороже обычных шмоток, так что Кот Ученый в Париже не особенно и потратился...

Ну, а на самом Шевалье наличествовали всего-то навсего два алых пятнышка, да и то, будь это в реальной схватке, получились бы неопасные царапины, на какие истый дуэлянт не обращает внимания – а вот Смолин не менее полудюжины раз был убит...

Аккуратно поставив клинки в стойку из темного полированного дерева, они вышли в боковую комнатку, маленькую и уютную. На столе уже красовался чайник и все сопутствующее – ученики постарались.

– Я, как обычно, в совершеннейшей абстиненции, – сказал Шевалье, стягивая через голову белый свитер. – Тебе, если хочешь, могу предложить...

– Нет, спасибо, – сказал Смолин. – Я за рулем.

Он озира́л голого по пояс Шевалье с откровенной завистью: конечно, никак нельзя принять его, ежели закрыть физиономию маской, за молодого качка, но и семидесяти с лишним лет никто не даст по первому впечатлению: сухой, жилистый торс с хорошо развитой мускулатурой, без намека на животик. У самого Смолина по этой части дело обстояло не удручающе, но все же были поводы для некоторого уныния: что-то такое отвисало, и на боках, если постараться, складочку можно было ухватить двумя пальцами, не особенно и напрягаясь... И он в который раз попытался себя представить в семьдесят лет – и, как обычно, предпочел не развивать эту тему. А ведь по достоверным слухам Шевалье еще и амор крутит с девочкой из ролевых эльфов...

Хозяин разлил чай, и Смолин, кивнув, взял пузатую чашку, блаженно откинулся на спинку кресла. Здесь его никогда не подстерегали ни дела, ни сложности, ни хлопоты – мало в этом городе мест, где можно отдохнуть душой и телом, причем совершенно бесплатно, будучи встреченным по-дружески...

Шевалье объявился в Шантарске тридцать лет назад, когда Смолин как раз летел на всех парусах к своему первому, условному, сроку. Собственно, Шевалье родом был как раз отсюда – но почти два десятка лет словно призрак болтался неизвестно где, в тех местах, где офицерам доблестной Советской армии появляться официально категорически не полагалось –

сама мысль об этом была форменным идиотизмом. Смолин и сейчас о деталях знал не больше, чем тридцать лет назад – но теперь ясно было, что во время очередного веселого вояжа Шевалье *стукнуло* так основательно, что его, подлечив, с почетом отправили из несокрушимой и легендарной на серьезную инвалидность. Судя по иным скудным намекам, эскулапы в погонах, хотя самому отставнику об этом и не говорили, всерьез считали, что бывший майор отправлен на родину, чтобы через пару годочков, увы, отправиться прямиком на Аллею Славы – была такая на главном шантарском погосте, аляповато оформленная, но почетная...

Шевалье – впрочем, тогда еще к нему эта кличка не прилипла – печальные прогнозы эскулапов опроверг, причем некоторых, как он любил иногда подчеркивать, пережил. Малость оклемавшись, он неожиданно отыскал себе дело по душе – взялся совершенно безвозмездно натаскивать в фехтовании парнишек в одном из военно-спортивных клубов при горкоме комсомола.

Вот с тех пор и пошло-поехало. Жизнь отставного майора с бегом лет все более напоминала авантюрный роман: он основал полдюжину уже *собственных* клубов на манер знаменитой крапивинской «Каравеллы» – только, в отличие от Крапивина, парусами и водными забавами не увлекался совершенно, будучи классическим сухопутчиком: фехтование, рукопашная, походы в тайгу по методике спецназовской «автономки»... Энтузиаста то хвалили с высоких трибун и в партийной прессе, то, что случалось гораздо чаще, несли по кочкам, разбирали на винтики и даже грозились стереть в лагерную пыль – потому что Шевалье, хотя никогда и не был классическим диссидентом, но партийное руководство воспитанием молодежи и прочую идеологическую шелуху попросту отметал и жил так, словно ничего этого и не существовало в окружающей действительности. Что очень многих ужасно раздражало. Особенно тех, кто рвался руководить с партийных позиций и идеологически окормливать. Так что клубы Шевалье сплошь и рядом закрывали – запрещали, а потом опять открывали, когда в столичной прессе и на верхах порой попадались умные люди. Попутно *сенсэй* бесчисленное количество раз был объектом проверки разнообразнейших высоких комиссий, да вдобавок не менее десятка раз на него открывали уголовные дела. Шили ему и педофилию (совершенно безосновательно), и не вполне правильные с точки зрения советской морали отношения со старшеклассницами (вот тут уж, если копнуть, таилась сермяжная правда, хотя и преувеличенная анонимщиками), и создание контрреволюционной молодежной организации, и руководство бандой, и хранение оружия. Дело осложнялось тем, что Шевалье порой и

впрямь ходил по лезвию – с его любовью к холодняку в те годы, когда подобная любовь категорически запрещалась Уголовным кодексом, и занятиями кое-какими видами восточных единоборств (в недобрые времена гонений на каратэ). Одним словом, пошивочные работы шли с размахом и систематически, словно в приличном ателье. Вот только всякий раз кончалось дело пшиком: в педофилию ни один нормальный человек не верил, влюбленные старшеклассницы компромат давать отказывались, контрреволюция в итоге не обнаруживалась, корыстный интерес присобачить не удавалось...

Когда грянула перестройка и всё последующее, Шевалье со своими много чего умеющими ребятишками, что греха таить, оказался чем-то вроде бригадира – отнюдь не в том смысле, какой в эти слова вкладывают на стройке. Правда, надо отдать ему должное – в отличие от иных тупых качков, ребятишки Шевалье и в самом деле, если уж брались защищать, то защищали качественно и честно. А поскольку на дешевые компромиссы не шли, ни черта не боялись и со старых времен сохранили некую закалку, то очень быстро завоевали себе репутацию сущих отморозков, которых в жизни не нагнуть, и пытаться нечего. И отвоевали себе достаточно почетное место посреди сложной реальности, будучи прозванными каким-то недоброжелателем «мушкетерской бригадой» – но им самим это прозвище как раз понравилось.

Обо всем этом можно было написать толстенный роман, однако теперь это были дела давно минувших дней, и Шевалье уже много лет занимался вполне легальной деятельностью: официальный клуб «Рапира» (фехтование, ролевые игры, участие в рыцарских турнирах, в том числе и за рубежом, единоборства, курсы самообороны). Порой это даже приносило кое-какой доход, позволявший содержать двухэтажный дом почти в центре города, в свое время законным образом переданный клубу генерал-губернатором Л. – которому все, чем там занимались, пришлось крайне по вкусу. А главное, бывших питомцев Шевалье можно было встретить в самых неожиданных местах, на самых разных постах, и не только в Шантарске, но и повыше – закалочка, какую «птенцы Шевалье» получали, позволяла иным вскарабкаться довольно-таки высоко – или, по крайней мере, так, чтобы свою жизнь они считали состоявшейся...

– Заботы? – поинтересовался Шевалье тоном, позволявшим ему моментально переменить тему при нежелании Смолина ее обсуждать.

– Да нет, пожалуй, – сказал Смолин искренне. – В общем и целом жизнь тянется по средней норме... Всего в лепорцию.

– Смотри, если что... Всегда рад.

– Да ерунда, – сказал Смолин. – Даже если что – отмахаемся...

– Один на льдине, как встарь?

– Вот именно, – серьезно сказал Смолин. – Один на льдине. Что-то в этом есть, честное слово.

– Ты, конечно, Вася, взрослый человек и неповторимая личность. Но человек, как давно подметили классики, один не может ни черта...

– Когда это я был один?

– Брось. Прекрасно понимаешь, о чем я. Мы друг друга знаем чуть ли не тридцать лет. Я тебе всегда помогу, и прекрасно ты понимаешь, что обязанным себя чувствовать не будешь. Ну что за пошлости? Почему один благородный дон не может бескорыстно помочь другому благородному дону?

– Да с чего ты взял, что мне нужна помощь?

– Говорят...

– Кто и что?

– Когда это я на такие вопросы отвечал, Вася? В воздухе порхают сороки, разную дребень на хвосте носят...

– Шевалье, – сказал Смолин, глядя собеседнику в глаза. – Ты уж давай без загадок. Я действительно ничегошеньки не знаю про то, что мне нужна помощь. Нет у меня *никаких* проблем. Всё как всегда. Так что, если есть конкретика...

– Ты моему слову веришь?

– Всегда.

– Ну, тогда поверь, что конкретики у меня никакой нет. Считаю, что я опережаю события. В воздухе, Васенька, носится что-то *этакое*. Никто ничего не знает конкретно, но, как бы поточнее выразиться... Считаю, что с одной из сторон горизонта наползает тучка, и ты ее не видишь, а другие уже усмотрели экстрасенсорным, скажем, методом... В общем, если понадобится помощь, я всегда готов.

Смолин смотрел на него задумчиво и пытливо – безукоризненно прямая спина, стать и осанка английского лорда, ястребиное лицо, почти не тронутые морщинами, волосы совершенно седые, но брови черные: действительно, шевалье, хозяин замка, способный в свои годы взять в каждую руку по шпаге и выйти против дюжины разбойничков... Знай он что-то, обязательно сказал бы. Приходится верить, что в воздухе и в самом деле «что-то такое носится» – но вот лично он и представления не имеет, где собака зарыта, при том, что и сам не раз шестым чувством видел *тучку* до того, как она черным грузным пятном обозначится на горизонте... *Ничего* пока что не случилось, подпадающего под понятие «серьезной

угрозы»!

– Ну что я могу поделать, – задумчиво сказал Смолин. – Если привык отбиваться в одиночку – и до сих пор это, между прочим, себя оправдывало... Давай не будем. Есть другая тема. Ты по специфике занятий и с театрами повязан... Не помнишь, часом, такую фамилию – Бессмертных? Отчего-то она у меня по размышлении ассоциируется как раз с театром. Я в них не ходок, но аналогии, точно с театром...

– Бессмертных... Манолис Андреевич?

– Представления не имею, – сказал Смолин. – Живет он на Чехова, двадцать восемь, это-то я точно знаю...

– Тогда это действительно Манолис. Из Театра оперетты. Зачем он тебе?

– Есть к нему дело, – сказал Смолин осторожно. Легкая гримаса на лице Шевалье его не воодушевила. – Знаете, из той категории, когда мимо данного конкретного человечка никак не пройти. Если все пройдет гладко, выгода будет нешуточная и мне, и ему, так что хотелось бы предварительно разузнать что-то...

Шевалье поднял аристократические брови:

– Неужели Манолис может оказаться деловым партнером? У человека наподобие тебя? Я, понятно, не подвергаю сомнению твою репутацию, наоборот, выражаю легкое удивление – ты человек насквозь деловой, а вот его я бы так не назвал... Его отца, Андрея Бессмертного, я хорошо знал. А отпрыск получился... не идущий ни в какое сравнение. Препустой человечиска.

– А откуда такое странное имя?

– Ты что, все забыл?

– А что я должен помнить? – искренне изумился Смолин.

– Был некогда Манолис Глезос. Греческий коммунист.

– А... – покривился Смолин. – Из этих... зарубежных друзей?

– Ирония и насмешка тут совершенно неуместны, – сухо сказал Шевалье. – Глезос, между прочим, в сорок первом году, будучи в возрасте девятнадцати лет, ночью содрал с Акрополя нацистский флаг. Стоит уважать?

– Пожалуй...

– В пятидесятые, в шестидесятые революционеры были *настоящие*, – сказал Шевалье убежденно. – По моему глубокому убеждению, они вызывали искреннюю симпатию и, можешь со мной не соглашаться, были людьми, не лишенными некоторого благородства: Глезос, Лумумба, кубинцы... Это потом, в семидесятые, толпой повалили дерганые

террористы... Короче говоря, Манолис – наш, шантарский – родился в шестьдесят втором, а в тот год Глезоса как раз выпустили из тюрьмы. Андриюша Бессмертных был человеком идейным... Значит, Манолис Андреевич... Театр оперетты, как я только что говорил. Вообще-то подпадает под понятие «ведущий актер» – но, по моему сугубому убеждению, исключительно оттого, что этот храмчик культуры особыми талантам не блещет. Фактура наличествует – и не более того... Да, пикантная подробность: он в свое время получил кличку Везунчик из-за того, что попал в пионерский драмкружок... под названием «Балаганчик».

– Так-так-так... – сказал Смолин, осклабясь. – Уж не в те ли времена...

– Ну да.

– Где ж тут везение? – хмыкнул Смолин.

Знаменитая была история для семьдесят второго года – ни малейшей огласки, разумеется, не получившая, но прекрасно известная всему городу. Год спустя, когда Смолин вернулся из армии, о ней еще говорили. Жили-были три обормота – глава областного отдела культуры, собкор «Пионерской правды» и режиссер одного из шантарских театров, бескорыстнейшим образом, на общественных началах возглавлявший при Доме пионеров означенный драмкружок. Балаганчик, действительно, был еще тот – поскольку эта троица, как выяснилось, пионеров обучала отнюдь не основам сценического мастерства. Лет несколько все было шито-крыто, а потом кто-то из озабоченных товарищей напоролся на сына военкома – мальчишка для десяти лет был крепенький, натасканный папой в самбо, а главное, идейный. Сообразив что к чему, он врезал распаленному педофилу по тому месту, которое ему продемонстрировали, рассказал все отцу, а тот, сыпля отборным казарменным матом, подался в обком...

Нехорошую историю, конечно, держали в величайшей тайне. Завотделом с помощью партийных товарищей отделался испугом и микроинфарктом, хитрющий режиссер с помощью знакомых отсиделся в психушке, пока не угасли страсти, отдуваться пришлось одному собкору, отправившемуся на зону опять-таки без всякой огласки...

Шевалье невозмутимо сказал:

– Везение тут в том, что Манолис в драмкружок поступил аккуратно за пару дней до скандала и потому избежал на свою попу приключений...

– Пожалуй, и впрямь везение... – согласился Смолин. – Значит, актер...

– Дрянноватый. Но самомнения и апломба – хоть отбавляй. Женат в четвертый раз, по отработанной методике: очаровывает очередную смазливую юную дурочку из молодого театрального пополнения, а лет

через несколько от нее отделяется. Несколько раз пытался *зацепиться* в столице, но никого не заинтересовал – говорю тебе, одна фактура... В жизни бы не подумал, что у тебя могут с ним быть какие-то дела.

– По-всякому поворачивается, бывает... – сказал Смолин. – Расскажу как-нибудь, история не особо потаенная, но пока что из суеверия не будем углубляться в детали... – он поднялся. – Пора мне, да и у тебя наверняка дел куча...

– Если понадобится помощь...

– Мне она пока что в жизни не понадобилась, – сказал Смолин без всякой бравады, просто констатируя факт. – Ты ж знаешь мои принципы на этот счет. *Помощь* – это то, к чему прибегаешь, когда не можешь справиться сам. Пока что – тьфу-тьфу, таких ситуаций не бывало...

Шевалье улыбочиво прищурился:

– А как насчет *содействия*?

– Вот это – другое дело, – сказал Смолин. – Содействие никогда лишним не бывает... но и к нему предпочитаю прибегать лишь в случае крайней необходимости.

– Экзистенциалист ты наш...

– Ну, что поделать, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Господи, я был когда-то разочарован... Я-то думал по молодости лет, что сам эту жизненную философию изобрел: стисни зубы и держись, когда весь мир идет на тебя войной... А потом оказалось, что это давным-давно известно под красивым названием «экзистенциализм», и новизны тут нет ни капли... Всего тебе хорошего. Я обязательно приду, если что, в конце концов, я не застенчивый...

Он кивнул, вышел и неторопливо пошел по длинному коридору с полудюжиной дверей справа и слева – из-за одной слышался ожесточенный лязг стали, из-за другой долетали воинственные вопли, в третьей (она была приоткрыта) тусовался табунок девочек – эльфов в зеленых вычурных нарядах – ага, опять собираются разыгрывать в прилегающей тайге нечто фантазийное...

Туманное предостережение Шевалье его не особенно заинтересовало: именно в силу туманности. Он и мысли не допускал, что Шевалье утаивал от него какие-то подробности – не тот человек, считайте, три десятка лет знакомы, пуда соли не съели, но отношения близки к дружеским, а это в наши циничные времена кое-что да значит...

Тут, должно быть, другое. Смолин и сам прекрасно знал, как это иногда бывает: кто-то из твоих старых знакомых вдруг с налетом таинственности заявляет: «Старик, ты уж осторожнее, не суй хвост в

мясорубку, бога ради, улицу переходи только на зеленый, и вообще...» Деталей он не приводит, потому что и сам их не знает. Просто-напросто что-то такое в воздухе носилось, на горизонте маячило...

Что характерно, подобные *туманные* предостережения порой оказываются как нельзя более кстати – но чаще всего оказываются пустышками. Дерганая у нас у всех жизнь, ремесло нервное, вот и случается иногда... сигнализация срабатывает.

Выйдя на улицу, Смолин направился было к машине, но через пару шагов резко повернулся и пошел к газетному киоску – усмотрел свежий номер «Губернских ведомостей» с их характерным зелено-белым оформлением. А встав перед стеклянной витринкой, сразу углядел и красный заголовок на первой странице: «ЖАНДАРМСКИЙ СЛЕД В ШАНТАРСКЕ!»

Незамедлительно купив газету, в машине вдумчиво прочитал статью на третьей странице, декорированную тремя фотографиями. На одной была покосившаяся избушка (как он и оговаривал, табличка с названием улицы и номером дома в кадр не попала). На второй красовался господин Дегтяренко, самодовольный и вальяжный, державший перед собой увесистый бронзовый раритет, на третьей – сам раритет крупным планом, так что историческая надпись прекрасно читалась.

Статья его, в общем, вполне устраивала. Конечно, она была написана в модном ныне бульварном стиле, конечно, Инга допустила с полдюжины ляпов (жандармерия и охранное отделение – сугубо разные конторы, и так далее, и так далее). Однако его приятно порадовало другое: девочка старательно выполнила уговор, все его требования и нюансы учла – а значит, первое испытание выдержала, с ней вполне можно было иметь дело. Что вовсе не означало *полного* доверия – рановато...

Он бросил газету на пассажирское сиденье, достал телефон.

– Да?

– Инга, вы прелесть, – сказал Смолин. – Я как раз читаю газету. Прекрасно. Просто прекрасно. И сенсация есть, и ни один антиквар морального ущерба не понес...

– Я же обещала. Да, а статью у меня, кажется, в Москву берут перепечатывать...

– Поздравляю, – сказал Смолин.

– Значит, со мной можно дружить?

– Ах, как хотелось бы поймать вас на слове...

– А вы поймайте. Вы же мне обещали много еще показать и рассказать...

– В ближайшее же время... – сказал Смолин. – Черт... Простите, меня опять выдергивают... Я вам обязательно позвоню, в самом скором времени, еще раз спасибо, вы своей очаровательной персоной прямо-таки реабилитируете массу журналюг...

Он нажал кнопчку, схватил с сиденья второй мобильник – там и в самом деле высветился Шварц, так что дело было и впрямь серьезное.

– И что? – спросил Смолин.

– Явились. Оба, с багажом...

– Понял, жму...

Вывернув на улицу, он еще раз мельком глянул на газету с фотографиями и ухмыльнулся. Все было в ажуре, в совершеннейшем. Избушка на курьих ножках была снята внаем у хозяина (взаправдашнего алкаша) всего на неделю – разумеется, без писанных договоров, без каких бы то ни было бумаг. Старый «целинник» перестал существовать как персонаж сразу, едва они уехали – а обе медали вернулись в магазин. Лично Смолин столичному гостю ничего не предлагал и за подлинность раритета ни единым словом не ручался – он всего лишь добросовестно навел любителя жандармских реликвий на нужный адрес, и не его вина, если что-то оказалось не так: москвич давно вышел из детского возраста, сам принимает решения, коли уж мнит себя сугубым знатоком... В общем, смело можно сказать, что прошло гладко. В случае чего будет молчать в тряпочку, опасаясь плюхи по самолюбию. Из-за *таких* предметов и *таких* сумм никто никогда не посылает ораву серьезных мальчиков с бесшумными пистолетами – да и шпану со свинчатками тоже не пускают по следу. Поматерится и будет объезжать Шантарск десятой дорогой, вот и всё... Бывали прецеденты.

Гоша демонстрировал супружеской паре средних лет граммофон в лакированном ящике, ничего не утверждая точно, но создавая у парочки (на вид – приезжие, туристы, сто процентов) убеждение, что они могут за смешные деньги прикупить редкость несказанную. Супруги, судя по виду, вскоре должны были этой иллюзией проникнуться и расстаться с некоторым количеством тыщенок...

В другом углу длинного стеклянного прилавка шепотком любезничал с Маришкой Костя Бажанов из Манска – живописец из глубинки, очередной непризнанный гений (а впрочем, его странноватые работы покупали охотно, так что Смолин его приваживал на всякий случай, чем черт не шутит, порой художники входят в моду резко, и повезет тому, кто улучит момент).

Смолин подкрался на цыпочках. Песня была старая – Костя в который раз уговаривал Маришку позировать во имя высокого искусства, та в который раз пищала и жеманилась, упирая главным образом не на исконную девичью стыдливость, а на то, что она себя потом на полотне ни за что не узнает и никто ее не узнает (в чем, в общем-то, была совершенно права, реальность гений из провинции преломлял очень уж своеобразно).

– Привет, – сказал Смолин.

– Василий Яклич... – от тридцатилетнего гения остро несло двумя насквозь профессиональными ароматами, то бишь красками и водкою. – С вас процентик, я к вам продавца притартал, интересные вещишки...

– Посмотрим, – сказал Смолин, приятно улыбаясь. – Ты тут пока девушку пофантазируй, только в рамках, а я посмотрю...

Он бочком пробрался сквозь узкий проход за прилавков, вошел в служебные помещения и прислушался. Уловив голоса, направился в свой кабинет.

Там наличествовали Шварц с Котом Ученым, трезвые и умытые, а третий, как раз что-то им увлеченно *вкручивавший*, завидев Смолина, вскочил и с превеликим энтузиазмом протянул руку:

– Очень приятно, Василий Яковлевич, наслышан... Максим. Рад познакомиться...

– Аналогично, – сказал Смолин, пожал протянутую вяловатую руку и уселся на свое место. – Костя говорил, вы нас собрались несказанными редкостями удивить...

Перед ним был типичный московский *хлюст*: напористость вкупе с расхлябанностью и в словах и во всей фигуре, свой в доску, видывал виды, но к дремучим таежным жителям снисходителен настолько, что временами готов их признать чуть ли не ровней себе, апломба на четверых – а глаза, что характерно, честные-пречестные, и физиономия, пожалуй что, глуповатая, мы, мол, пороха не выдумаем, мы простецкие...

С прибауточками столичный гость принялся развязывать длинный сверток, тщательно упакованный в мешковину посредством клейкой ленты – по внешнему виду о содержимом ни за что не догадаешься... На стол перед Смолиным легли казацкая шашка в ножнах («царских времен» – значительно прокомментировал Максим), японский син-гунто идеальной сохранности и японский же клинок, но гораздо более старый и интересный – кю-гунто, то есть армейский меч образца тысяча восемьсот восемьдесят шестого года – причем, судя по накладке рукоятки, сплошь покрытой узорами из листьев и японской вишни, принадлежал он не сопливому лейтенантику, а офицеру чином не ниже майора.

Казачья шашка

Вытащив один за другим клинки из ножен, осмотрев их так и сяк, Смолин аккуратно разложил их на столе, эфесами к себе, наконечниками ножен к гостю, сказал спокойно:

– Интересно. Но Костя говорил, что у вас и что-то еще более редкое имеется...

Без прибауточек, но со *значительной* улыбочкой столичный гость извлек из кармана нечто завернутое в носовой платок, развернул, явив взорам футляр из коричневого кожзаменителя, а уж из него достал серебряный портсигар и положил перед Смолиным с гордым, триумфальным, чванливым видом сорвавшего нешуточный банк игрока – этакий лейб-гвардеец, завернувший перекинуться в картишки в деревенский трактирчик, где более серебряного рублишки отродясь не ставили, и с превеликой помпой выложивший на грязную столешницу, отроду не знавшую скатерти, пригоршню золотых импералов...

– Интересно, – повторил Смолин, вертя в руках портсигар, но пока что не открывая. – Что же мы тут имеем... Имеем мы тут не самый заковыристый *сюжет* – человек единоборствует с... пожалуй, это все же не тигр, а барс какой-нибудь, а? Уж не Мцыри ли? Ну, что я вам скажу, Максим... Портсигарчики такие у меня в магазине лежат самое большее баксов по пятьсот... Да и то для постоянных и хороших клиентов – скидка.

– *Такие?* – Максим смотрел на него именно тем взглядом, какого в данной ситуации следовало ожидать: несказанное превосходство белого

сахиба над дикарями. – Да уж вряд ли... Вы на клеймо посмотрите...

Открыв портсигар, Смолин небрежно кинул взгляд... и старательно изобразил, будто остолбенел от несказанного изумления. Выждав некоторое время – притворившись, будто у него в зобу дыханье сперло, – едва ли не пролепетал:

– Хотите сказать... Фаберже?

– Хочу сказать, – триумфально возвестил Максим. – Карл Фаберже, поставщик двора его императорского величества... Вещичка для «Сотби».

– Ни черта не понимаю, – протянул Смолин с видом законченного деревенского вахлака. – Что ж вы такую ценность в Москву не повезли продавать?

– Ох, Василий Яковлевич, как вы безмятежно на жизнь смотрите... Ну понятно, у вас таких тонкостей не знают... Я, да будет вам известно, надежных ходов в антикварный бизнес не имею. А без них в столице продавать *такую* вещь – дело рискованное. Хорошо еще, если заплатят пустячок – а могут и по затылку в переулке приложить...

– Да неужели? – притворно изумился Смолин.

– Будьте уверены...

– Черт знает что. У нас тут гораздо спокойнее все же...

– Вот то-то и оно, – сказал москвич с той же покровительственной *развальцой*. – А поэтому мне гораздо проще и спокойнее продать вещичку здесь за умеренную цену, чем рисковать в столице. Я же не торговец, случайно в руки попало...

– Это как? – с видом полного простодушия поинтересовался Смолин.

И выслушал занятную историю про дядю во Владивостоке, про фамильные реликвии, принадлежавшие той ветви Максимова рода, что отпочковалась еще при царе на Дальний Восток в лице капитана второго ранга с некоего броненосца, про нежелание дяди возиться с презренной торговлей (интеллигент, доктор наук, морской биолог)...

История, в общем, была вполне убедительная, изобиловала деталями, позволявшими с ходу определить, что сей молодой человек и книжки кое-какие почитывает, и в истории императорской России нахватав. Самое смешное – что иные подобные истории и в самом деле оказывались чистейшей правдой: вроде этюда Рубенса в захолустном райцентре, подлинного подстаканника Фаберже, принесенного в «Эльдорадо» не знающей ему настоящей цены бабусей-пенсионеркой... Да мало ли... Масса интересных, стопроцентно подлинных вещичек до сих пор всплывает там и сям на необъятных все еще просторах России-матушки. Так что рассказанная Максимом история при других обстоятельствах могла

бы и прокатить... не будь кое-каких решительно опошляющих ее подробностей.

– Начинаю понимать, – сказал Смолин. – Японские мечи дедушка вашего дяди прихватил в сорок пятом в Маньчжурии...

– Только не дедушка, а отец.

– Ну, это детали... Главное, я правильно угадал.

– Ну да. Вот откуда шашка, я вам точно не скажу, она у них в доме валялась испокон веков...

– Черт знает что... – протянул Смолин, завороченно созерцая клеймо внутри портсигара. – Надо же, какая вещица...

– Бывает, – спокойно сказал Максим, лучась самодовольством и уверенностью в себе. – Я тут пролистал местную газетку... у вас в какой-то развалюхе нашли чернильницу Санкт-Петербургского охранного отделения...

– Быть не может! – изумился Смолин.

– Точно!

– А мы-то тут сидим, как в берлоге, ничего не знаем, что под самым носом творится... – сказал Смолин, старательно избегая иронии в голосе, для которой было еще не время. – Ну хорошо, это лирика, перейдем к грубой прозе... Что же вы хотите, Максим, за эти уникалы?

– Портсигар – десять штук евро. Нормально, по-моему. Вы же антикварщик, вы-то его сможете со временем продать и подороже.

– Пожалуй... А баксы, значит, не берете?

– Ну, если только по курсу... Ненадежен нынче бакс.

– Да, засада какая-то... – озабоченно сказал Смолин. – А клиночки?

– Ну, если все три... За пятерку.

– Евро, конечно?

– Да уж конечно...

– Соблазнительно, черт... – сказал Смолин. – А времени насчет подумать – никак?

– Ну, это ж бизнес, Василий Яковлевич, – улыбнулся Максим открыто и честно. – Вы в этом городе не один антиквар, я уже, признаюсь откровенно, еще два предложения имею... Решайтесь. Или как?

– Заманчиво... – повторил Смолин. – Деньги, в общем, найдутся... А вот как насчет подлинности?

– Василий Яковлевич! – воззвал Максим с неприкрытой укоризной. – Да это ж сразу видно! Это ж на поверхности! Да такая сделка раз в жизни бывает...

Ах, как честно он тарасился! Как был чист, наивен, открыт и

белоснежно-пушист! Даже неловко было оскорблять тенью подозрений столь порядочного и обаятельного молодого человека...

– А! – с ухарским видом махнул рукой Смолин. – Действительно, раз в жизни такое бывает... Но у меня только долларами...

– Нет проблем! – просиявший Максим проворно извлек плоскоський калькулятор, моментально произвел нехитрые вычисления и показал Смолину узенький экранчик с рядком черных цифирок. – По курсу, мне лишнего не надо...

– Голуба моя, – повернулся Смолин к Шварцу. – Мы тут будем деньги считать, а ты пока что Ашотиком займись, он наверняка заждался...

– Понял, – с бесстрастным видом кивнул Шварц и проворно улетучился за дверь.

Вздыхая, кряхтя, мотая головой, Смолин открыл сейф, извлек пачку портретов покойных президентов и принялся их сосредоточенно считать. Закончив, придвинул к Максиму горку бумажек:

– Пересчитывать будете?

– Да ладно, я смотрел, когда вы считали...

– А то для порядка...

– Нет, все путем...

Вот *теперь* в нем стала ощущаться некоторая торопливость – нервишек не хватило играть до конца открытость, бесстрастие, наивную честность и прочую романтическую лабуду. Нет еще у сопляка должного навыка – ох, не играет он в покер, точно...

Тщательно упаковав денежки в свою барсетку, Максим с той же проступавшей суетливостью сказал быстро:

– Приятно было встретиться. Если что, я теперь всегда к вам...

И повернулся к двери. Глянув через его плечо на Кота Ученого, Смолин опустил веки и чуть заметно кивнул. Хижняк, явно истомившийся бездельем, словно бы невзначай оказался на пути устремившегося прочь с добычей волчонка позорного, словно небрежно сделал отточенно-плавное движение...

Черт его знает, как оно получилось, но москвич спиной вперед полетел к столу – где его аккуратненько принял вскочивший Смолин, уронил на стул, прихватил за глотку согнутой рукой и сказал совершенно *другим* тоном:

– Куда поскакал, козлик? Толковище только начинается, так что не егози...

Отеческого вразумления ради, он свободной левой чувствительно приложив юноше по почкам классическим «крюком», развернул

физиономией к столу вместе с жалобно затрепавшим ветхим стулом. Отняв руку от глотки, сказал на ухо тихо, но веско: – Будешь дергаться, мудака, без яиц останешься... Понял?

Стукнула дверь – за спиной сидящего обозначился Шварц во всей своей нехилой комплекции, сообщил с гнусной ухмылочкой:

– Ашотик в полной боевой готовности...

– Василий Яковлевич! – воззвал Максим в тщетных попытках обрести прежнюю уверенность и безукоризненный вид честнейшего на свете человека. – Что за шутки идиотские!

Смолин мигнул Шварцу – и тот наградил сидящего смачным подзатыльником, отчего тот моментально заткнулся, скукожился, уже понимая, что все пошло наперекосяк и дело принимает самый нехороший оборот...

Постукивая по столу портсигаром, Смолин сказал наставительно, с расстановочкой:

– Ты знаешь, козлик, нас давно уже не злят всерьез субъекты вроде тебя – они нас давненько уж смешат, и не более того. Ма-ас-ковский пустой ба-амбук... – протянул он, гнусаая. – Именно что смешат. Мозгов у вас, ребятишки – ни хрена. До сих пор полагаете, что за Уралом живут туземцы, которые слезают с деревьев, едва их поманить блестящими бусиками, и отдают за бусики золотые самородки и неограниченные алмазы... Молчать, паскуда! – прикрикнул он, увидев игру мимики на лице парня. – Говорить будешь, когда я разрешу. А если хрюкнешь без позволения, этот симпатичный парнишка у тебя за спиной опять по башке вмажет, так, что немногочисленные твои извилины распрямятся... – он усмехнулся без издевки, весело, широко. – Ребятки, ну пора ж умнеть... Лично я вообще не знаю на российских просторах такого места, где б меняли золото на бусики... А уж я всякое повидал... Ну, вякни пару слов, разрешаю...

– Да что вы в самом деле... Так же нечестно...

– Сука драная, – сказал Смолин, нехорошо усмехаясь. – Пидер гаденький... А подсовывать мне фуфло за бешеные бабки – честно?

– Какое фуфло?

– Сам знаешь, – сказал Смолин. Времени у него было много, и он мог себе позволить долгое развлечение. – Вот насчет шашечки, – он мимолетно коснулся эфеса, – ничего плохого сказать не могу. Шашка, как вы изволили выразиться, царских времен, тут уж не поспоришь и не опоплишь. Две штуки евро она, конечно, не стоит, обтерханная... но штук за пятьдесят рублями я бы ее продал хоть завтра – а за сороковник и вовсе через пару часов. Но что касается всего остального – перед нами полное и

законченное фуфло. Оба «японца» – новоделы, копии, японцы их начали продавать еще двадцать лет назад, именно как *копии*, не выдавая за оригиналы, боже упаси... Ты, придурок, даже не пробовал прибор состарить – позолоченная латунь, классические копии, блестит, как у кота яйца... Я в своей жизни повидал столько настоящих, что ошибки быть не может. Вон там, на полке, – он небрежно ткнул большим пальцем через плечо, – как раз и стоит японский каталог, цветной, роскошный, цены прошлого года четко обозначены... Мне его лень доставать, ты уж поверь на слово, выблядок драный... – Смолин хохотнул. – Что понурился? Грустно тебе, корявенький? Погоди, загрустишь посильнее...

Теперь – о Фабере, сиречь господине Фаберже, поставщике двора и все такое прочее... Этот портсигарчик, сляпанный в двадцатых годах двадцатого века, в прошлой жизни как раз и носил соответствующее клеймо. И купил ты его, декадент, за девять тысяч *рублей* в магазине «Раритет», у господина Тарабрина по кличке «Врубель» – свои люди эту кличку произносят раздельно: не фамилия художника, а – «В рубель». Что, скажу тебе по секрету, обозначает не самый тяжелый вес означенного господина в шантарской антикварке. А Врубелю его толкнул за шесть тысяч Миша из Барнаула... Держал я этот портсигарчик в руках, когда клеймо на нем было *старое*, как нельзя более соответствующее истинному возрасту... Ну вот. А потом Врубель тебя сводил к Виктору Пантелеевичу по прозвищу Маэстро, каковой с присущим ему искусством изобразил на месте старых чекух новые, фаберовские... Я что-то неправильно излагаю? Ты скажи, ежели я в чем ошибся... Молчишь? Молчишь, падло, что ж тебе сказать-то в этой хреновой ситуации...

– Нет, если так, возьмите...

Попытка парнишечки вынуть из внутреннего кармана легкой куртки несправедливо полученные денежки была мгновенно пресечена Шварцем, врезавшим ребром ладони меж шеей и плечом. Кот Ученый, заскучавший, должно быть, из-за совершеннейшего своего неучастия в событиях, предложил мягким интеллигентным тоном:

– Ну что, кончаем с гуманизмом и начинаем пинать всерьез?

– Друг мой, я вами удручен, – сказал Смолин. – Зачем же пинать живого человека, что за садизм... Итак. Откуда ты взял свое фуфло, мы уже выяснили. Теперь побегим вприпрыжку по твоим странствиям в поисках халявной денежки... Портсигарчик этот ты пытался сдать в Новониколаевске – Витальичу в «Золотую пещеру» и Коле Кабанову, вольному стрелку, но они, будучи людьми с некоторым житейским опытом, тебя отшили. Тогда ты дернул в Томск, обошел все три тамошних точки, но

опять-таки не встретил желания отдать настоящие деньги за фуфло. Вот и подался к нам, гастролер долбаный... Ладно, – сказал он с видом величайшей скуки. – Это уже становится скучным и неинтересным... Запускайте Ашотика, что ли...

Скалясь и цинично похохатывая, Шварц распахнул дверь на всю ширину и рывкнул:

– Ашот Гамлетович, вас просят!

В дверях возник... Точнее, громоздился... Короче говоря, подходящее слово подобрать было трудновато. Ашотик занимал своей громадной фигурой весь дверной проем, отнюдь не узкий и не низкий, касаясь макушкой притолоки, а косяка – плечами. Телосложением он более всего напоминал поставленный на попа микроавтобус и одет был без особых претензий на элегантность: в потертые тренировочные штаны и распахнутый белый халат, открывавший необъятное пузо, а также могучую грудь, заросшую черным волосом. Из особых примет у него имелись золотая цепь на бычьей шее, весом этак около килограмма, и пара золотых перстней, тоже сработанных без излишней мелочности. Картина была впечатляющая.

– Баре дзевс! – прогудел великан.

– Баре дзевс, Ашотик! – сказал Смолин приветливо. – Заходи, не смущайся...

– Ково виибат?

– А вот тебе милая девочка, – сказал Смолин, кивая на обомлевшего москвича. – Вот это нехорошее создание пыталось нас, убогих, кинуть на приличные деньги, но было разоблачено... Что ж еще с ним сделать-то?

– Ибат, канэчно! – пробасил Ашотик, надвигаясь. – Ах, какой красивый девичка, я тарчу! Сама штанышки снимеш, милая, или тэбэ памоч?

Судя по реакции, заезжий жулик никакой любви к подобным развлечениям не испытывал: он отпрыгнул к стене, вжался в нее так, словно надеялся проломить, и заорал:

– Вы что, охренели?

– Ничего-ничего, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Мы ж не звери и в правовом государстве живем... Потом покажем тебе дорожку до РОВД, и ты там сможешь невозбранно подать заявление о том, что с тобой совершили акт мужеложства самым насильственным образом. У Ашотика все равно железная справка из «дурки», недельку там покантуется, а потом мы его выкупим, в который раз. А вот тебе придется следакам по десять раз повторять, как именно тебя ставили и что именно проделывали... Ну ладно.

Соловья баснями не кормят. Давай, Ашотик, побалуи с девочкой, а мы посмотрим...

– Ва! – с большим воодушевлением воскликнул Ашотик, звучно похлопывая себя по пузу. – Хады суда, моя сладенькая, Ашот Гамлэтович тебя совсем не болно апрыходуе...

Он ловко сцапал москвича с неожиданным для столь великанской фигуры проворством и вмиг легонько придушил, едва тот нацелился орать. Припечатал физиономией к столу, похлопал пониже спины, ласково приговаривая:

– Тэбэ понравытса, солнышко...

Его жертва, все еще тщетно пытаясь вырваться, издавала звуки, больше всего напоминавшие щенячий скулеж. Когда ситуация для некоторых ее участников – точнее, одного-единственного – исполнилась законченного драматизма, Смолин легонько хлопнул в ладоши:

– Стоп, снято, всем спасибо...

Отпустив незадачливого афериста, Ашотик напоследок еще раз ласково похлопал его по попке, хохотнул и удалился в сопровождении Шварца. Милейший был человек (без малейшей тяги к педерастии), работал шеф-поваром в армянском кафе напротив и добрым соседям охотно оказывал подобные услуги за смешные деньги – поскольку к тому же, как давно выяснилось, всю жизнь мечтал играть на сцене, да как-то не сложилось...

Смолин сел за стол и брезгливо сказал:

– Ладно, не хлюпай, чадушко. Пошутить нельзя?

Москвич, все еще легонько сотрясаясь от нешуточного испуга, таращился на него с лютой, бессильной злобой, но вякнуть хоть словечко, разумеется, опасался.

– Можно все это повернуть и по-другому, – хладнокровно продолжал Смолин. – Тебе не приходило в дурную башку, что номера купюр могли быть переписаны? Тогда процедура и вовсе становится культурнейшей, цивилизованнейшей – строчим заяву в РОВД, сдаем тебя, козла, экспертиза в два счета устанавливает, что Фабер и оба японца липовые – и светит тебе веселая статья касаясь торговли заведомыми фальшаками. А учитывая, что казацкая шашечка настоящая, приплюсовывается еще и торговля холодным оружием. Чистейшее дело получится, согласись. Вряд ли у тебя найдутся бабки высвистывать столичных звезд вроде Резака и Падлы, так что куковать тебе, придурок, на сибирской зоне от звонка до звонка... Мы люди не злые, мы тебе обязательно дачку пошлем с пряниками и вазелином – у нас на зонах любят из московских Манек делать...

Он закурил, спокойно пуская кольца к потолку. Посмотрел на окончательно растоптанного оппонента и сказал почти равнодушно:

– Ладно, делу время, а потехе час... Выкладывай бабки, ублюдок, и сматывайся. Твое счастье, что некогда с тобой разбираться по полной, да и руки пачкать неохота... И запомни себе намертво, придурок жизни, что дикарей в Сибири не водится. Здесь тебя самого разведут, пискнуть не успеешь...

Еще не веря, что так легко отделался, незадачливый обладатель блестящих бусиков принялся выкладывать деньги на стол – а когда он закончил, недоверчивый Кот Ученый подошел и вывернул ему карманы.

– Пшел вон, – сказал Смолин.

– А...

– Вещички тебе? – ласково улыбнулся Смолин. – Ах ты ж сука наглая... Вали отсюда, пидер непроткнутый, пока я сердиться не начал всерьез! Ну?

– Салфет вашей милости, – сказал с грациозным поклоном Кот Ученый, распахивая настежь ведущую на улицу дверь.

И, когда парнишечка кинулся мимо него к свободе, от души влепил хорошего пинка. Москвич едва не приземлился на четыре точки, но устоял и вприпрыжку припустил за угол.

– Черт знает что, – удрученно сказал Смолин. – Кто нам идет на смену? Молодежь совершенно утерjala фантазию и артистизм, пытается срубить лавэ дуриком... Куда мир катится?

– Интеллигентно выражаясь, полная жопа, – философски поддакнул Кот Ученый. – Мельчает новое поколение...

Смолин осмотрел трофеи. Приходилось удовлетворенно признать, что они остались в выигрыше: кроме морального удовлетворения, получили и безусловное материальное. Шашку можно продать хоть завтра... а остальные вещички тоже можно со временем пристроить, только гораздо изящнее, нежели это пытался сделать только что вышвырнутый дурачок.

– Ну ладно, – сказал он, вставая. – Остаетесь на хозяйстве, а я поеду вести дипломатические переговоры... Да, вот что. Ты Кащеевы бумаги разбираешь?

– Половину осилил. Пока что броневик там ни в каком контексте не всплывал.

– Искать надо, – сказал Смолин. – Кащей по мелочам не работал и на дурную наживку не ловился. Что-то это да должно означать...

– Но ведь еще не факт, что броневик – кутевановский?

– Конечно, не факт, – сказал Смолин. – Может, это какое иносказание,

аналогия, шифр? Толку-то нам с настоящего кутевановского броневика, даже если и найдем точное место. Прибыль сомнительная, а трудов получится немерено. Искать надо, искать, покойник был железным прагматиком, так что я нутром тут чую приятственный аромат звонкого металла...

Он взял со стола ключи от машины, прозрачную папочку с выпиской из крепостной книги и вышел энергичной походкой.

Часть вторая

Тени за спиной

Глава 1

Поблизости от мельпомены

Когда хозяин открыл ему дверь, Смолин подумал мельком, что Шевалье, как всегда, оказался совершенно прав. Одна голимая *фактура*. Ему в жизни пришлось немало перевидать дореволюционных рекламных объявлений, папиросных коробок и прочего *хлама* – так вот, на них присутствовали обычно именно такие слащавые красавчики: усики стрелочкой, аккуратный пробор, напыщенно-глупая физиономия. Лет сто назад этот субъект неплохо бы пристроился в немом синематографе на амплуа роковых великосветских красавцев (или злодеев-обольстителей) – но нынче, если у тебя за душой ничего нет, кроме фактурки...

А ничего, похоже, и не было, как и предупреждал Шевалье. Смолин в этом убедился уже через пару минут и полдюжины фраз – Манолис (надо сказать, неплохо сохранившийся для своих сорока пяти) оставлял стойкое впечатление чего-то ненастоящего, *кукольного*, манекенного. В движениях, в жестах, в осанке, в голосе – во всем наличествовала *дурная* театральность, неестественность, позерство. В оперетке это, надо полагать, выглядело вполне уместно – Манолис и впрямь должен неплохо смотреться в гусарском мундире, в смокинге, в мушкетерском облике – но вот в прозаической действительности... смешит и раздражает. Как и огромные цветные фотографии на стенах: тот самый джентльменский набор – бравый гусар, мушкетер в локонах, щеголь-фрачник кальмано-оффенбаховского пошиба. Смолин быстро сообразил, в чем тут примечательность: на всех снимках (а их не менее дюжины) хозяин квартиры красуется в гордом одиночестве – хотя по композиции, по его позе видно, что рядом всякий раз были то ли партнер, то ли партнерша, но все *посторонние* старательно отрезаны, чтобы не затеняли своими убогими персонами единственную звезду...

Указав Смолину на кресло вяло-величественным мановением руки, Манолис опустил в другое, принял картинно-напыщенную позу и осведомился:

– Кофе? Коньяк? Виски?

– Благодарствуйте, – сказал Смолин, чтобы соответствовать ситуации. – От кофе не откажусь, а насчет остального – соблаговолите не утруждаться, я за рулем...

– Риточка! – хорошо поставленным голосом воззвал Манолис, чуть

повернув голову в столь же церемонном жесте.

Заслышав легкие шаги, Смолин повернулся – далеко не так грациозно, конечно, куда ему было! – встал и церемонно поклонился. Перефразируя классика, перед ним стояла совершеннейшая красавица, очаровательнейшее создание на вид не старше тридцати: безукоризненная фигурка в летнем платье, золотистые волосы определенно натуральные, глазки синие... И, что характерно, в ней Смолин пока что не заметил той дурной кукольности, что у супруга из ушей лезла. Просто-напросто чертовски красивая молодая женщина, кажется, чуточку грустная – чего таким красоткам вроде бы не полагается, они по жизни шествуют триумфально (хотя и у них, понятно, случается масса поводов для дурного настроения – перчатки в кафе увели, к примеру).

– Риточка, – бархатистым, *деланым* голосом произнес Манолис. – Будь добра, сделай кофейку...

Оглядев Смолина с неподдельным интересом (он, должно быть, не вписывался в классический образ стандартного здешнего визитера), златовласая красавица удалилась в кухню. Даже не посмотрев ей вслед – словно ничуть не сомневался, что его распоряжение (а по тону это была явно не просьба) будет выполнено, Манолис изящным жестом извлек сигарету из серебряной коробки. Смолин машинально отметил: не серебрение, а натуральное серебро, чернение чуточку стершееся, но качественное, работа явно дореволюционная – ага, фамильная реликвия, должно быть, как ни *шерстила* буржуев Советская власть, а мелочовка кое-какая сохранилась, особенно за Уралом...

– Так вот... Василий Яковлевич, правильно? – произнес Манолис хорошо поставленным голосом, красиво пуская дым. – Я решительно не представляю, какие у вас ко мне могут быть дела... Вы, простите, по какой части? По телефону вы достаточно уклончиво изъяснялись...

– Торгую антиквариатом, – кратко пояснил Смолин, пуская дым гораздо менее *изящно*.

– А, ну да... Ко мне в свое время приходила парочка ваших, наверное, можно так выразиться, коллег... Только продавать я ничего не намерен, предупреждаю сразу, так что не тратьте время. Не буду врать, что живу богато, но торговать семейными ценностями, простите великодушно, даже в момент самой пошлой нищеты ни за что не стал бы...

Смолин, имевший в этом деле большой опыт, давно уже сподобился просветить гостиную профессиональным глазом, сделав это достаточно деликатно, не вертя головой, словно деревенщина в Эрмитаже. Особого антиквариата тут не наблюдалось – но на столе, помимо серебряной

папиросницы, красовалась бронзовая пепельница в виде дубового листа, явно изготовленная до исторического материализма. И на полочке под одной из фотографий стояли четыре фарфоровых статуэтки, пусть и не гарднеровские, но хорошей дореволюционной работы. И портрет вальяжного мужичка средних лет, с Анной в петлице, был определенно до революции писан, а небольшой этюд в узенькой коричневой рамочке, по первому впечатлению Смолина, мог оказаться и суриковским – известно, что купец Фома Бессмертных был одним из благодетелей Сурикова, немало денег на учебу в столицах отвалил...

– Боюсь, вы меня неправильно поняли, – сказал Смолин. – *Покупать* я у вас ничего не собираюсь. Наоборот, могу вам предложить сделку, которая вам позволит без всякого труда достаточно быстро получить приличную сумму... Изрядные, я бы так выразился на старинный манер, деньги...

Появилась красавица Рита, поставила на столик меж ними поднос с кофейными чашками и блюдечком, где грудой лежали разнообразные конфеты (не особенно дорогие). Присела в сторонке, закинула ногу на ногу (Смолин мысленно сглотнул слюну, что уж там) и молчала с видом чуточку напряженным, словно опасалась, что муженек ее выставит. Судя по косому взгляду, брошенному Манолисом на благоверную, он и в самом деле был не особенно рад присутствию супруги – но промолчал. Повернулся к Смолину:

– Василий... ах да, Яковлевич... Люди искусства, конечно, обязаны быть непрактичными и доверчивыми, но все же, согласитесь, после столь бурного двадцатилетия нашей истории во всех осталось мало доверчивости... И когда слышишь, что без всякого труда можешь получить изрядную сумму, это, тысячу раз простите, настораживает...

Он замолчал, изящным движением взял чашку и сделал пару глотков.

– Вы совершенно правы, – сказал Смолин. – *Такие* предложения обычно выглядят подозрительно и, что уж там, скрывают сплошь и рядом какое-нибудь мошенство... Но ведь бывают исключения. Согласно теории вероятности. Знакомы с оною?

– Мельком. В большом искусстве вся эта математика совершенно неприменима, а потому и бесполезна...

– Хорошо, – сказал Смолин. – Обойдемся без математики, я и сам по ней имел вечные двойки... Позвольте, я изложу все подробно, – узрев благосклонный кивок, он спокойно, без малейшей суетливости продолжал: – Вы ведь, насколько мне известно, прямой потомок семьи Бессмертных, которая в Шантарске обитала давно и пользовалась некоторой известностью... А есть ли у вас какие-нибудь документы, которые могут

это неопровержимо доказать?

– Предположим, – вальяжно кивнул Манолис. – Кажется, я понял. О чем-то подобном слышал... У прадеда был счет в швейцарском или лондонском банке, оставшийся нетронутым в силу известных событий... И вы намерены помочь мне получить оттуда деньги... при условии хорошего аванса?

Он смотрел на Смолина, как ему казалось, проницательно и свысока. Смолин и не подумал обижаться.

– Самое смешное, Манолис Андреевич, что вы правы, – сказал он терпеливо. – *Отчасти*. В определенном смысле наследство и в самом деле существует, и я намерен помочь вам его получить, не забыв при этом и себя. Но никаких авансов я у вас требовать не намерен, наоборот, все *технические* расходы беру на себя – не из филантропии, конечно, потом сочтемся, и вы мне половину компенсируете... Угодно детали?

Увидев величественный кивок, он извлек из пластиковой папочки сероватый лист бумаги с огромной гербовой печатью, положил его на столик перед хозяином. Тот, удивленно приподняв брови, принялся читать про себя – с некоторым трудом, сразу видно, разбирая старинный почерк. Супруга тихонечко встала, заглянула ему через плечо. Манолис издал тихое недовольное хмыканье, но этим и ограничился. Смолин терпеливо ждал, разглядывая этюд на стене, хотя, как всякий нормальный мужик, предпочел бы устремить взор в другом направлении – по тому азимуту, где находился глубокий вырез белого с вышивкой летнего платица, из-за выбранной хозяйкой позы представлявший зрелище крайне заманчивое.

Манолис дочитал. Положил актовую бумагу на стол и поднял брови (ну разумеется, сугубо театральным образом):

– Интересно... И что же?

– Коллежский ассессор Бессмертных – не ваш ли предок?

– Безусловно, – со спокойным достоинством ответил Манолис. – Родной брат прадедушки.

– Купец?

– Василий Яковлевич... – поморщился Манолис. – Коли уж вы антиквар, следует знать историю родного города... *Купцом* был прадедушка. А упомянутый здесь его брат преподавал в Шантарском университете, был известным почвоведом, впоследствии, уже при Советской власти, стал профессором, имел печатные труды. На Воскресенской, где он жил, есть даже мемориальная доска...

– Прекрасно, – сказал Смолин. – И у вас есть документы, позволяющие юридически претендовать на ваше с ним родство?

– Имеются...

– А другие родственники... другие потомки в Шантарске есть? – спросил Смолин, ощущая нешуточный азарт.

– Увы, нет...

– Значит, вы – единственный... – сказал Смолин едва ли не ликующе. – Отлично, Манолис Андреевич, отлично...

– Что вас так радует?

– То, что ни с кем, простите за цинизм, не придется делиться, – сказал Смолин откровенно. – Только вы и я, пополам...

– Что, простите, делить? И почему – пополам?

– Деньги, конечно, – сказал Смолин. – И немалые. А пополам – так, по-моему, будет справедливо. Ведь без меня вы и не знали бы ни о чем... да и в одиночку, простите великодушно, вам явно будет трудно добиться признания своих прав...

– То есть?

– Я своими глазами осмотрел участок, о котором здесь идет речь, – сказал Смолин. – Он до сих пор не застроен и представляет собой пустырь, чуть ли не в самом центре... Понимаете ли, Манолис Андреевич, еще при *Бориске* был принят интересный закон о возвращении земли наследникам дореволюционных собственников – тем, кто может это документально доказать. Главным образом он касается сельскохозяйственных земель, но иные его положения применимы и к участкам в городской черте. Ну разумеется, там масса оговорок: участок, на который претендует законный наследник, должен быть совершенно *пустым*, на нем не должно быть никаких жилых домов, иных строений, по нему не должны проходить транспортные артерии и так далее... Но в том-то и прелесть, что «усадебная коллежская асессорская» с точки зрения данного закона стопроцентно подходит! Участок абсолютно чистый! Я четыре часа просидел со своим адвокатом, у меня отличный юрист – прохвост фантастический, как все они, но тем и ценен... Поверьте моему опыту: если он от вашего имени начнет *хлопоты*, очень быстро вы совершенно законным образом вступите во владение означенным участком, исключенным из муниципального кадастра. Полгектара почти в центре города... Дело железное.

Манолис покачал головой:

– Полное впечатление, что это кусок из какой-то старой пьесы – наследство, адвокаты, интриги...

– Но пьеса-то реалиям полностью соответствует, – сказал Смолин уверенно. – Говорю вам, адвокат клянется, что мы это провернем достаточно быстро...

– Ну хорошо, допустим... Вот только зачем мне полгектара пустыря, пусть и в центре города?

Смолин посмотрел на него пытливо, остро: нет, служитель Мельпомены не шутил, он и в самом деле не понимал. Оставался равнодушен и вял. А вот у его очаровательной женушки в глазах светился определенный интерес...

– То есть как это – зачем? – усмехнулся Смолин. – Чтобы тут же продать. Понимающим людям. На пятидесяти сотках можно построить парочку элитных домов, или супермаркет, или развлекательный комплекс... да мало ли что! Я даже знаю, кому этот участок можно продать – на этих людей можно полагаться. Мы с них возьмем, конечно, гораздо меньше рыночной цены, но будет выгодно всем. Им не придется тратить массу усилий, раздавая взятки, интригуя, бодаясь с соперниками... А мы без особых трудов получим пусть и не полную цену, но вполне достаточную для нас, скромных. Покупатели, кстати, нам помогут все проверить быстро и законнейше. Я уже провел предварительные переговоры, интерес к нашему предложению огромный... Речь идет о десятках тысяч долларов – наших с вами... Повторяю, все расходы я беру на себя, потом возместите половину... Все чисто, честно, законно. Десятки тысяч долларов... Ну разумеется, мы с вами заключим договор по всей форме, старательно распишем все условия и обязанности, четко оговорим, что выручку делим пополам – я не шпана и не подпольный ларечник, Манолис Андреевич, я серьезный предприниматель, в данном случае намерен провести сделку легальнейшим образом, заплатить все налоги, чтобы спать спокойно... Проект договора составлен. Вы его изучите, при необходимости измените что-нибудь по вашему желанию, и, как только мы его подпишем и нотариально оформим, машина закрутится. Судя по предварительным переговорам, которые я вел, уже через полтора-два месяца все будет в ажуре – а то и раньше, потенциальные покупатели готовы нам посодействовать, они люди небедные и со связями... Итак?

Смолин замолчал, уставился на собеседника с недвусмысленным ожиданием на лице. Его чуточку беспокоило, что взгляд актера остается равнодушным и тусклым: ни капли интереса, ну буквально ни капли, чтоб его... А ведь нельзя сказать, что этот субъект, названный в честь забытого греческого героя, купается в деньгах – зарплатка в оперетте небогатая, правда, Манолис, как мимоходом вызнал Смолин, порой и в рекламе снимается, но редко, и не в столицах, в Шантарске, а это совсем другой формат. В квартире не видно бедности – но и особой зажиточности не наблюдается... Да мать твою, за такое предложение хватаются зубами и

когтями, ножки целуют, благодетелем именуют со слезами на глазах...

У него упало сердце – фактурная физиономия актришки оставалась равнодушной, скучающей, *неправильной*. Даже брезгливой чуточку, словно Смолин ему предложил нечто непотребное вроде устройства борделя с малолетками или, прости господи, вступления в «Яблоко»...

– Василий Яковлевич, это, конечно, интересно... – протянул Манолис с той же плохо скрываемой брезгливостью. – Это, как я уже говорил, напоминает старую пьесу... Вот только меня, простите, ваше предложение не интересует совершенно. Какие, откровенно говоря, пошлости... Торговать памятью прадедов...

– Землицей прадедов, – осторожно поправил Смолин. – А это уже другое. Не родными могилами, в конце концов...

– Все равно. Вам трудно понимать психологию людей *нашего* круга... как мне, безусловно, трудно проникнуть в психологию *вашего*. Милейший Василий Яковлевич, простите за высокие слова, но я – человек искусства, – он мимолетно оглянулся на увешанную фотографиями стену с таким самодовольным и даже где-то триумфальным видом, что Смолин внутренне передернулся. – И не намерен окунаться в эту вашу коммерческую грязь – участки, реституции, доллары...

– Десятки тысяч долларов, – сказал Смолин тихо.

– Тем более. Да, среди моих предков были... коммерсанты. Но было и немало истинных интеллигентов, ставивших духовное выше всего... этого. Вам трудно понять, конечно, но постарайтесь уж: есть люди, которые живут отнюдь не по тем жизненным ценностям, которые вы лелеете. Если бы я согласился на ваше предложение, непременно предал бы что-то высокое, благородное, неизмеримо превосходящее по ценности ваши пошлые доллары...

Он говорил, не глядя на Смолина, полузакрыв глаза, явно упиваясь собственными словесами. Самое ужасное было, что Смолин уже понимал: его собеседник говорит *искренне*. Ему и в самом деле ничего этого не нужно, думал Смолин, пребывая не то что в растерянности, а даже в некоторой панике. Он, изволите ли видеть, выше таких пошлостей...

Дурак – самое страшное, что может попасться на пути делового человека. Особенно если это интеллигентный, творческий дурак, от которого, как в данном случае, зависит огромнейшая прибыль, которую другим путем попросту не получить...

Он уже сталкивался с подобным – в девяносто втором, в Свердловске. Был там *наследничек*. Покойный его отец еще в тридцать восьмом занял немаленький пост в танковой промышленности – и на пенсию ушел уже

при Брежневe. Так что у наследника имелся громадный архив, в котором главным были даже не ордена и всевозможные почетные знаки, сами по себе недешевые, но добрый километр бумаг, и каких! Десятки документов с личными подписями Великого Вождя и членов Политбюро, наркомов, маршалов, генералов, собственноручные письма Берии, Курчатова, Ворошилова, Жукова. Уникальные фотографии, книги с автографами, за которые из библиофилов можно было всю кровь выпить... И много еще интересного, относившегося к временам уже хрущевским.

Вот только наследник, интеллигентское быдло с кандидатским дипломом каких-то околосельских наук, оказался клиническим перестройщиком, как превеликое множество подобных ему бездарей. Все, хоть каким-то боком связанное с «проклятыми коммуняками», он на дух не переносил – а потому набил однажды три немаленьких мешка из-под картошки «сталинским дерьмом», как он сам все это охарактеризовал с нехорошим блеском в глазах и слюнями на реденькой бородушке, и отволлок на свалку. И произошло это месяца за два до того, как Смолин со свердловскими коллегами на него вышли – так что бесполезно было кидаться к мусорным бакам. Сколько лет прошло, но ни единой вещички или предмета из этого так на рынке и не всплыло, а следовательно, сокровища погибли безвозвратно. В Екатеринбурге эту историю до сих пор рассказывают новичкам – а те, парнишки насквозь современные, порой и не верят...

– Так что, простите великодушно, помочь вам ничем не могу, – услышал он вальяжный до омерзения, пафосный голос. – В эту грязь лезть решительно не намерен. Надеюсь, вы никакого ущерба не понесли?

– Да какой там ущерб... – пробормотал Смолин уныло.

Он смотрел на красавицу Риту – вот у нее в глазах наблюдалось нечто определенно похожее на живой интерес. Женщины – создания практичные, красавицы особенно, они-то прекрасно понимают, сколько интересных вещичек можно купить в нынешних магазинах...

Смолин ощущал себя настолько беспомощным, что послал красавице прямо-таки умоляющий взгляд.

И она, самое интересное, поняла!

– Манолис, – сказала она осторожно. – Может, стоит подумать как следует? Если все честно и законно...

Повернувшись к ней уже не особенно и вальяжно, супруг буквально ожег дражайшую половину неподражаемым взглядом, в котором мешались и ярость, и превосходство, и еще что-то сценично-трагичное:

– Риточка!

И так это было произнесено – сквозь зубы, жестко, чеканно, – что красавица моментально увяла, даже съежилась чуточку. Смолину, наблюдавшему эту мизансцену с бессильной злостью, стало окончательно ясно, что матриархатом в этой квартире и не пахнет – а воняет тут за версту мелким домашним тираном, и красоте, должно быть, попросту некуда сбежать от этого сокровища, сплошь и рядом такое в жизни случается, красота сама по себе еще не становится залогом благополучия...

Манолис уставился на него выжидательно:

– По-моему, мы все обговорили...

То есть, Смолину следовало незамедлительно выметаться. Он это прекрасно понимал, но все же не хотел сдаваться, как любой на его месте:

– Манолис Андреевич, вы все же подумайте...

– У вас, должно быть, много дел? – так же, сквозь зубы, произнес актер, глядя на Смолина вовсе уж пренебрежительно.

Вот невезение, вот незадача – дурак. Не алчный жадюга, собравшийся захватить себе львиную долю, не ловкий интриган, намеренный, прикидываясь честным и верным, выдавить тебя из дела, не аферист. Попросту дурак с интеллигентскими амбициями. То есть – самое страшное препятствие, против которого оружия еще не изобретено. Ну что можно с этим сделать? Деньги для него – грязь, при попытке надавить он, сто процентов, заявы кинется строчить...

Подталкиваемый холодным взглядом, Смолин поднялся, тщательно вложил драгоценную – и бесполезную! – бумагу в пластиковую папочку, тяжело вздохнул про себя. Не желая сдаваться, произнес нейтральным тоном:

– Вот моя визитная карточка, на случай, если вы вдруг передумаете... – и торопливо положил прямоугольничек из плотной бумаги на стол. – Здесь адрес магазина, телефон, оба мобильных...

Манолис поморщился:

– Заберите. Мы уже все обговорили...

– Вы все же подумайте, – сказал Смолин, на пару шагов отступая от стола.

С неопишуемой гримасой покосившись на визитку, безусловно, с его точки зрения, осквернявшую озаренный аурой творчества приют Мельпомены, Манолис все же не пытался ее вернуть Смолину – видимо, брезговал и касаться этой дряни из другого мира, столь вульгарного и грязного...

Смолин поклонился без всякого изящества и направился к выходу. Отчетливо разобрал произнесенное в гостинной:

– Риточка, выбрось эту гадость в ведро...

Никто его не провожал, и Смолин мог себе позволить роскошь не следить за мимикой – когда он спускался по лестнице, бормоча под нос матюки, встречная старушка даже шарахнулась, косясь боязливо, неприветливая, надо полагать, была у него сейчас рожка, напрочь лишенная братской любви к ближнему и тому подобных телячьих нежностей...

А буквально через четверть часа настроение испортилось еще больше – хотя дальше, казалось бы, некуда...

На сей раз бравые ребята из отдела по борьбе с незаконным оборотом оружия навестили магазин «Эльдорадо», принадлежавший Вилену Фокину по прозвищу «Доцент» (поскольку он, немалые усилия отдавая антикварной торговле, оставался еще и практикующим лектором кафедры биологии Шантарского универа). Все произошло по той же схеме: сначала не внушавший подозрений субъект прикупил себе прусскую чиновничью шпагу времен империи, а стоило ему выйти из магазина – влетели... Вообще-то в данном конкретном случае следовало качать права, высвистывать адвокатов и сопротивляться, не переходя законные рамки, – в отличие от всех прочих, у Фокина-то как раз имелась оформленная соответствующим образом лицензия на торговлю холодняком и изделиями из драгметаллов. Однако он вопреки писаным регламентам не вписал данные покупателя в соответствующий grossбух – и, кроме того, будучи в некоторых отношениях классическим интеллигентом, перетрухнул, а потому и не качал прав...

Снова – изъятие всего имевшегося в магазине холодняка, среди которого имелась и пара вещичек, принадлежавших Смолину. Но самым печальным было не это. Происходящее целиком и полностью укладывалось во фразу из старого анекдота: «Тенденция, однако». В самом деле, чрезвычайно походило на *кампанию*. Подобные кампании на антикварный рынок влияют исключительно скверно – а противоборствовать им никак невозможно. Остается жить максимально осторожно, рассчитывать каждый шаг, к каждому покупателю из новых рентгеновски приглядываться, богу молиться, чтобы это стихийное бедствие поскорее кончилось...

Глава 2

Антиквар у себя дома

Заведя машину во двор да так и оставив ее по летнему времени у самых ворот, Смолин, уже с наработанной за полгода сноровкой, захлопнул крашенные в армейский зеленый цвет створки – под азартный лай прыгавшей в своем вольере Катьки. Судя по тому, что она пребывала за решеткой, дела у Глыбы обстояли романтично...

Для подтверждения догадки Смолин сделал несколько шагов в сторону баньки, прислушался – и точно, оттуда явственно доносились характерные звуки, разве что чересчур драматические какие-то, очень уж ойкало и охало создание женского пола. Смолин постоял, кривя губы, но решил, что беспокоиться нет смысла: его битый жизнью квартирант слишком серьезную школу прошел, чтобы в половом вопросе налетать на нехорошую статью подобно прыщавому сопляку...

Он круто повернулся на каблуках, пошел к вольеру, откуда на него с обожающим визгом таращилась Катька – существо восьми месяцев от роду, кавказская овчарка по происхождению, этакая палевая кудряшка весом всего-то килограммов в сорок. На вид безобиднейшая личность – вот только не далее как позавчера насквозь прохватила ладонь монтеру: ну, сам виноват, его, как человека, наставляли ни в коем случае руку в вольер не совать, а он, обормот, хотя и трезвый, решил сдуру, что, ежели собачка ему улыбается и хвостиком виляет, ее и погладить можно. Вот Катька, не переставая улыбаться, его малость и приласкала...

Смолин протянул руку, погладил собаку по башке – Катька, передними лапами опершаяся на рабицу со своей стороны, была прямо-таки с него ростом. Сунул ей длинный батон и направился в дом, оглядываясь не без удовольствия: как-никак усадьба у него была первая в жизни.

Никак нельзя сказать, что он стал владельцем особняка: кирпичный домик особой роскошью не блистал. Кухня и две с половиной комнатки, плюс обширная мансарда. Да и район был не из самых престижных – но и не бичовской, что немаловажно. Зато подключен был к городским теплосетям и водопроводу и, что гораздо существеннее, располагался в живописнейшем месте – на правом берегу Шантары, на самой середине высоченного пологого склона, где совсем близко начинался заповедник с его чащобами и причудливыми скалами. А вид оттуда открывался чуть ли не на весь Шантарск. По уму, следовало бы перебраться сюда

окончательно, но Смолин никак не мог побороть окончательно полувековой инстинкт коммунального человека, полсотни с лишним лет (за вычетом двух на казарму и шести на барак) обитавшего исключительно в квартирах: двухэтажный деревянный дом, пятиэтажка, девятиэтажка, снова пятиэтажка... Трудно было порвать с *муравейником* окончательно...

А уж цветов, клумб... Прежние хозяева огородом практически не увлекались – так, пара-тройка грядок, – все усилия сосредоточив на цветах, не на продажу, а для собственного удовольствия. В этом, пожалуй, был смысл – даже Смолин, достаточно равнодушный ко всему этому разноцветному, пахучему и разномастному буйству, порой испытывал слабый намек на умиление: красиво все же...

Он открыл незапертую дверь, с ходу направился в самую большую комнату, которая обычно пустовала (сам он прочно обосновался в мансарде, ему хватало). Света зажигать не стал, было еще достаточно вечернего. Вот только дверь тщательно притворил за собой и крючок накинул (Глыбе он соврал, что крючок остался от прежних хозяев, и руки как-то не доходят снять – иначе, чего доброго, своим неслабым разумением быстро догадается о подлинных причинах и начнет шарить, не доберется, конечно, но все равно, неприятно получится...)

Надо же, каким параллельным зигзагом работали у них с покойным Кашеем соображалки – разве что отличаясь в деталях...

В углу комнаты вздымался корейский сейф метровой высоты, светло-коричневый, с двумя замочными скважинами и двумя цифровыми колесиками. Там и в самом деле лежала кое-какая *мелочовка*, но это был отвлекающий объект, нечто вроде фанерных макетов самолетов на ложных аэродромах, которые противник приглашается бомбить до посинения – а настоящие-то поодаль, отлично замаскированные...

Прислушавшись, он подошел к абстрактной скульптуре, намертво присобаченной к обитой вагонкой стене – хромированный стальной лист в форме палитры, на котором прихотливо разбросаны кропотливо приделанные, самые настоящие, разнокалиберные замочные скважины числом не менее дюжины, ключи, от плоских современных до старинных купеческих от амбарных замков, гаечные ключи, лезвия ножей и прочий металлолом. Извлек из кармана связку ключей, самый крохотный вставил в одну из скважин и повернул три раза против часовой стрелки.

Ровным счетом ничего не произошло – вроде бы. Тогда Смолин, ухватив припаянную на правом краю композиции ребристую головку от старинного безмена, потянул ее на себя с немалым напряжением сил. Что-то скрежетнуло, что-то звякнуло...

Справа, у самого пола, вертикально откинулся наружу почти правильный квадрат вагонки, целая секция в пять коротких выпуклых досточек, обнаружилась дверца заделанного в стену ящика, из хорошей спецстали – его Смолину за смешные деньги смастерили в одном из шантарских НИИ, чьи работнички от безденежья подрабатывали чем возможно. Лет двадцать пять назад за вынос из мастерских и квадратного дюйма этой стали надолго сели бы, уже «по политике», и выносившие, и Смолин, но с тех пор много воды утекло и многое поменялось...

Вот это и был *настоящий* тайник – ящик на полметра в глубину, с четырьмя полками, на которых аккуратными стопками лежали черные кляссеры и разнообразные коробочки.

Присев на корточки, Смолин уверенно, по памяти вытянул не вполне еще набитый, извлек из кармана пластиковый конвертик, из него – десяток тускловатых золотых монеток и привычно вставил их в прозрачные кармашки. Взвесил кляссер на руке, удовлетворенно хмыкнул. Это уже были не торговые склады, а его личный пенсионный фонд: золото как было, так и остается наилучшим средством помещения капитала, даже если произойдет некий катаклизм, за золотишко можно будет приобрести что тушенку, что патроны...

Запер ящик, аккуратно поставил на место дощатый квадрат, загнал до упора головку безмена, трижды повернул ключик в скважине на три оборота по часовой стрелке. Проверил. Заперто надежно. Металлоискателем тайник ни за что не возьмешь – слишком много металла вокруг, с этим именно умыслом и присобаченного там и сям. Конечно, если будет серьезный шмон, когда вскрывают половицы и отдирают все со стен... Но для такого нужны серьезнейшие поводы, которых он, будем надеяться, не давал и еще долго не даст...

Вышел, поднялся в мансарду, размером в добрую половину первого этажа. Выглядело все живописно и впечатляюще: по стенам – штурвалы разного размера, подзорные трубы, корабельные часы, на полочках – шлюпочные компасы, секстаны, в углу – маленький, высотой человеку по колено якорь, в другом – натуральный гарпун, полутораметровая металлическая стрела внушительного вида. Деревянные идола, малайские крысы, пучок стрел, африканские маски...

Все это так и досталось ему вместе с домом за умеренную доплату – поскольку у вдовы хозяина, перебивавшейся к сыну на Рязанщину, вызывало печальные воспоминания. Хозяином тут был отставной капитан дальнего плавания, оборудовавший себе в мансарде кабинет – совсем нестарый был мужичок, всего-то шестидесяти двух, рассчитывал тут

обитать долго и счастливо, но вот поди ж ты, через полтора года сухопутной жизни его инсульт и стукнул, убойно.

Смолин подумывал иногда, что произошло это от перехода на отставное положение – такое сплошь и рядом случается, богатырем был человек, орлом выступал, глядел соколом, а вот поди ж ты, стоило угодить в пенсионеры, как и сгорел в одночасье... Ему самому, пожалуй, подобный сбой ни за что не грозил: торговец антиквариатом в чем-то сродни людям творческих профессий, потому что, как и они, ремеслом своим занимается до упора, пока не явится женщина с косой (но не Юля Тимошенко). Шевалье, например, восьмой десяток разменял, но не думает ни дряхлеть, ни помирать, поскольку по-прежнему при деле. Или взять Кащея. Да мало ли...

Он достал из шкафчика бутылку, серебряный стакан (не Фабер, конечно, но все же хорошая питерская работа времен государя Александра II), наплескал до половины «Хеннесси» (не самого элитного, но уж безусловно не паленки), выдохнул воздух и жахнул единым глотком.

Посидел, закрыв глаза, переждал приятный ожог в желудке и рванувшуюся вверх по горлу волну. Сжевал конфетку, закурил. Прислушался к ощущениям. Не то чтобы отпустило совсем, но душа явственно отмякла, медленно наплывало легонькое умиротворение, расслабленность, благодушие...

За окном – высоким, полукруглым, разделенным натрое вертикальными черными планками – простиралась та самая живописнейшая панорама: пологий склон, застроенный ухоженными домиками с редкими вкраплениями *настоящих* особняков, далее – медленно текущая серая гладь Шантары чуть ли не в три километра шириной, за рекой урбанистическое левобережье, а совсем уж далеко – сопка с часовней, за которой виднелась только сизая закатная полумгла. Благодать, подумал он лениво. Как будто ни сложностей нет, ни дурацких законов, ни ментов, ни алчных конкурентов... В отшельники бы податься, избушку поблизости построить и жить затворником... Как же! В жизни с тобой, дружище, подобного кошмара не произойдет, от тоски сдохнешь, как бывший хозяин мансарды...

Он налил еще полстакана, но пить не торопился. Посмотрел вправо – там, на невысоком шкафчике из какого-то экзотического, темно-розового дерева, сработанном явно по другую сторону экватора, стоял тот самый череп скифского вождя.

Приподняв стакан, Смолин сказал негромко и серьезно:

– Ну, мужик, за нас с тобой...

И жахнул, до донышка. Интересная вещь с ним произошла: он вдруг понял, что расстаться с *вождем* решительно не в со стоянии. Не способен его толкнуть за какую-то пошлую тысчонку баксов. Чем-то эта *штука* (ну не называть же ее «вещью», «предметом»?) отличалась от обычного антиквариата.

Крутой был мужичок в той, невообразимо давней жизни, потому таким макарон и убивали. Надо полагать, по жизни шагал, будто гвозди забивал, не прогибался, не трусил, не дешевил... наподобие самого Смолина, который супременом себя уж безусловно не считал, но жизнь прожил, думается, *правильно*. Не зря же, как заверял Гонзиц, *правильные* скифские ребята черепа таких вот уважаемых сограждан держали дома на почетном месте, чтоб оберегали дом, хозяйство, чад с домочадцами, да и самого хозяина. Может, и есть в этом та самая сермяжная правда? Так что оставаться Вождю здесь, решено...

– Уживемся? – спросил Смолин негромко.

Вождь, как и следовало ожидать, загадочно таращился на него пустыми глазницами и прилежно безмолвствовал. Уживемся, подумал Смолин. Коли уж у вас так было принято, ты и на меня не обидишься, я ж к тебе с полным уважением, потому как...

Мобильник ожил, мелодично урезая «Прекрасное далёко» – мелодию для звонков *левых*, не значившихся в «Контактах». Проворно его сцапав со стола, Смолин увидел незнакомый, но определенно мобильный номер, не раздумывая, нажал кнопку с зеленой телефонной трубкой, уже малость стершейся.

– Василий Яковлевич?

Женского голоса он сразу опознать не смог. Ответил:

– Есть такой...

– Это Маргарита Бессмертных... Помните?

– Кто ж способен забыть такую женщину... – сказал Смолин расслабленно.

– Мы можем с вами сегодня встретиться? Вы не заняты?

– Как вам сказать... – протянул Смолин.

Мысль, хоть и чуточку оглушенная алкоголем, вновь заработала четко, с обычной хваткой. Кажется, он в красотке не ошибся: оказалась умнее и практичнее своего драного плясуна-певуна, конечно, визиточку в мусор не выкинула, а приберегла, дождалась подходящего момента, какие-нибудь светлые идейки собираются преподнести... но вот *какие* у нее могут быть идейки? Поклянется, что непременно постарается дожать муженька... что еще она способна сказать? Вот только не стоят такие откровения того,

чтобы срываться с места, переться за тридевять земель, тем более когда в нем сидит добрый стакан коньячку. До завтра подождут такие откровения, не горит. Или...

Мысли у него припустили сразу в нескольких направлениях.

– Вообще-то я уже дома, – сказал Смолин. – На правом берегу, у заповедника почти... Да и, откровенно говоря, хлопнул стаканчик, не хочется за руль садиться – голова работает нормально, но ведь «полосатые палочки» могут докопаться, а мне не хочется субсидировать их без крайней нужды...

– Я могу к вам приехать, возьму такси... Это возможно? – Голос у нее был не напористый, скорее уж просила, но все равно настроена, чувствуется, решительно...

– Ну, если вам не трудно... – сказал Смолин. – Время еще детское, а дел у меня никаких...

– Куда ехать? – спросила она с еще большей решительностью.

Крепенько ж тебе в голову запали, очаровательная, десятки тысяч долларов, подумал Смолин. Золото манит нас, золото вновь и вновь манит нас...

– На правый берег, – сказал он спокойно. – Улица Покровского. Таксисты обычно знают, но в качестве ориентира, мало ли, назовите церковь Досифеи Великомученицы, после поворота на горнолыжную трассу. Уж тут-то сообразят... а впрочем, у вас же мобильник, созвонимся при затруднениях. Покровского, дом сто двенадцать.

– А квартира?

– А квартир тут нет, частный домик.

– Понятно.

– Все запомнили?

– Конечно. Покровского, сто двенадцать, после поворота на горнолыжную трассу, церковь Досифеи Великомученицы... Я сейчас же выезжаю.

– Жду, – сказал Смолин, ухмыляясь.

Отложил телефон и, после некоторого размышления, налил себе – на сей раз всего-то на два пальца, исключительно в виде премии за способность телепатически предугадывать развитие событий, и нередко. Только в одном прокололся – решил, что звонить она станет завтра с утрачка. Но это не так уж и существенно, главное, сам расклад оказался верен: вопреки дурацким анекдотам блондинки частенько поумнее иных мужиков, вот и эта Барби продемонстрировала, что гораздо сообразительнее и практичнее своего придурочного супруга.

Но вот будет ли от нее польза? Совершенно не верится, что она способна переломить муженька: Смолин наблюдал как раз обратное... стоп, стоп! Ведь частенько случается, что дело обстоит как раз *наоборот*: тот из супругов, кто на людях раскованно изображает главу семьи, в реальном раскладе обитает под нижними нарами... Заманчивая версия... Но почему бы и нет? Мало ли примеров? При Смолине он красотку Риточку беглым взглядом взнуздывал – а оставшись с ней наедине, быть может, передвигается по хате исключительно вдоль плинтуса, и то по ее команде... Ах, как хочется, чтобы именно так и оказалось!

Так, прикинем... При самом оптимистическом варианте – тачку она поймает или вызовет сразу после звонка, на дорогах не будет пробок – доберется она сюда не раньше чем через полчаса. Останется время налить еще на два пальца, да и Катьку кормить пора, испищалась...

Нацедив себе помянутую дозу, но пока что оставив на столе Смолин спустился вниз. Еще на лестнице услышал тихое постукивание посуды в кухне.

Глыба химичил на кухне, через воронку сливая в пустую бутылку из-под «Хеннесси» то водки, то мартини, то красного сухого – плеснув немного из очередной бутылки, взбалтывал сосуд с конечным продуктом, смотрел на свет, хмыкал и вновь принимался за алхимические труды.

– Здорово, Червонец, – сказал он, не отрываясь. – А я тут того... бодяжу. Захотела, соска, чего-нибудь элитненького – ну, оформим в лучшем виде...

– Кого снял?

– Пэтэушницу, не балерин же мне снимать, – охотно сообщил Глыба, по капельке вливая водку. – Сначала говорила – академия климатологии, я поначалу сыграл задний ход, думаю, напоролся на образованную... А там слово за слово, и вдруг начинаю я просекать, что эта академия-то самое сорок пятое ПТУ по ремонту холодильников, что сорок лет на Канатной торчит. Я там году в семьдесят первом от одной мандавошек подцепил, и добро б от ученицы, так вот поди ж ты, от училки, физику, главное, курва, преподавала...

– Бывает, – сказал Смолин лениво. – Ты Катьку не кормил?

– Кого? У нас взаимная антипатия. Ты извини, Червонец, но к собачкам у меня давняя нелюбовь, сам понимаешь, так что не получится у нас дружбы...

– Да ладно, – сказал Смолин.

Достав из холодильника высокую кастрюлю, он принялся вываливать в эмалированную Катькину миску клейкую овсянку с кусками печенки –

орудуя массивной алюминиевой поварешкой с вермахтовским орлом и датой «1939». Поварешка была настоящая, конечно, то бишь *родная*. Смолин вообще любил пользоваться вермахтовской кухонной утварью: немцы ее в свое время делали с душой и пониманием, ложка вмещала вдвое больше, чем нынешние (чтобы зольдаты быстрее справился с приемом пищи), вилки были удобнее современных, а поварешка опять-таки черпала поболее сегодняшних.

Былой сосед по бараку продолжал бождать свое зелье, очевидно добиваясь максимального совершенства. Щуплый, худой, от основания шеи до запястий покрытый многолетней *росписью* – и сейчас, понятно, без чужих медалей за целину и трудовые подвиги. На нем вообще ничего не было, кроме драных синих треников, и выглядел он, конечно, недокормышем, однако вполне крепким, семидесяти ни за что не дашь.

– Чего она у тебя так орала? – лениво спросил Смолин, ополаскивая поварешку теплой водой.

– Да уж было чего, – хохотнул Глыба, не оборачиваясь. – Червонец, я ей тут впарил, что ты – отставной ракетный конструктор, а я у тебя до сих пор в охране, майор ГБ в отставке, так что ты уж, будь другом, если с ней столкнешься, щеки надувай по-генеральски...

– Ты что, ее поселить тут собрался?

– Перебьется, просто хочу зачислить в приходящие банщицы... Ты не против?

– Да ладно, – сказал Смолин. – Баню только не спалите... А как же ты с такой росписью лепишь майора ГБ?

– А обыкновенно, – фыркнул Глыба. – Я, мол, для конспирации. Мы с тобой при Сталине по полигонам ездили замаскированными – ты колхозным бригадиром в галифе, а я – зэком...

– Очаровательно, – сказал Смолин. – Я при Сталине прожил-то всего три месяца, а ты еще в совершеннолетие не вошел...

– Зато как раз пошел на первоходку, – с достоинством сказал Глыба. – Самое смешное, Червонец – верит, дура гладкая... Они ж нынче историю знают через пень-колоду, что угодно сглотнут. Верит, соска... Ей что Сталин, что Петр Первый – однохренственно, седая старина...

– Глыба... Ты зачем двести баксов скрысятничал? – поинтересовался Смолин без особой укоризны. – Не по понятиям...

– По понятиям, Червонец, – отозвался Глыба без всякого раскаяния. – Во-первых, ты все равно не блатной, и не мужик даже, ты ж – один на льдине... А во-вторых, дело было на нейтральной полосе. В хате я б и не подумал, хата – дело святое... Я у тебя три месяца живу – хоть булавка

пропала? То-то и оно. А на нейтралке сам бог велел, прокатит, так прокатит, а если нет, так нет... Ты что, в претензии?

– Да ну, – сказал Смолин, ухмыляясь. – Пустяки...

– Червонец, а больше ничего похожего не предвидится? Понравилось мне это дело: дуришь фраера без особого напряжения и получаешь законный процентик... Слышь, а чернильница-то настоящая?

– Жди...

– Молодца... Так что, Червонец?

– Есть наметочки, – сказал Смолин. – Недельки через две, если карта ляжет и звезды благоприятно выстроятся, появится лох... Глыба, ты смог бы быть капитаном первого ранга в отставке? Орденов полна грудь, седины благородные... Речь должна быть правильная и культурная...

– Плохо ты меня, Червонец, знаешь... – Глыба повернулся к нему, откашлялся, приосанился и хорошо поставленным голосом, ничуть не похожим на свой обычный, произнес: – Безусловно, Арнольд Петрович, маргинальное начало в творчестве Вийона выражено ярко, но ошибкой было бы усматривать в нем доминанту... А?

– Блестяще, – сказал Смолин с искренним удивлением.

– А ты думал! Понимаешь ли, Червонец, щипачи вроде Кирпича, про которого кино, которые тянут кошельки в трамвае у пролетариата – сявки мелкие... *Настоящие* гомонки с хорошими деньгами всегда лежали по клифтам у людей *благородных* – и чтобы до сих добраться, не вызывая подозрений, нужно соответствовать... Я в пятьдесят восьмом *катанулся* в крокодиле Москва—Сочи, будучи как раз ленинградским кандидатом наук по этому самому Вийону... И ты знаешь, прокатило, до самого Сочи меня ни один терпила не заподозрил, а в Сочах я это дело еще неделю успешно продолжал... Так что за культурную речь не беспокойся... Слушай, чего бы еще туда плеснуть, чтобы вкус был непонятнее?

– Лимонной кислоты пол-ложечки, красного перчику, – подумав, сказал Смолин. – В левом шкафчике.

– Ага, я помню...

Учтем, подумал Смолин, касательно кандидата наук – учтем, только реквизит следует продумать получше...

С Глыбой он прожил в одном бараке все четыре года второго срока – и присмотреться к нему успел. Старой закалки был уркаган, первый срок и впрямь схлопотавший еще при Сталине, карманник божьей милостью, если только уместно такое определение. Не зря ему еще в первые хрущевские годы дали кличку Ван Клиберн, в честь гремевшего тогда по всему свету пианиста. Вот только впоследствии пианист подзабылся, и, соответственно,

новые поколения блатарей, отроду о нем не слыхавшее, кличку с бегом лет переиначили, сначала Ван Клиберн стал попросту Клибой, а там как-то незаметно и Глыбой... А лет пять назад с бывшим виртуозом стряслась нешуточная беда: повздорил во время очередной отсидки с какими-то сопляками-беспредельщиками, старых традиций не признававшими, и как-то так вышло, что в мастерской ему на руки грянулась железная заготовка в добрых полтора пудика. Только три пальца на левой руке остались в целости и сохранности, а остальные, хоть и избежавшие ампутации, срослись так, что *работать* ими было отныне невозможно. Тут и пошла у Глыбы черная полоса, а три месяца назад Смолин с ним столкнулся на вокзале (всех денег и документов только ксивка про освобождение) и после недолгого колебания пустил к себе жить – не самым скверным на земле человеком был бывший щипач, право слово...

– Слышь, Червонец... Ты там поглядывай, – тихо и серьезно сказал старый уркаган. – У меня глаз наметанный, я ж не пальцем делан... Пасут, похоже, нашу хатку. Оч-чень похоже...

– А точнее? – насторожился Смолин.

– Вчера весь вечер у колонки торчал белый такой жигулек. Аккурат так, чтобы те два облома могли стричь косяка за нашей хатой. Я по двору крутился, из окошечек выглядывал со всеми предосторожностями, и скажу тебе точно: ни к кому из соседей они не приезжали, так и торчали там весь вечер, с понтом, природой любовались... Ну вот, а сегодня, где-то к обеду, там торчал другой жигулек, темный, весь из себя в тонировке, на том же месте, и опять к соседям никто не заходил, по улице не шлялся... Ты меня слушай, я их, козлов, давно научился печенкой чувствовать, что твой локатор...

– Мало что может быть... – сказал Смолин. – Может, и в нашем райском уголке дурью приторговывать начали с колес?

– Что ж к ним за все время ни один организм не подошел? Я ж знаю, как нелегалкой торгуют. Ничего похожего. Опера это, Червонец, и приклеились они к нашей хате. За мной в этот раз все чисто, так что ты поглядывай...

– Номера не запомнил?

– А смысл? У опера этих номеров полный багажник...

– Учту, – сказал Смолин, подхватил миску и поднялся.

Шагая к вольеру, он думал: всем хорош Глыба, и полагаться на него можно в серьезных делах без опаски... вот только в силу специфической биографии и специфического же жизненного опыта навсегда застрял в *ранешнем* времени. Для него понятие «слежка» неразрывно связано с

понятием «опера» – и никак иначе. Меж тем (если допустить, что за домом и впрямь кто-то следит) одними органами список подозреваемых не исчерпывается. Органы как раз – зло привычное, не особенно и опасное, а вот *сторонние* ... Может, и ерунда, конечно, но следует проверить...

Он отпер дверцу, и Катька вымахнула из вольера, радостно скуля, чуть с ног не сшибла от избытка чувств. Хорошо еще, узрев миску, пулей влетела назад. Закрыв ее там, Смолин, посмотрев на часы, вышел на улицу и вперевалочку, ничуть не торопясь, направился в сторону церкви.

Головы он, разумеется, не поворачивал – но краем глаза засек бежевую «шестерку», стоявшую у колонки именно в том месте, которое описывал Глыба. Стекла опущены до половины, внутри, совершенно не глядя в сторону Смолина, развалились двое парнишек, вроде бы самого обычного облика. Из машины негромко доносился какой-то очередной гнусавый шансон.

Что-то тут и в самом деле не так, подумал Смолин, безмятежно шествуя вдоль разнокалиберных заборов. Неправильная какая-то машинка... Ладно, номер запомнил, попытаемся что-нибудь сделать...

Завидев неспешно ехавшее навстречу такси, серую «короллу» с желтым гребешком, он на всякий случай приостановился. Машина остановилась, не доехав до него полметра, щелкнула дверца, и оттуда...

И оттуда появилось, пожалуй что, видение. Натуральнейшее видение из бесшабашной Смолинской юности, когда он бегал на танцы и на фехтование, ждал призыва и будущее, слава богу, оставалось совершенно туманным...

Красотка Маргарита, с распущенными по плечам роскошными волосами, была в белой короткой юбке и сиреневой блузке навыпуск, вроде бы ничего особенного – вот только этот немудреный наряд как две капли воды соответствовал той моде, что стояла на дворе во времена смолинского восемнадцатилетия. Перед ним оказалась столь натуральная девочка из прошлого, что у Смолина даже подходящих слов не нашлось для описания эмоций. На миг показалось даже, что он спит.

Всё это никак не могло оказаться *случайностью* – нынешние моды, конечно, подчас почти повторяют фасоны тридцати—сорокалетней давности, но именно что *почти*. Перед ним же было не «нечто похожее», а классический летний наряд года этак семьдесят первого.

Не бывает таких случайностей. Смолин, по какому-то неисповедимому наитию, мгновенно вспомнил события трехлетней давности – когда он долго и безуспешно торговал у вредного старикашки один прелюбопытнейший раритет. Никак не желал старикан «торговать

памятью», понимаете ли, дело казалось уже профуканным, но тут Смолин, сведя воедино кое-какие наблюдения за подопечным, применил финт не вполне стандартный: в очередной раз потратив полчаса на бесполезные уговоры, как бы совершенно случайно *засветил* у себя в сумке сущую пустяковину – полушерстяные галифе с гимнастеркою. Старику, оказалось, именно этого и не хватало для полного счастья, чтобы ходить на собрания ветеранов – старые вещички пришли в полную негодность, а других он и не представлял, где достать. Слово за слово, разговор переходит в другую тональность и на другие темы – и вот уже Смолин в глазах старикана предстал совершенно иным человеком. Коему, собственно, и не грех продать помянутый раритет, тем более что форму Смолин деду подарил тут же...

Не позволительно ли будет заподозрить, что и сейчас мы столкнулись с чем-то схожим? Только на сей раз сами стали объектом? Прилив ностальгии по безмятежной юности, когда именно *таким* мы с трепетом назначали свидания – и хитренькая гостя прикупает себе козырей... Она ведь умная, сразу было видно...

– Здравствуйте. Хорошо устроились – такая красота вокруг...

– Захолустье... – сказал Смолин небрежно.

Теперь, когда они стояли лицом к лицу, лишний раз убедился, что не ошибся: ее наряд и в самом деле точная копия фасонов начала семидесятых. Причем вовсе не выглядит старым, извлеченным из маминого чемодана. Может, она тоже имеет отношение к театру, как и придурковатый супруг? У них, в «оперетке», отличная костюмерная, кто-то из знакомых к прошлому Новому году жене заказывал бальное платье, точную копию нарядов пушкинских времен – и говорил, что отлично сработали...

– Пойдемте? – предложил он. – Уже поздновато, времени у вас, должно быть, в обрез?

– Времени у меня столько, что и девать его некуда, – ответил Рита, одарив его не вполне понятным взглядом. – Супруг как раз отбыл в Томск на фестиваль, и я ближайшие три дня – вольная казачка...

Показалось ему, или он этот взгляд расшифровал полностью? Ну, посмотрим...

– Заранее прошу прощения за дурацкий и нелепый вопрос, – сказал Смолин. – Сдается мне, что вы тоже имеете отношение к театру...

– Можно и так сказать, – улыбочиво протянула Рита. – А вы, должно быть, не театрал?

– Вот именно, – сказал Смолин. – В театры не хожу, в кино последний раз был... да нет, и не припомню, прикидываю только, что это явно имело

место еще при Брежнев... Да и телевизор не смотрю. Совершеннейший дикарь-трудоголик. Судя по вашей загадочной улыбке... Бог ты мой! Неужели вы – актриса?

– Ну да.

– Там же, в оперетте?

– Угадали.

– Ох, простите... – сказал Смолин с видом величайшей сокрушенности. – Я, в самом деле, в культурной жизни нашего славного города не силен...

– Это при вашем-то роде занятий?

– Да, так вот оно и получается... Простите великодушно...

– Ничего, я, в отличие от некоторых, «святому искусству» не поклоняюсь, как дикарь – тотему. Я, Василий Яковлевич, не звезда и не жрица Мельпомены, выше головы прыгнуть не стремлюсь, работаю, лямку тяну...

Голос у нее был чуточку грустный – но, когда имеешь дело с профессиональной актрисой, принимать такие вещи за чистую монету не стоит. Она может просто-напросто добросовестно разыгрывать очередной образ...

– И все же я не верю, что вы там, в оперетте – пятая слева припевочка в шестом ряду...

– И правильно. Я и Сильва, я и невеста Фигаро... если вы только знаете, кто это такие.

– Ну, уж не настолько я темен... – сказал Смолин энергично.

– Далеко еще?

– Всё, пришли...

Распахивая перед ней калитку, Смолин бросил быстрый взгляд через плечо – машина была на месте, разве что двое в ней изменили позы.

Поднялись в мансарду, где уже чуточку сгустился полумрак. Привычно протянув руку, Смолин нажал выключатель, вспыхнули две неярких лампы по противоположным стенам...

– Ой...

Гостья шарахнулась, налетела на Смолина в непритворном испуге, поневоле пришлось схватить ее за плечи, удерживая – достаточно приятная ситуация, что уж там. Подтверждая кое-какие свои догадки, он задержал ладони на плечах – а Рита не шевелилась, как будто так и надо.

– Что это... – проговорила она шепотом.

– Ах, вон оно что... – спохватился Смолин. Неторопливо снял Вождя со шкафчика и спрятал его внутрь, на верхнюю полку. – Это, знаете ли,

тоже антиквариат, он разным бывает...

– Серьезно?

– Совершенно. Скиф. Садитесь... Коньячку хотите?

Маргарита, все еще поглядывая за спину, на дверцу шкафчика, передернула плечами:

– Налейте, в самом деле... До сих пор жутковато. Вы что, готику любите?

– Готику? – пожал он плечами. – А, это... Да нет, никакой некрофилии. Просто наши предки, как мне объяснили, именно такие вот черепа держали дома в качестве оберегов.

– Ничего себе оберег... Чуть сердце не выскочило...

– Сказку помните? – сказал Смолин. – У Бабы-яги вокруг избышки – черепа на кольях... Как считают знающие люди, это всего-навсего воспоминания о старом житье, когда у каждого приличного дома такие вот обереги на заборе кучковались...

– А вы не боитесь, что он ночью... что-нибудь этакое устроит?

– Я исключительно живых опасаюсь, Рита, – сказал Смолин искренне. – Покойники мне сроду ничего плохого не сделали, так что и на сей раз обойдется... Держите.

И протянул ей серебряную пузатую чарочку довольно приличных размеров, взял со стола свой стакан.

– Без тостов?

– Конечно, – сказал Смолин.

Гостья осушила свою без жеманства, решительно и где-то лихо. Не поморщилась, не поперхнулась, откусила конфетку и поудобнее устроилась в кресле, положив ногу на ногу чисто автоматическим жестом.

– У вас уютно, – сказала она, глядя по сторонам.

– Есть немного.

– Я никаких ваших планов не нарушила? Может, мешаю?

– Господи, разве такая женщина может кому-то помешать? – сказал Смолин, лишь обозначив улыбку. – Банальность, конечно, но я тут одичал...

Он разглядывал молодую женщину задумчиво и откровенно – а она, притворяясь, что и не замечает ничего, разглядывала трудолюбиво натащенную сюда покойным капитаном экзотику. Во дворе лениво забрехала Катька.

– Василий Яковлевич, – сказала Рита решительно. – Эта земля и в самом деле стоит хороших денег? Точнее говоря... Их и в самом деле можно получить?

– Конечно, – сказал Смолин. – Это всё – всерьез. Можете мне поверить – сто тысяч долларов за этот пустырь получим без труда. Или, учитывая последнюю моду – то бишь как-то незаметно отмершую традицию считать в долларах, – миллиончика два с половиной родимыми. Можно, конечно, придержать в расчете на будущее, чтобы потом снять и побольше... Но я, знаете ли, человек приземленный. Иногда лучше взять верные деньги, чем строить планы на будущее. Черт его знает, как оно будет обстоять через год, что там может помешать... Понимаете?

– Понимаю. И ничего не имею против. Вы очень убедительно всё это обрисовываете... Значит, пополам...

– А что, вам это представляется нечестным? – усмехнулся Смолин. – Я без вас ничего не могу, но и вы без меня – тоже. Бумага эта – моя законная собственность, я вовсе не обязан ее отдавать вашему мужу...

– Ну что вы, я совсем не об этом, – торопливо сказала Рита. – Вы мне еще не нальете?

– Извольте.

И со второй рюмахой она разделалась столь же энергично, дожевала конфетку. Смолин, приняв свою дозу, терпеливо ждал, когда гостья заговорит.

– Мы обсуждали... после вашего ухода, – сказала Рита. – Точнее пытались... я пыталась.

– Судя по вашему лицу, супруг остается на прежних позициях?

– Ну разумеется. Служителю высокого чистого искусства не пристало копаться в такой грязи... Хорошенькое мне досталось сокровище, а?

– Рита, – сказал Смолин терпеливо. – Мне абсолютно неинтересны чужие семейные коллизии...

– Всё, проехали... Я просто злюсь весь вечер...

– Я понимаю, – сказал Смолин.

И, перехватив недвусмысленный взгляд, налил ей третью. На алкоголичку она не походила, вероятнее всего, красавице просто требовалась легонькая разрядка, так что пусть хлещет, жалко, что ли? Никак не похоже, что ее развозит...

– Значит, у вас ничего не получилось... – сказал он, рассуждая вслух.

– Ну, это как посмотреть... – загадочно блеснула глазами Рита. – Василий Яковлевич, коли уж у нас намечается деловое партнерство... давайте откровенно?

– Да ради бога.

– Насколько я понимаю, для вас важна исключительно сделка, а не личность моего муженька, неповторимая и самобытная?

– Мне важно одно, – сказал Смолин. – Провести эту сделку и получить свои пятьдесят процентов. Я не намерен никого обманывать, поверьте. Не из благородства души, а исключительно потому, что так легче и проще жить – заключая честные сделки. Но, вы правы, никакой я не филантроп и не благодетель. Меня совершенно не интересуют ничьи неповторимые личности. Ну с какой стати меня должна интересовать такая лирика? Будь такая возможность, я бы с превеликой охотой сделку провел не с вашим мужем, а с вами, мне, в принципе, все равно, кому отдавать его часть...

– Прекрасно, – сказала она, откинув голову на спинку кресла слегка улыбаясь, прищурившись. – Вот и давайте работать вместе.

– То есть?

Она взяла свою черную мешковатую сумочку, стоявшую у гнутой ножки кресла, вынула сложенный вчетверо лист бумаги, протянула, не меняя позы. Смолин, почуяв какой-то крайне интересный перелом в безнадежной ситуации, все же не сорвался с места, а поднялся вполне спокойно. Развернул бумагу, вчитался в печатный текст, мельком отметил штамп нотариуса...

– Рита, это прекрасно! – сказал он с искренней радостью. – Это просто отлично! Совсем другой оборот... Доверенность действительна еще почти год... право подписи, в том числе и финансовой... практически всё, что нам с вами необходимо, тут оговорено, и вы можете от его имени подписывать любые... Если не секрет, по какому случаю муж вам доверенность выдал?

– Мы дачу продавать собрались. Ну, и понятно, *нам*, – иронически подчеркнула она последнее слово, – в лом, как нынче молодежь выражается, заниматься столь пошлой и низменной прозой жизни... Риточка все вытянет... – она улыбнулась ослепительно, чуть пьяновато и, пожалуй, не без некоторой хищности. – Риточка, точно, вытянет. Ну что, я имею право подписывать с вами договор и от своего лица все это оформлять?

– Полнейшее, – сказал Смолин. – С такой-то доверенностью...

– Так, чтобы он и не знал?

– Ну разумеется, – сказал Смолин. – У вас на руках юридически безупречная доверенность, дающая вам все полномочия. Зачем ему что-то знать? Закон вовсе не требует, чтобы вы мужа информировали о каждом своем шаге. Один маленький нюанс: как вы, должно быть, догадываетесь, вы все же обязаны честно поделить с мужем заработанные денюжки, это все равно что «совместно нажитое имущество»... Что, душновато?

Она как раз расстегнула две верхних пуговицы блузки – вполне естественным, непринужденным движением, вроде бы и не таившим

никакого подтекста. Смолин давно уверился, что *настоящая* актриса как раз Рита, а не ее пафосный муженек. Грамотно играет девочка, все у нее выходит естественно, умом понимаешь игру, но фальши-то не видишь... Актриса... Блузочка-то теперь распахнулась так, что любой нормальный мужик стойку сделает. И ведь понятно, похоже, что ей нужно...

Смолин чуть приоткрыл правую створку, взглядом задал вопрос и, получив немой недвусмысленный ответ, налил коньячка очаровательной актрисе. Рита выпила уже медленнее, глядя на него поверх серебряной рюмахи весьма выразительно...

– Василий Яковлевич, – сказала она улыбаясь. – Вы такой прожженный делец...

– Ну, не льстите. Обычный торгаш.

– Не прибедняйтесь... В вас чувствуется... *хватка*. Мы только что говорили, что мой дражайший супруг вам глубоко безразличен... впрочем, надо полагать, как и я...

– Очередная банальность, но что поделать... – сказал Смолин. – Такая женщина, как вы, безразличной быть не может. Вот вам суровая правда жизни. Вы прекрасно знаете, *какая* вы, какое впечатление производите на любого нормального мужика, что уж тут дипломатничать...

– Приятно слышать... – сказала Рита без малейшего жеманства. – А откровенность в устах красавиц приветствуется?

– Ну разумеется, – сказал Смолин, уже разглядывая ее вовсе уж откровенно. – Особенно в таких делах...

– В договоре обязательно должна значиться вся сумма? Или там может стоять другая, скажем...

– Гораздо меньше? – подхватил Смолин с обаятельной улыбкой. – Да не вопрос! Повторяю, я привык играть честно. Я вам отдал бы законную половину даже без писаного договора.

– Но ведь получается, что мне придется вам довериться...

– Вот и доверьтесь. Стар я уже обманывать таких красивых, Риточка... Давайте к делу. Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. В договоре мы напишем тысяч пятьсот, о которых ваш муж со временем, конечно же, узнает... но будет еще два миллиона, о которых он не узнает никогда... Я вас правильно понял?

Она опустила глаза и какое-то время задумчиво созерцала свои точеные ножки. Смолин сидел с непроницаемым лицом: пусть сама созреет, ей, должно быть, впервые приходится такое проделывать, где б раньше случай подвернулся?

– Вы меня считаете стервой? – наконец подняла она глаза.

– Я вас считаю очаровательной, умной женщиной, – сказал Смолин. – Которой, думается, чертовски не повезло с мужем...

– Меня скоро выставят, – сказала она, усмехаясь не без грусти. – К чертовой матери. Вы в курсе, которая я у него?

– Четвертая, нет?

– Правильно, – сказала Рита. – Привычки у нас постоянные: берется молоденькая актриска, очаровывается и торжественно вводится в дом в качестве полноправной хозяйки и законной супруги. А лет через несколько на горизонте появляется очередное Высокое Чувство, и... фьють! – она сделала красноречивый жест, печально улыбнулась. – Причем каждая дурочка уверена, что именно на ней эта традиция прервется... шиш! Так вот, мой часовой механизм уже затиктакал. Замаячило очередное Высокое Чувство на десять лет меня моложе... Цинично прикидывая, пара-тройка месяцев у меня в запасе есть, но не более того... Практичная женщина в такой ситуации будет заботиться о будущем, вот и я пытаюсь... Вы верите, что все так и обстоит, как я рассказываю?

– Верю, – сказал Смолин серьезно. – Именно потому, что лицезрел вашего муженька собственными глазами... ну, и слышал о нем то и это. Так что никакая вы не стерва, милая Маргарита. Вы просто-напросто хотите хоть что-то урвать от этой поганой жизни... вполне объяснимое и оправданное желание.

– Спасибо...

– Коньячку?

– С удовольствием.

– Только одна загвоздка... – сказал Смолин сокрушенно. – Вы меня все же загоняете в ту лунку, над которой написано «Филантроп». А я – не он. Ну, что поделать, таким меня жизнь обтесала – дурная компания, влияние улицы, не читал я в детстве романтических книг и не смотрел романтических фильмов...

– Другими словами, я вам все же безразлична?

– По большому счету – пока да...

Не сводя с него глаз, Рита гибко встала, подошла вплотную, положила руки на плечи, прижалась. Ну что в столь романтической обстановке оставалось делать? Да только мягко оттеснить ее к низкому широкому дивану, уложить на таковой и рядом примоститься...

– Ты меня не кинешь? – спросила она на ухо, тоном все же настороженным, опасливым.

– И не подумаю, будь спокойна, – сказал Смолин, аккуратно расстегивая на ней блузку. – Я человек старомодный...

Она все же была чуточку напряжена, но это прошло, едва он снял последнее.

Глава 3

Подвижки и новости

Ходить вприпрыжку на кладбище как-то не принято, и Смолин шагал к выходу достаточно неторопливо – хотя так и тянуло побыстрее отсюда припустить. Он с некоторых пор откровенно недолголюбил кладбища, то ли из-за возраста, то ли вспоминая, сколько его знакомых уже не здесь. Невеселая арифметика, если прикинуть...

Дождаться самого конца церемонии он не стал. Свое обещанное выполнил – мастерски заслонившись букетом, незаметно опустил Чепурнову в гроб коробочку с орденом, как тот и просил. Прошло нормально, никто не заметил.

Орден был редчайший – первый орден Японии, а строго говоря, и не орден даже, а наградной знак, именовавшийся в соответствующей литературе «Орден государства Сацума-Рюкю». В восьмьсот шестьдесят шестом один из крупнейших самурайских кланов отправил на Парижскую всемирную выставку своего делегата, тот и вручил орден Наполеону III, а заодно и дюжине приближенных. Затеяно это было, чтобы показать Европе: клан наш, уважаемые господа, посильнее и императора, и правителя, что хотим, то и делаем, можем даже орденами награждать иностранных монархов, если придет такая охота...

Орден государства Сацума-Рюкю

Ничего особенного, в общем: красная эмалевая звезда с гербом клана (крест в круге) да пять иероглифов синей эмали меж лучами звезды. Круглая подвеска – цветок, красная лента с белыми полосами. Вот только остался один-единственный известный антикварному миру экземпляр – в Японии, в музее. А у Кашея, выходит, неизвестно сколько лет лежал второй, при том, что в самой Франции ни одного не осталось...

Где он его ухитрился раздобыть, уже не спросишь. Но наиболее

правдоподобная версия, если пораскинуть мозгами, сыщется. Уникальный орден во Франции могли прибрать к рукам немцы – а потом в Германии он где-то попался на глаза молодому веселому победителю, еще не носившему клички Кашей. Никифор сам говорил как-то давно тому: в Германии, в оставленном сбежавшими хозяевами особняке нашел пригоршню экзотических орденов, это и подтолкнуло ко всему дальнейшему. Разумеется, могут быть и другие версии, но истины уже не доищешься, да и какой в ней толк, кому она нужна? Коли уж господин Чепурнов этот мир покинул окончательно и бесповоротно, интересно все же, вроде бы и верующим был наш оборотистый аксакал, а вот поди ж ты, в гроб попросил положить насквозь басурманскую регалию... а впрочем, наше дело маленькое, о чем нас попросили, то мы прилежно и исполнили, совесть чиста, а значит...

– Василий Яковлевич...

Он чуточку вздрогнул, надо признаться, обернулся резковато. Дашенька Бергер, очаровательное, интеллигентное и утонченное создание, надежда родителей (каковые сами в мире высокого искусства достигли не особенно и много, а потому, как водится, все надежды возлагали на то, что родимое чадушко станет крутейшим искусствоведам).

Она небрежным движением сняла с головы черный платок – скорее уж невесомую косынку, надетую, надо полагать, исключительно по родительской воле. Судя по этому движению и абсолютно спокойному лицу, никакой такой особенной печали она и не чувствовала после утраты любимого дедушки. Ничего удивительного: Смолин примерно представлял, что она с малолетства слышала дома о милом дедушке: «собака на сене» и «старый придурок с хламом» – это еще самое мягкое...

– Василий Яковлевич...

– Да?

– У меня к вам серьезный разговор... Точнее, просьба...

– Минутку, ладно? – попросил Смолин, вытаскивая из нагрудного кармана завибрировавший мобильник.

Выслушал. Отозвался парой коротких реплик. И отключил телефон, чувствуя, как на лице невольно расплывается улыбка. Это здорово, это чертовски здорово, наконец не просто определенность, а простор для маневра...

– Итак?

– Василий Яковлевич, создалась такая ситуация, что мне и не с кем посоветоваться...

– О чем?

– Ну, это касается антиквариата... Я же знаю, что вы – великий знаток и профессионал...

– Да уж какой там великий...

– Все равно. Главное – знаток и человек компетентный. Дедушка о вас всегда так и отзывался.

– И далеко не с обожанием, а?

– Ну, в общем... – Дашенька похлопала ресницами в некотором смущении. – Но это ведь не главное, как бы он о вас ни говорил в бытовом плане, считал вас крутым профессионалом...

– Даша, можно ближе к делу? Мне только что звонили, нужно ехать, дело важное...

– Мне нужно с вами проконсультироваться... по поводу одной вещички. Осталась от дедушки... – она оглянулась по сторонам с таким видом, словно опасалась слезки. – Это долгий разговор, тут, наспех, ничего не объяснишь, нужно обсудить все обстоятельно и вдумчиво... Мне очень, очень нужен ваш совет...

– Ну, пожалуй... – сказал Смолин, подумав. – Ежели без уголовщины.

– Да нет, никакого криминала. Просто я человек все же неопытный и могу здорово напортачить, а вещичка крайне интересная, и меня объегорить могут в два счета...

– Хорошо, – сказал Смолин. – Я освобожусь уже через часок. Где бы нам пересечься...

Даша достала из сумочки бумажный квадратик:

– По этому адресу вам будет удобно? Я эту квартиру сняла на лето, так получилось...

Бегло прочитав адрес, Смолин кивнул:

– Понятно. Через час приеду.

Он кивнул и зашагал к стоянке. Интересные дела. Ручаться можно, что Дашенькины родители, интеллигенты «из сферы культуры» с соответствующей зарплаткой из разряда «кошкины слезки», как ни баловали свое чадо, а все же вряд ли смогли бы ей давать денежки на съемную квартиру в центре. Удовольствие недешевое, даже однокомнатная в том районе выскакивает в копеечку. Очень похоже, девица отыскивает самостоятельно средства к существованию – что ж, цинично прикидывая, милым девочкам это удастся гораздо быстрее и проще, нежели потасканным мужикам, времена такие... Ничему не стоит удивляться с тех пор, как один его знакомый, оттягиваясь однажды с приятелями в загородном домике и вызвавши туда девиц из крайне элитного заведения, нос к носу столкнулся с собственной дочушкой – умница, интеллектуалка,

в престижный колледж пристроена и уж безусловно карманными деньгами не обижена, а вот поди ж ты, и денег ей было мало, и на вульгарные приключения потянуло...

Ладно, все это, в общем, неинтересно. О другом нужно думать: что у нее за *вещица*? Что такого могло ей остаться от дедушки – учитывая дедушкину личность? А вот тут уже простор для самых смелых фантазий, мог Кашей, размякнув душой однажды, подарить внученьке нечто такое, с чем и к сэрам, пэрам и херам на «Сотбис» не стыдно показаться. Мог и оставить записку – что, если в комнате-тайнике хранилось далеко не все? И теперь детка боится продешевить, прекрасно понимает, что сама ничего не смыслит в рынке, и облапошат ее в два счета. Предприимчивая детка выросла, палец в рот не клади, вон как легко и непринужденно собрала приятелей и тряхнула опустевшую дедушкину квартирку. Чувствуется наследственная хватка – перепрыгнув через поколение, дали о себе знать Кашеевы гены. Вдруг да и выйдет какая выгода?

...Хозяин магазина «Эльдорадо» Николай Эрастович Демидов (как о том знала каждая посвященная собака) дельцом был хватким, но, как многие, страдал *пунктиком*. Хорошо еще, практически безобидным в отличие от педофилии, наркомании и порочной страсти к рулетке. Переклинило Эрастыча на генеалогии: не хочет быть старуха простою бабой, желается ей быть владычицей морскою... Вот уж лет двадцать, со времен угара перестройки, Демидов утверждал окружающих во мнении, что он, извольте ли знать, не с елки упал и не от посконных хлебобобов происходит, а имеет честь быть потомком тех самых Демидовых, что ставили заводы на Урале, чеканили фальшивые рублевики в подземельях и просаживали миллионы золотом на дурные прихоти.

Доказательства были самые фантазийные – точнее говоря, зиждились исключительно на разглагольствованиях самого Эрастыча, сетовавшего на коммунистическое правление, когда все бумаги сгинули в вихре войн и переворотов, все семейные реликвии вкупе с фамильными ценностями разворовали злобные чекисты, а ежели какие архивы и избежали катаклизмов, то их с оглядкой спалили в буржуйке сами демидовские предки, дабы не держать в доме столь опасных улики.

Смолин иногда подозревал, что в торговлю антиквариатом Демидов для того и нырнул четверть века назад, чтобы собрать побольше вещицек, которые можно без зазрения совести выдавать за фамильные реликвии. Ежели фотография осанистого господина при бакенбардах и Анне на шее не подписана, то таковую можно без всякого риска разоблачения представлять снимком родного прадедушки, точно так же порой дело

обстоит с серебряными портсигарами, орденами, чиновничьими шпагами и прочей мелочевкой. В последнее время в столицах появились оборотистые ребята, которые конструируют клиенту под ключ недурственные «семейные архивы»: тут и старательно подобранные фотографии, и россыпь старинных безделушек, и фамильные портреты, и эполеты, и многое, многое другое. Особенно ценятся интересные старые документы с совпадающими фамилиями – а ведь в столицах потихонечку работают свои Маэстро, которые при желании и за отдельную плату что портсигар снабдят соответствующей дарственной надписью («Его моему прадедушке сам граф Витте дарил от чистого сердца, так и написано, с твердыми знаками и ерами!»)

Самое смешное, что в те самые угарные времена Демидов даже выхлопотал подтверждающую его «права» грамоту – у какой-то из превеликого множества «Межгалактических геральдических палат», расплодившихся, как блохи на барбоске. Сколько ему это стоило, история умалчивает, но грамота и сейчас красовалась на стене: многоцветная печать, императорские орлы, куча красивых печатей, раскудрявейшая подпись герольдмейстера, то ли Пупкина, то ли Ляпкина...

Что бы там ни было в начале, теперь Эрастыч был торгованом хватким – разве что порой на него находило и он начинал разглагольствовать про свой известнейший род, пересказывая байки еще дореволюционных времен, почерпнутые из букинистических редкостей, или с таинственным видом вещал, как он списался на неделе с очередной седьмой водой на киселе, потомками Демидова, обитающими то ли в Патагонии, то ли на южных отрогах Гималайского хребта, как был ими заочно признан, заочно же облобызан, а потому вот-вот все же начнутся поиски демидовских кладов, скрытых которое десятилетие то ли в подвалах полуразвалившихся уральских башен, то ли в швейцарских сейфах. Свои эти минуты ужасно любили – потому что именно в этот момент Эрастычу, обычно недоверчивому и въедливому знатоку, которого на кривой козе не объедешь, можно было, пользуясь его расслабленным состоянием, впарить черт-те что, якобы имевшее отношение к уральским самодурам-миллионщикам. Смолин и сам этим пару раз грешил – потому что не использовать такой случай просто грех, в конце концов, не больного на голову обманываешь, а вполне здорового, только подвинутого на чужой генеалогии, да и продавал он Эрастычу не фальшаки, прости господи, а натуральную старину (вот только вряд ли имевшую хотя бы отдаленное отношение к настоящим Демидовым)...

Сегодня, впрочем, у него были совсем другие помыслы – да и

Эрастыч, сразу видно, пребывал в насквозь вменяемой *полосе*. Что ему, впрочем, нисколько не мешало с напыщенным видом извлекать сигаретки из массивного серебряного портсигара с гербом Демидовых: в нижней половине – кузнечный молот, в верхней – три каких-то хреновины наподобие буквы «Л». Портсигар был родной, сазиковский, да и герб у Демидовых, Смолин интереса ради проверял, именно такой – но вот о истории появления герба на этом именно портсигаре он кое-что слышал краем уха...

– Я так понял, всплыло что-то? – спросил Смолин, ощущая немалый охотничий азарт.

– Сразу, как ты позвонил, стали бдить, не в первый раз, чай...

Какая бы конкуренция и подковерные интриги ни сотрясали тесный антикварный мирок, прежние склоки мгновенно забывались, если у кого-нибудь что-нибудь попятят – тут уж моментально начинается перезвон, все бдят в десять глаз, потому что завтра сами могут оказаться в таком же положении. Тем более что частенько мелкая шпана, стащив что-то в одном магазине, простодушно спешит продавать в другой, не представляя в своей юной тупости специфики антикварного бизнеса, где все одной веревочкой повязаны и знают друг друга сто лет...

Эрастыч полез в стол и выложил полоску твердого картона, к которой были прицеплены пять регалий. Хватило одного взгляда, чтобы мгновенно опознать свое, законное – именно эти награды, именно в этом порядке он сам на данную картонку и цеплял. Но из обычной пунктуальности Смолин все же взял в руки подборку, присмотрелся. «Савушка», то бишь сербский орден Святого Савы, был в свое время мастерски реставрирован Маэстро – но если хорошенько приглядываться, видно, что голубая эмаль в верхней части креста чуть отличается оттенком от «родной». Даже искусник Маэстро не всегда способен повторить в безукоризненной точности работу трудившихся сто лет назад мастеров, эмаль – самое слабое место современных фальсификаторов...

Орден святого Савы

Медаль Ушакова была под тем самым номером, удостоверение к ней (награда с документами всегда стоит дороже) и сейчас лежало у Смолина на квартире. По памятным признакам он легко узнал и две баварских военных медали середины позапрошлого века. А большую серебряную медаль за военные заслуги государя императора Франца-Иосифа опознать легко было с полувзгляда – потому что давным-давно, надо полагать, тогда же, в Первую мировую, обладатель глубоко выцарапал на ней свои инициалы (была такая ухарская привычка у юных императорских праворщиков, вроде нарисованных чернилами звездочек на погонах у белогвардейцев).

Медаль Ушакова

– И вот это...

Эрастыч положил на стол тяжелый пластиковый пакет, где в совершеннейшем беспорядке лежала целая груда медалей. Вот они-то Смолина интересовали во вторую очередь, поскольку были откровенной дешевкой, той самой чепурновской «обманкой», которую Дашка и ее сподвижники сняли со стены. Он только покопался в пакете двумя пальцами, следя, чтобы не уколоться заколками – да, это тоже из Кашеевой квартиры...

– Один человек припер?

– Ага, – сказал Демидов, доставая из папки стандартную квитанцию. – Некто Фетисов Михаил Николаевич, Кутеванова сорок один, семь. Хотел толкнуть сразу, но я-то помнил «общую тревогу», объяснил, что рисковать капиталами не согласен, только на реализацию могу взять...

– Он быстро согласился?

– В общем, да. Без особых проволочек. Ну, конечно, разочарован был несказанно, как все эти лохи, что полагают, будто им сейчас охапку денег выложат...

– Нервничал?

– Да не похоже... Ну, самую чуточку. На наркомана вроде бы не похож, и на шпану – тоже. Самый обычный сопляк...

– Патлы длинные – ботва под Джона Леннона, физиономия отмечена

некоторым интеллектом, речь правильная... – уточнил Смолин, чтобы удостовериться.

– Он самый. Этакий Гарри Поттер, только без очочков. Культурный такой, явно не из слесарей-сантехников. Ты его знаешь?

– Встречались... – сказал Смолин сквозь зубы.

Все совпадало – и адрес, раздобытый Шварцем, и анкетные данные владельца машины, определенно приходившегося «Гарри Поттеру» папашей. С родителями живет сей интеллигентный молодой человек, папиной машиной пользуется...

Ситуация, как ее ни рассматривай, была несколько щекотливой. Обычного воришку из тех, что украдкой суют за пазуху что-нибудь красивое и смываются, как правило, изловивши, без затей, без гуманизма и привлечения родной рабоче-крестьянской милиции пинают, пока ноги не устанут. Против чего он сам не особенно и возмущается, понимая, что получает за дело...

Сейчас придется действовать тоньше. Коли уж волосатый открыто сдал награды в магазин по собственному паспорту, ничуть не считает себя преступившим закон криминальным элементом – следовательно, работать с ним придется несколько иначе. Еще и оттого, что Смолин, разумеется, в милицию с заявлением о покраже бежать и не подумал, а потому, с точки зрения закона, потерпевшим как бы и не является. И, главное, к Дашенькиной компании долго еще присматриваться, так что не следует пороть горячку, нужно придумать что-нибудь тонкое, можно бы выразиться, элегантное, дело не в том, чтобы вернуть украденное, здесь все сложнее...

– Какие будут пожелания? – спросил Эрастыч.

Смолин раздумывал недолго.

– Вот это, – он небрежно ткнул пальцем в пакет с перемешавшимися медалями, – можешь выставлять на продажу хоть сейчас. Это не мое... строго говоря, это вообще ничье, так что претензий предъявлять некому. А вот это, – он коснулся картонки, – пока что припречь подальше, лады? Он телефон оставил? Ага, отлично. Когда я тебя попрошу, звякнешь ему, чтобы приходил за деньгами. С таким расчетом, разумеется, чтобы я сам здесь уже сидел...

– Сделаем... – Демидов убрал картонку подальше в стол, оставив мешочек на прежнем месте. Помолчав, взял еще одну сигаретку из «фамильного» портсигара и спросил задумчиво: – Вася, ты как думаешь, что случилось с Кашеевыми закромами?

Смолин сохранял бесстрастное выражение лица. Ну разумеется, после

смерти Чепурнова в антикварном мире ни о чем другом не рассуждали и долго еще будут ломать голову. Вообще, «наследство» нужно продавать так, чтобы ниточки не вели к нему – упаси боже, не в Шантарске. Если кто-то из коллег по ремеслу узнает... ничего жуткого, в общем, не произойдет, но зависть расцветет пышным цветом, а это ему совершенно ни к чему...

– С родными кровиночками отношения у него были испорчены напрочь, – сказал Демидов, рассеянно таращась в потолок. – Это каждая собака знает. Так что им оставить никак не мог. Самое печальное, если вся эта благодать где-то лежит настолько хорошо заныканная, что еще двадцать лет на свет не появится...

– А вот это на него как раз похоже, – сказал Смолин, приняв озабоченный вид, задумчиво морща лоб и хмуря брови. Тут, Эрастыч, простор для вариантов.

– Например?

– Ну, например, сын с дочкой могли и притворяться... с Кашеевой же подачи. Все старательно притворялись, что враждуют. А на самом деле Кашей просто не хотел, чтобы стало известно, *какой* клад он оставляет деткам. Вполне понятное стремление: в наши печальные времена и за полтинник в подъезде задавят... В Новониколаевске в свое время случилось именно так, когда помер Воронежский, помнишь? Сынок якобы последние лет десять с Воронежским был на ножах, друг друга завидев, на другую сторону переходили... вот только месяца через три после безвременной кончины папаши Воронежский-младший, бюджетник сраный, коттеджик в хорошем районе прикупил и стал на сотом «крузере» раскатывать...

– А пожалуй... – кивнул Эрастыч.

– Вариант номер два, – сказал Смолин. – Кашей не мог не понимать, что на часах – двенадцать без пяти. И незадолго до смерти толкнул закрома оптом в одни руки – кому-то стороннем у, не местному. Чтобы *казна* не досталась детишкам, которых терпеть не мог. А деньги... Ну, мало ли куда умный и хитрющий старикан мог подевать деньги. Перечислил на возведение памятника граненому стакану в городе Пропойске или нашему зоопарку... Что, мы с тобой не знаем примеров, когда нехилые коллекции тихонечко уходят в одни руки? Кира Булычева взять, сказочника нашего, бирмановеда в штатском. Богатейшая была коллекция, у любого слюнки бы потекли – а после смерти письменника растворилась в воздухе без шума и криминала, и ни одна вещичка на рынке потом так и не всплыла... Значит – тихонечко, культурно, в одни руки... Одним словом, не стоит даже голову ломать. Если никто из нас в Шантарске ни сном ни духом – значит, были

Кащевы сокровища, да сплыли...

– Да я и сам примерно так же рассуждаю, – сказал Демидов с тоской в глазах. – Обидно просто: такая коллекция куда-то на сторону улетучилась... Жалко...

– А что тут жалеть? – пожал плечами Смолин. – Все равно не твое, Эрастыч...

– Какая разница? Все равно грустно. Представляешь, сколько там должно быть... всего?

Представляю, подумал Смолин, прекрасно представляю, ты и не знаешь, насколько... Нет, нельзя и словечком заикнуться о неожиданном наследстве. Никто, конечно, из коллег по ремеслу не воткнет ему в спину острый ножик, и отношений не порвет, и даже не обматерит в глаза – но завидовать станут люто, по-черному, как и он бы на их месте, пожалуй... А это, в свою очередь, когда-нибудь обязательно себя проявит так или иначе. Говорил же умный герой какого-то романа о пиратах: главное – не отыскать клад, а ухитриться правильно поделить и остаться при этом в живых...

– Что до тех орденов... – начал Смолин деловитым тоном, чтоб побыстрее переменить тему.

И замолчал. Дверь распахнулась так, как ей и не полагалось – ни сотрудники, ни клиенты таким макаром не входят – грохнула об стену, ее тут же, когда она отскочила, придержала невидимая рука. И в кабинет повалили люди – то есть их было – всего человека три, много четыре, но они ворвались с таким нахрапом, что показались поначалу целой толпой...

Голова у человека соображает быстро, особенно у битого жизнью, и Смолин, не успев толком осознать, уже понимал чутьем, что к чему. Трое – все же их оказалось трое – разомкнулись по обе стороны двери, с таким видом, словно опасались пулеметной очереди навстречу, они все были в штатском, но это не имело значения, физиономии и повадки неясностей не оставляли. Погорел аристократ, успел подумать Смолин со смесью легкого злорадства и нешуточной тревоги.

Один из незваных гостей оказался рядом с Демидовым и встал над ним с видом грозно-бдительным, уставясь так, словно опасался, что хозяин кабинета начнет пригоршней пихать в рот секретные коды и шифры и жевать их всухомятку. Второй просто стоял у двери без особенных эмоций на стандартной милицейской физиономии. Третий с тем же напором шагнул к столу и махнул в воздухе знакомой книжечкой:

– Майор Летягин, отдел по борьбе с незаконным оборотом оружия...

Смолин разглядывал его искоса: за сорок, крепенький, коротко стриженный, типичная физиономия опера, за которую чертовски трудно

зацепиться взглядом в поисках не то что особых примет, но и яркой индивидуальности.

Отошел на шаг, замешался в толпу – и уже не опознаешь, начисто забыл, как выглядит...

Вот и познакомились. Как достоверно известно из рассказов потерпевших, именно этот майор и в истории с «Дукатом» и «Эльдорадо» пиликал первую скрипку. И вот теперь в третий раз... Тенденция, однако, как говорил чукча из анекдота. Точнее, кампания. Плохо. С правоохранительными органами людям профессии Смолина и так-то встречаться тягостно, но вот попасть под кампанию – это еще хуже...

Только теперь Демидов опомнился, собрался, попытался придать себе вид достойный и вальяжный:

– А в чем, собственно...

Тщательно спрятав удостоверение, майор сделал еще один шаг вперед и сказал почти дружелюбно, буднично:

– Только что в вашем магазине, гражданин Демидов... вы ведь и будете Демидов?.. так вот, только что в вашем магазине была продана одна единица холодного оружия. Что является нарушением статьи Уголовного кодекса и, так сказать, безусловно подлежит... Контрольная закупка. Я вынужден буду произвести оперативно-следственные мероприятия, как то: обыск, опрос свидетелей, прочие действия, какие найду нужными... Вам достаточно этого, или потребуется приводить ссылки на соответствующие кодексы, статьи и параграфы?

Смолин так и сидел в свободной позе, озираясь с видом человека, впервые ставшего свидетелем таких вот увлекательных криминальных игр и потому восторженно ловившего впечатление. Он не сразу, но догадался, что ему категорически не нравится в происходящем.

Да как раз полнейшее отсутствие интереса ментов к его персоне! Глянули разок мельком и более не обращали внимания, словно его тут и нет. А вот это насквозь неправильно, ребята, ох как неправильно. Вас сейчас должно интересовать абсолютно всё и абсолютно все в данной комнате: любой предмет и каждый присутствующий... ну предположим, не хату наркоторговцев накрыли, но все равно, обязаны глянуть хотя бы с любопытством: а ты-то тут кто, птичка божья, на какой мотив чирикаешь и по каким причинам стул попой протираешь? Но вот поди ж ты, чуть ли не демонстративно обходят взглядами... уж не знают ли, с кем встретились? Ничего удивительного, в общем, все мы давным-давно на примете, под колпаком у Мюллера, и тем не менее...

Демидов нервно пошевелился. Он, конечно, вовсе не собирался

впадать в прострацию, битый был кадр, как все они, грешные – просто-напросто, Смолин прекрасно понимал, пытался в кратчайшие сроки выбрать самую полезную линию поведения...

И выбрал. Сказал почти непринужденно:

– Ну, приступайте, коли уж пришли...

– В присутствии адвоката нуждаетесь? – вежливо поинтересовался майор.

– Не вижу необходимости, – сухо отозвался Демидов.

Смолин мысленно ему поаплодировал. Учен жизнью Эрастыч, чего там. Бывают, конечно, случаи, когда адвоката следует требовать с первой секунды появления ментов, лишнего междометия без него не изречь – но сейчас лучше будет поступить как раз наоборот. Чтобы потом обнаружились разные мелкие милицейские нарушения, изъяны в процессе и прочие ляпы, за которые потом хороший адвокат как раз и будет цепляться, как бульдог... Пусть втянутся, обязательно, помимо желания, мелких ляпов понасажают, легче будет адвокату...

– Ну что ж, в таком случае давайте писать бумажки... – майор непринужденно уселся за стол и положил перед собой папку. – Потребуются понятия... – он впервые воззрился на Смолина открыто и внимательно. – Вот вы здесь работаете или посторонний будете?

– Посторонний буду, – сказал Смолин. – Напрочь.

– Не согласитесь ли участвовать в качестве понятого?

– Ни в коем случае, – сказал Смолин нейтральным тоном. – Дела неотложные...

И поднялся, прекрасно зная, что принудительно загнать в понятия этот типчик никого не вправе. Светским тоном произнес:

– Значит, господин Демидов, вы меня непременно уведомите, как только появится подходящий граммофон... И непременно с никелированной трубой...

Раскланялся с насупившимся Эрастычем и вышел беспрепятственно, никто не попытался его задержать – с какой стати? Прав таких не имеее, соколы, тут, как уже подчеркивалось, не лаборатория по разбодяживанию кокса зубным порошком...

В торговом зале, как и следовало ожидать, наблюдалась картина, чувствительно царапавшая душу всякому антиквару: продавец Веня сидел в уголке с видом унылым и безрадостным, и его о чем-то расспрашивали двое в штатском – а милиционер в форме (сразу видно, в игре не участвует, прихвачен ритуала ради), с нескрываемым интересом разглядывает статуэтки-картины и прочие безобидные декорации, ничему такому не

подлежащие. Пройдя мимо него, как мимо пустого места, Смолин вышел на улицу и, добравшись до машины, какое-то время посидел, приводя наблюдения в систему.

Точно, кампания. Не бывает таких совпадений, хоть ты тресни. Очередная кампания обрушилась на шантарский антикварный рынок, как циклон на пальмы. Как и пальмам, выстоять нужно, не позволить, чтобы с корнем выворотило...

Майор ему не понравился чрезвычайно. Смолин предпочитал тех гончих, что напускают форсу и страху, изображают из себя нечто среднее между Терминатором и Господом Богом: я, дескать, персона, а вы, соответственно, шпана, так что стоять-бояться! И выглядят грозно, и реальных пакостей сделать могут немерено, однако житейский опыт показывает: чем хамовитее и выпендреее мент, тем он безопаснее. Потому что особенным умом, как правило, не блещет, все его ужимки и прыжки легко просчитываются наперед.

Майор – дело другое. Не строит из себя ни великого сыщика, ни чудище клыкастое, наоборот, чуточку недотепистым смотрится, а глаза-то – умные. Значит, опасный...

Смолин вздохнул и включил мотор.

Минут через двадцать он не спеша поднимался на третий этаж достаточно респектабельного дома практически в самом центре Шантарска: недавней постройки, улочка тихая, фасад выходит на тихий парк, где в центре красуется который десяток лет бюст героического матроса Кутеванова. Престижный район, спокойный. Повезло девочке со съемной квартирой... как по заказу везение, а?

Он позвонил, и дверь открыли, не утруждаясь вопросами. И зрелище предстало... Даже если насмотрелся подобного за свой мафусаилов век, равнодушным не останешься, если с заполнением кровью пещеристых тел все обстоит в норме.

Ах, что за прелесть стояла на пороге с самым невинным видом: коротенький шелковый халатик на голое тело, волосы изящно распущены, дорогие парфюмы витают, макияж в среднюю бабушкину пенсию обошелся...

Да вдобавок смазливенькая мордашка озарилась такой радостью, словно Дашенька наша час по потолку бегала в нетерпении, дожидаться не могла, когда ее осчастливит своим визитом сам Смолин Василий Яковлевич...

Одним словом, все это, вместе взятое, моментально заставило Смолина еще более подобраться и преисполниться самой что ни на есть

волчьей осторожности. Излишней скромностью он не страдал и всегда полагал себя отнюдь не серым мышонком – но все же не был тем суперменом, ради коего очаровательная девица приводит себя в столь маняще-сексуальный вид и взирает с таким пылом, будто готова отдаться здесь же, в прихожей, даже домашних тапочек не снявши.

Следовательно, что мы имеем? А имеем мы, как нетрудно просечь, довольно примитивное актерство, и не более того. Что-то ей нужно... а что ей может быть нужно? Ответ, кажется, на поверхности...

Смолин вошел следом за Дашей в однокомнатную, но просторную квартиру, чье окно аккуратно выходило на аллею, упиравшуюся в бюст героического балтийца – точнее, в спину такового, лицом-то он был обращен к областной администрации, в не столь уж древние времена, как легко догадаться, бывшей обкомом партии (по этому поводу давным-давно кружили стандартные для любого советского города анекдоты: мол, за народом приглядывать нечего, а уж за *этими* нужен глаз да глаз).

Он уселся, мимолетно отмечая вокруг многочисленные признаки если не роскоши, то уж, безусловно, зажиточности: отделка, люстра, мебель, паркет... *Такие* гнездышки если и сдают внаем, то людям не случайным и за особенно крутые маны, сделал он вывод. А то и не обязательно сдают. В таких вот гнездышках денежные дяди своих лялечек и поселяют... Версия?

– Выпьете, Василий Яковлевич?

– Я за рулем, – развел он руками.

– Кофе?

– А вот это с удовольствием.

Дашенька упорхнула в кухню – двигаясь, как подметил Смолин с уверенностью уже обжившегося здесь человека. Он спокойно встал, подошел к застекленному высокому шкафчику – или как там эта роскошь именовалась, – присмотрелся к небольшим фарфоровым фигуркам на полочках.

И уважительно покачал головой. Кем бы ни был здешний хозяин, толк в *хороших* вещах он безусловно понимал: трудно, конечно, делать окончательные выводы, наблюдая фигурки сквозь стекло и не беря в руки, но все же чрезвычайно похоже, что там, на полочках – не поздние повторы, а именно что оригиналы. Несколько гарднеровских фигурок, довоенные работы Данько и Кустодиева, невидная вроде бы, парочка совушек высотой с указательный палец (несомненный Ризнич, за полторы штуки баксов с руками оторвут, только свистни)... а это, к бабке не ходи, германский «бисквит», причем вторая половина девятнадцатого столетия – *таких* повторов попросту не бывает пока... Копятся факты, копятся и в какую-то

очень неприятную сторону дело заворачивает...

«Сова» работы И.Ризнича

– Нравится?

Он обернулся – без излишней поспешности, конечно, не за каким-то позорным занятием застукан, слава богу.

– Нравится, – сказал спокойно. – Повезло вам, Даша, с квартирой, я вижу...

– Да, – сказала она, не моргнув умело подведенным глазом. – Подружка уехала на лето... Садитесь, вот кофе.

Ну разумеется, мысленно процитировал Смолин своего любимого автора детективов – подружки для того и существуют, что бы на них ссылаться... Опустился в низкое кресло, взял чашку – не антикварную, однако не из дешевого ширпотреба. Ну да, у такого хозяина и кухня должна быть обставлена соответственно.

Дашенька устроилась в кресле напротив, небрежно закинув ногу на ногу, отчего зрелище представало вовсе уж приятное. Играла, конечно, стервочка, но без дурной театральности – как-никак институт искусств, пусть факультет и не актерский... Рассуждая спинным мозгом, неплохо было бы попытаться снять с нее этот лоскуток и уложить прямо на ковер – но вот спинным мозгом-то как раз пользоваться и не следует, вокруг заворачиваются дела серьезные, понять их так и не удастся пока, но что-то неладно...

– Итак? – спросил Смолин, светски прихлебывая кофе и светски улыбаясь. – Я так понял, что-то случилось?

– Ну, не вполне...

– Вы говорили, нужен мой совет...

– Можно и так сказать, – прямо-таки лучась очарованием, ответила Даша и еще более светски омочила алые губки в кофее, поглядывая на Смолина поверх чашки так невинно, обольстительно и чарующе, что впору

бы и обомлеть.

Кому-нибудь помоложе и поглупее, не жеванному жизнью на шестьдесят четыре зуба... и я, кажется, имею на примете кандидатов, подумал Смолин. Что их долго искать-то...

А впрочем, он и не собирался сидеть с каменным выражением лица. Чтобы подыграть должным образом, явственно расслабился и обозначил на лице классическую мужскую одурелость, открыто таращась то туда, где невесомый халатик пикантно распахнулся, то туда, где его не имелось вовсе. И вскоре убедился по кое-каким нюансам девичьей мимики, что Дашенька, несомненно, с торжеством подумала нечто вроде: «Готов, старый хрен, пустил слюнки...» Маленькая и глупенькая, что поделать. Не успела еще уяснить, что неглупый мужик параллельно с пусканием слюнок способен думать совершенно о другом. Хотя... Иные вполне взрослые дамы пребывают в плену тех же заблуждений – будто тупые мужики не способны одновременно пожирать глазами дамские прелести и цинично думать о чем-то постороннем...

– Итак? – спросил Смолин.

– Василий Яковлевич, я вас заочно уважаю и ценю как большого профессионала...

Точно рассчитанная пауза. Точно рассчитанный томный взгляд. Точно рассчитанное небрежное движение, заставившее халатик распахнуться еще приманчивее. «Что ж ты такая дура-то? – подумал Смолин. – Скучно уже становится...»

– И только-то? – спросил он удрученно. – Было бы лучше, окажись вы, Дашенька, в меня тайно влюблены. Мечта стареющего мачо – чтобы в него оказалась тайно влюблена очаровательная девушка вроде вас...

– Как знать, как знать... – отозвалась нимфетка, глядя зазывно и лукаво.

В разговоре явственно обозначился тупичок. Не настолько Смолину было приятно сидеть напротив полуголой девицы и чесать язык – да и она, судя по глазам, чуточку тяготилась пустой болтовней.

– Так что там за дело? – сказал он не без настойчивости.

– Дело... Дело действительно серьезное. Василий Яковлевич, вы случайно не в курсе, куда делись... куда делась дедушкина коллекция?

– А почему именно я должен быть в курсе? – моментально отозвался Смолин голосом самым что ни на есть удивленным, глядя до омерзения открыто и честно. – Ваш дедушка, Дашенька, был стариком скрытным и подозрительным, это всем известно и вам наверняка тоже. О его коллекции самые фантазийные слухи ходили, а вот в натуре ее никто и не видел.

Как и я...

– Вы уверены?

– Ну разумеется, Даша...

– А мне вот кажется, что это именно вы ее забрали...

– Креститься надо, ежели кажется, так старики бают...

– Я серьезно, Василий Яковлевич. Есть сильные подозрения, что именно вы ее забрали. Вы были последним, кто дедушку видел живым...

– Ну и что? – Смолин улыбнулся насколько мог беззаботнее. – Неужели у вас в голове – старые классические романы? Роковые тайны, выданные на смертном одре, прерывающийся шепот умирающего: «Два шага на восток от мельницы, потом еще десять – в сторону раскидистого дуба, там и нужно копать, когда тень в полдень упрется в сортир...» Глупости какие.

– Может быть, – сказала она, глядя серьезно и цепко. – А может, и нет. Коллекция у вас.

Смолину надоело играть в дипломатию.

– Ну, а если бы даже? – спросил он без улыбки. – Нет, я ничего не утверждаю, я просто абстрактно теоретизирую: возможно, не исключено, вероятно... И что в этом случае? Что следует делать на данном историческом этапе?

– Поделиться, – сказала Даша твердо. – Я девочка неглупая и жизнь чуточку знаю, в с ё вы не отдадите просто так. Но хотя бы половину.

– А на меньшее, значит, не согласна?

– Никоим образом. Половину.

– А мотивы и основания?

– Это мой дедушка. Родной.

– Тысячу извинений, прелестная моя, но это никакой не мотив и никакое не основание, – сказал Смолин. – Ну, ваш, ну, родной, роднее не бывает... И что? Родственные связи, знаете ли, еще не означают автоматически права наследования.

– Означают.

– Ну, предположим... В некоторых, четко прописанных законом случаях. В *некоторых*. Собственно говоря, Даша, вы и заикаться не можете о том, что вам что-то принадлежит из дедушкиного имущества, если нет прямого завещания, пока живы ваши родители. Вот они, согласен, могли бы кое на что претендовать... они, но не вы. Они что, вас уполномочили со мной вести этот разговор?

– Нет, конечно.

– Вот видите. У меня есть дурацкая привычка, Даша. Стараюсь

соблюдать законы скрупулезнейше. От и до. Если нет четко оговоренных условий завещания, та же квартира автоматически переходит вашим родителям. Но мы-то не о квартире, верно? Мы о неких коллекциях...

которых, собственно говоря, никто никогда не видел. Или вы видели?

Она промолчала. Неотрывно смотрела на Смолина уже без тени кокетства. Потом сказала:

– И все равно, если по справедливости, нужно поделиться...

– А если все мне оставлено? – спросил Смолин тихо. – Вот, предположим, именно так дело и обстоит. Поверьте моему честному слову. Любой может оставить нажитое кому угодно: черту в ступе, Джорджу Бушу, программе «Комеди клуб», Обществу защиты животных... а также любому индивидууму независимо от гражданства. И что?

– Вы и так не бедствуете. А у меня – шаром покати.

– Милая, ну это уж тем более не мотив, – сказал Смолин серьезнейшим тоном. – У вас ничего, а у меня до хрена, так что извольте поделиться... Шаткая идеологическая основа. В советские времена и то смотрелась бы несерьезно, а уж теперь, в эпоху рынка и индивидуализма... Вы, простите меня, никак не убогий дошколенок, которому позарез нужны деньги на операцию в Женеве, без которой он через месяц умрет... Здоровы, красивы, учитесь в хорошем заведении, руки-ноги на месте, ума палата... Извольте уж добиваться своего сами. Я не филантроп, честно...

Она гибко выпрямилась и, подойдя танцующей походкой, уселась на широкий подлокотник смолинского кресла. Халатик распахнулся вовсе уж откровенно.

– Василий Яковлевич, – сказала Даша, глядя ему в глаза с легкой, циничной ухмылочкой. – Мы что, никак не можем договориться? Я – девочка без комплексов, а вы – нормальный мужик, у вас давненько уж стоит, чего там... Попробуем найти консенсус? На долгий срок... Если хотите.

– Дашенька, вы прелесть, – сказал Смолин искренне. – И у меня действительно стоит со страшной силой, чего там... Но вот проклятые годы, знаете ли... Того, что вы мне предлагаете, я уже повидал достаточно, чтобы платить такую цену... Циник я, деловой человек... Простите великодушно, не получится...

«А если она наш разговор *пишет*? – мелькнуло у него в голове. – Ну и хрен с ней, я не сказал ничего определенного, всё общими фразами, обтекаемо, теоретически, абстрактно...»

– Я ведь из тех уродов, – сказал он, – для которых на первом месте – дело, а уж потом все остальное. Четверть века назад... да, четверть века

назад вы бы меня, пожалуй, *сломали* ... но не сейчас.

Девушка какое-то время пытливо смотрела ему в глаза – без малейших эмоций на очаровательном личике. Потом встала, запахнула халатик, отошла и остановилась словно бы в задумчивости. Села, одним рывком – как алкаши водку – влила в рот содержимое кофейной чашки. Подняла глаза:

- Но ведь обернуться может по-всякому...
- То есть? – спросил Смолин, ощутив легкую скуку.
- Милиция может заинтересоваться...
- Кто-то накатает на меня жалобу? В краже обвинит?
- Может быть.

– В краже чего? – уже откровенно ухмыляясь, поинтересовался Смолин. – Ладно, представим, что завтра некий враждебный элемент накатает на меня заявление, будто я украл... Что? Чует мое сердце, Даша, не имели вы никогда пересечений ни с милицией, ни с судами. Первое, о чем они заявителя попросят, будь он им хоть отцом родным, – указать точно, что именно злодейски выкрадено. Ну, допустим, шпага Бонапарта с золотым эфесом и матерным словом на клинке, нацарапанным русским казаком после взятия Парижа. Кофейник китайского фарфора с изображением цветущей над пагодой вишни, и, соответственно, полдюжины чашечек в том же стиле. Орден «За взятие девственницы» первой степени с бантиком сбоку. Подсвечники старинные – три. Куртки замшевые – три. И так далее. А без деталей, без конкретики никто и разговаривать не станет. Учитываете эти нюансы?

Судя по тому, как она зло поджала губки, к словам Смолина отнеслась всерьез. Умная...

– А вам не приходило в голову, что может обернуться совсем по-другому? – спросила она вдруг. – Что вас заставят поделиться? Могут ведь сложиться условия, когда и вы в милицию не побежите...

Вот теперь ему стало окончательно скучно, Смолин едва не рассмеялся ей в лицо.

– Господи, Даша... – сказал он, откровенно ухмыляясь во весь рот. – Это вы, прелестная, романов начитались. В мягких обложках, с броскими названиями: «Бешеная супротив Горбатого», «Роковые брильянты и сыщик Фанерин»... Так давно уже дела не делаются, по беспределу...

– Вы уверены?

– Господи ты боже мой, – сказал Смолин. – Нет, серьезно, вы меня пытаетесь пугать? Вы – меня? Даша, ну не надо такой уж клоунады...

– А если я не шучу? – спросила она резко.

– Даже если вы не шутите... – протянул Смолин. – Даже если вы не шутите, то выбрали не того человека. Серьезно. Мне очень жаль, но помочь ничем не могу...

– Я вас последний раз добром прошу...

Смолин легонько напрягся, готовый ко всему – но тут же посмеялся мысленно над собой: никак не походило, что сейчас на сцене появятся новые действующие лица. Неоткуда им появиться: шкаф маловат, чтобы в нем кто-то мог прятаться, диван чересчур низок, не похоже, чтобы где-то имелась потайная дверь, из которой вот-вот повалят хмурые мордовороты. К двери он сидел лицом, так что...

– Увы... – развел он руками.

– Ну, тогда пеняйте на себя...

– Да это настоящая мелодрама, – сказал он. – Индийское кино... или мексиканский сериал, а? Дон Падло, поправив сомбреро, закурил, волнуясь, сигарилью и сказал убитым голосом: «Дочь моя, теперь я вынужден открыть страшную тайну, двадцать лет спустя после твоего рождения – ты не дочь моя, а сын мой...» Все в обмороке, включая попугая на ветке...

Шутки кончились. Дашенька выпрямилась в кресле, меряя его ненавидящим взглядом: убила б, если б могла, никаких сомнений... Видя такое дело и прекрасно понимая, что брифинг кончился антиконсенсусом, Смолин, не теряя времени, встал и начал продвигаться к двери – вполоборота к ней, зорко следя, чтобы не накинута вдруг, не проехала ногтями по роже. Заорет, что ее насилуют, сбегутся соседи, и отмывайся потом... Прием затрепанный, но эффективный чертовски...

Если ей тоже пришла в голову эта мысль, то именно *сейчас* – Даша вскочила, дернулась в его сторону с оч-чень решительным видом. Но Смолин был уже в прихожей. Быстренько повернул головку замка, дверь, слава богу, открылась. Он резким рывком захлопнул ее за собой (постаравшись тем не менее не наделать шума) и быстро пошел, почти побежал вниз.

В подъезде никто не заступил ему дорогу, никто не подошел на улице. Что бы у нее ни было на уме, на данный момент она ничего такого не запланировала – о чем, быть может, ужасно в данную минуту сожалела, соплюшка долбаная...

До своей машины Смолин добрался совершенно беспрепятственно, никем не перехваченный и не побеспокоенный. Однако это еще не значило, что разговор следовало забыть, а если и вспоминать, то со смехом, иронизируя над алчущей девицей возжелавшей резко разбогатеть...

Вот уж наоборот – он отнесся ко всему крайне серьезно. Потому что волчьим чутьем просекал присутствие неподалеку кого-то еще. Должен быть еще кто-то, обязан: тот, кто ее тут поселил, тот, кто ее, несомненно, трахает... кто-то небедный, вполне вероятно, решительный... и тоже желающий резко увеличить свое благосостояние. Девочка не дуркует – кто-то за ней стоит серьезный... как же его вычислить-то? Не стоит праздновать труса – но и беспечности допускать не след. Иначе оглянуться не успеешь, как окажешься по уши в проблемах.

Он был не настолько погружен в свои мысли, чтобы не заметить вишневую «восьмерку» со знакомым номером, притулившуюся у въезда во двор. Медленно-медленно проехал мимо – и увидел внутри, благо стекло было опущено полностью, как раз волосатика Мишеньку. Студент не обратил на Смолина ни малейшего внимания – сидел, вперившись взглядом в Дашкин подъезд, с определенной тоской во взоре. Ну, это мы учтем, подумал Смолин, выезжая на улицу, мы с тобой, ботва, обязательно потолкуем, когда время будет подходящее...

Итак... Кто-то за Дашкой, безусловно, стоит. Вопрос только, что этому типу от жизни нужно, насколько далеко он способен зайти, вообще, на что он способен. Столько в жизни случилось всякого, что паниковать не след – и хуже бывало...

Глава 4

Поганые сюрпризы и интересные открытия

Никак нельзя сказать, что Смолин разнервничался, потерял самообладание и пал духом, что он летел сломя голову, не замечая ничего вокруг. Нормально ехал, со скоростью потока – и руки на руле не дрожали, и сердце не заходило в панике. Но все равно, ощущения были не из приятных: коли уж только что воспоследовал звонок Маришки, из условленной фразы коей следовало: в магазине – менты. Маришка, конечно, умом не обременена, но женской хитростью наделена в избытке и вряд ли способна попутать основополагающие условленные фразы...

Ну вот, пожалуйста! Перед входом в магазин красовались два жигуля излюбленного шантарскими операми облика – с затонированными под антрацит стеклами, да вдобавок еще одна тачка бело-голубой раскраски, с соответствующими надписями и мигалками на крыше. Нет, ничего девка не попутала...

Едва он распахнул дверь, навстречу ему выдвинулся обмундированный молодой человек и хмуро сообщил:

– Закрыто, гражданин...

– Пропусти, пропусти, – раздался знакомый голос, исполненный некоторой насмешки. – Проходите, Василий Яковлевич, гостем будете...

Смолин огляделся с порога. Летягин расхаживал у прилавка, озираясь с наигранным удивлением провинциала, впервые в жизни узревшего столько редкостей сразу. Гоша (на каковом лица не было) сидел в дальнем углу, и перед ним на стеклянной витрине лежали бумаги официального вида, а перед витриной помещались два индивидуума в штатском (одного из них Смолин уже видел у Эрастыча). Дверь в служебные помещения оказалась распахнута, слышно было, как там громко переговариваются, побрякивая и позвякивая железом.

Все было ясно с полувзгляда, и к бабке-колдунье не ходи. Смолин, глянув на поникшего Гошу, едва справился с приливом самой что ни на есть лютой злости: предупреждал ведь, русским языком и членораздельно, знал ведь, поганец, что трясут все подряд магазины...

– Чем обязан? – спросил он хмуро.

– Неладно получается, Василий Яковлевич, – сказал Летягин, на сей раз без тени шутиливости. – Только что торганули в вашем магазине холодным оружием в количестве одной единицы, что и было установлено

посредством контрольной закупки...

Уточнений не требовалось: один из оперов как раз принялся старательно наводить видеокамеру на упомянутое оружие – лежавший перед Гошей паршивенький военно-морской кортик, вещь в антикварном обороте обыденнейшую: с кнопкой, то есть после сорок восьмого года выпущен, раритетом никак не является, в свое время, когда ликвидировали ввиду причудливой игры случая обосновавшуюся под Шантарском военно-морскую часть (был такой уникум, рожденный волею советского Министерства обороны), таких кортиков чуть ли не грузовик продали на сторон у, всё, что на складе нашлось...

Смолин хорошо рассчитанным жестом поднял брови:

– Холодное оружие? А вы это, простите, прямо здесь установили? В сжатые сроки? Может быть, и заключение экспертизы покажете?

Летягин смущенным не выглядел ничуть:

– Ну, простите великодушно, оговорился... Скажем, был продан предмет, имеющий несомненное сходство с одним из образцов холодного оружия, состоящего на вооружении... Вас устроит?

– Безусловно, – столь же вежливо ответил Смолин. – Однако есть и другие несообразности... Вы будете утверждать, что «имеющими сходство предметами» торгует именно магазин? Вот с этим позвольте не согласиться.

– Ваше право, – пожал плечами Летягин. – Спорить не стану, молодой человек объясняет, что это его личный предмет, и продал он его исключительно по своей собственной инициативе, чтобы деньги положить себе в карман и использовать на личные нужды... Но все равно получается не вполне законно, согласитесь. Торговля такая, если вы не в курсе, Уголовным кодексом характеризуется как преступление, акт купли-продажи совершен в вашем магазине... к тому же в подсобных помещениях у вас мы обнаружили еще несколько... предметов, имеющих несомненное сходство с холодным оружием. Так что, не взыщите, придется провести целый комплекс мероприятий... Осмотр, изъятие и тому подобное... Право на это у нас есть. Вам статьи цитировать развернуто?

Смолин, глядя ему в глаза, улыбнулся почти беззаботно:

– Не надо мне ничего цитировать. Я человек законопослушный, и если представитель власти ручается, что имеет право – чего уж тут... – он сделал широкий жест. – Будьте как дома...

– Я, честное слово, душевно тронут, – раскланялся Летягин. – Не часто в наше сложное и беспокойное время встретишь человека со столь ярко выраженным правосознанием...

– Чем богаты, – сказал Смолин. – Поприсутствовать разрешите?

– Ну разумеется, настаиваю даже... Ваше право.

В голове у Смолина щелкал точнейший калькулятор. Ничего *настоящему* «тяжелого» в магазине им не отыскать, пусть хоть до рассвета роются. Нету-с! Карабинчик мосинский, в углу его кабинета прислоненный, засверлен должным образом и ударника лишен. Другое скверно: из дюжины единиц холодняка насчет восьми уже сговорено с покупателями, трое даже авансы оставили, а еще двое расплатились и вовсе полностью... причем пять предметов чужие, на реализацию взяты... Неприятно получилось, одним словом... Перед людьми неудобно. Они, все до одного, не случайные приبلудыши – свои, понимающие, в теме и в формате, поймут правильно и слова не скажут, но все равно, нескладно как-то вышло... Все вернем, обязательно, но сколько времени пройдет и сколько нервов выгорит...

– Лицензии на торговлю холодным оружием у вас не имеется, – негромко произнес стоявший рядом Летягин.

– Я им не торгую, потому и лицензии не имею, – сказал Смолин, не оборачиваясь к собеседнику.

– Понятно, понятно, никто вас и не обвиняет... А лицензия на торговлю изделиями из драгоценных металлов?

– Аналогично, – сказал Смолин. – Не торгую, потому и не имею.

В сейф тоже полезут, калькулировал он тем времени. А как же иначе? В сейфе, ясен пень, найдется немало *рыжся*. Его тоже со временем удастся назад выцепить, но опять-таки время и нервы, половина монет опять-таки на реализацию взята... С-суки, козлы...

Майор Летягин прохаживался вдоль стены, с неподдельным восхищением озирая потемневшие полотна с идущими на всех парусах кораблями и живописными пейзажами, церковные колокола, граммофоны и прочий хлам.

– Интересно тут у вас, – сказал он чуть ли не растроганно. – Столько старины... Так и не уходил бы...

– А оставайтесь, – предложил Смолин нейтральным тоном. – Сторожем оформим, зарплата-то не ахти?

Майор уколол его взглядом, но промолчал.

...Убрались представители власти только часов в восемь вечера, когда справились наконец. Вместе с ними, как и следовало ожидать, на законнейшем основании улетучился весь холодняк и все золотые монеты, взамен чего осталось изрядное количество официальных бумаг. Каковые Смолин тут же прочитал самым внимательным образом, выискивая

проколы. И выискал, конечно – целых семь мелких проколов, любой из них опытный адвокат сможет раздуть до исполинских размеров, всячески обыгрывая и само число. *Целых семь, ваша честь...*

Хоть что-то приятное в этой жизни, а? Тяжко вздохнув, Смолин сложил бумаги аккуратной стопочкой, многозначительно прокашлялся, подняв глаза на Гошу. Тот торчал у стены, явно пытаясь стать меньше ростом, горько сожалея, что не может на манер мышки юркнуть под плинтус.

Осторожненько вошли добры молодцы – Шварц, Кот Ученый и Фельдмаршал. К магазину они прибыли один за другим уже давненько, в разное время, ментовскую суету заметили сразу – а потому и нарезали все это время круги вдалеке по присущей всем троим скромности характера...

– Давайте в кабинет, – сказал им Смолин, предупреждая естественные в таком положении вопросы. – Я тут занят пока...

Он медленно двинулся в сторону Гоши, усмехаясь весьма недобро, постукивая сжатым кулаком по левой ладони. На ходу цедил сквозь зубы:

– Тебя ж предупреждали, придурок жизни... Ведь знал прекрасно, что менты трясут антиварку сосредоточенно и методично... Блядь, ну у меня слов нет – погореть из-за кортика паршивого, взявши пять штук рублями...

Гоша потихонечку пятился, пока не уперся спиной в огромный сервант довоенных времен, только что прибывший из реставрации, – и отступать стало некуда по самым что ни на есть техническим причинам. Смолин надвигался, крутя головой:

– И все бы ничего, но как над тобой камера хохотать будет – все равно что трусы с веревки стирить... Пять штук!

Оказавшись вплотную с проштрафившимся продавцом, он остановился, глядя все так же грозно. Гоша, судя по лицу, уже смирился с грядущим воздействием на организм. Вот только Смолин руки распускать не собирался: как-никак свой парень, давний сотрудник, проверен в большом и в малом, а таких трудно искать и воспитывать, антикварный бизнес в этом плане – штука консервативная. Да и потом, если вспомнить все случаи, когда прожженные волки горели на сущей ерунде...

И все же в воспитательных целях он еще какое-то время постоял с грозным видом, держа Гошу в неизвестности. Посчитав, что моральная экзекуция состоялась, разжал кулаки и похлопал удрученного парня по плечу:

– Ну ладно, не буду, что ты уж... Не смертельно. Как-нибудь переживем, бывало и хуже... Тем более ты, цинично говоря, контору не подставил, а исключительно себя. Хвалю. Так и должны поступать

настоящие пионеры или там скауты...

– Я ж не дурак... Понимаю насчет групповухи...

– Молодец, – сказал Смолин серьезно. – Правило все брать на себя не из романтики придумано, а по причинам, насквозь практическим... Ладно. Вытаскивать мы тебя, конечно, будем, что ж с тобой делать... Как все было?

Сначала сбивчиво, потом все более приходя в себя, Гоша поведал стандартную, в общем, историю: заглянул в магазин мужичок, весь такой из себя компанейский, душа нараспашку, тельняшечка из-под рубашки, улыбка на шестьдесят четыре зуба. Слово за слово, и выяснилось, что один бывший мореман хочет сделать подарок на день рождения другому бывшему мореману, с которым вместе якорную цепь от ржавчины напильником чистили и акул шваброй отгоняли от секретного радара в носовом бульбе. Денег в обрез, так что желательно что подешевле, но непременно настоящее... Ну, а дальше и слушать не стоило. Стандарт. Хотя до сих пор ловятся, ловились и ловиться будут.

– Главное, сука, выглядел убедительно...

– Чего ж ты хочешь, – сказал Смолин задумчиво. – Ему положено. Значит, толковый опер, это тебе не мочалка с орденом Ленина и «обнищавший профессор», которых за версту видно... Что в объяснительной написал?

– Как было...

Смолин досадливо поморщился:

– Дети малые, ей-богу, поколение непуганых идиотов... Я понимаю, что тебя, целочка ты наша, впервые в жизни менты прижучили, но надо ж было думать...

– А что мне оставалось?

– Слушай внимательно, – сказал Смолин с расстановкой. – Они тебя вскоре же потянут на увлекательную процедуру под скучным названием «возбуждение уголовного дела». А до тех пор никто и не мог тебя письменно предупреждать об уголовной ответственности за дачу ложных показаний... Ведь ничего такого не было?

– Не было...

– Вот видишь... Запоминай. Показания ты напишешь новые. И дело было так: покупатель этот сраный сказал, что хочет показать кортик второму, который сидит в машине и по каким-то своим причинам в магазин зайти не может. Ты, не питая особого доверия к человечеству, согласился, но взял с него залог в пять тысяч рублей – чтобы не так обидно было, если он драпанет с раритетом. Усек? Так и было. И брал ты с него залог.

Другими словами, никакой такой «продажи» не имело места быть. Уяснил?

– Ага. А если спросят...

– Почему ты сначала объяснял так, а потом – этак? Ну конечно, спросят, они ж не дураки, службу знают... Вот тут ты будешь стоять на своем, как монумент: первую объяснительную накропал, будучи в состоянии сильного душевного волнения... только словечки сам подбери, не такие казенные, чтоб не шпарить канцеляризмами... В общем, с тобой впервые в жизни случилась такая неприятность, ты разволновался, себя не помнил, окружающее воспринимал плохо – вот и накатал под диктовку навалившихся на тебя ментов, что говорили. А теперь опомнился, трезво все взвесил, вспомнил, как было на самом деле... и уж с этого не сходить, ясно?

– Они ж поймут...

– Ну конечно, поймут, – сказал Смолин, ухмыляясь почти весело. – Они и не такое видали-слыхали... Только как они тебе докажут – и, главное, судье, – что все происходило не так, как ты толкуешь, а именно так, как они утверждают? Твое слово супротив ихнего, и не более того. Если они не писали разговор и не снимали... да нет, я уверен, ни того, ни другого. Во всех трех предшествующих случаях не было ничего подобного. Прокатит. Главное, стой на своем и помни накрепко: добровольное признание и сотрудничество со следствием ничего не облегчают, а наоборот, отягощают... Ну, и вытаскивать тебя будем со страшной силой. Отмажемся, не впервые... Топай домой, выпей малость, отоспись – и готовься барахтаться, как та лягушенция в крынке со сметаной...

Он ободряюще похлопал по плечу чуточку повеселевшего Гошу и, не оглядываясь более на него, направился в кабинет. Еще издали слышно было, как Кот Ученый, мастерски вывязывая семиэтажные конструкции, кроет все правоохранительные органы, сколько их ни есть на свете, и шантарские в частности. Причины были самые житейские: после инвентаризации содержимого Кащеевых закромов Смолин выделил всей троице кое-какую долю – скорее малую премию. Премия Хижняка как раз и олицетворялась в достаточно редком и недешевом клиночке, помимо прочего – и клинок этот он поленился нести домой, оставил здесь, где его вкупе с другими и прихватили стражи закона.

– Матом горю не поможешь, – сказал Смолин, встав в дверях. – Равно как и прочим красноречием. Вообще, орлы, скажу вам честно – сам по себе недавний инцидент меня в данную минуту не особо и интересует. Тяжелее бывало, однако ж выстояли... Действовать надо – но в другом направлении...

Каждому из них по отдельности и всем вместе Смолин доверял абсолютно. Они не работали у него на зарплате и, если докопаться до корней, никак не были теми, кто пышно именуется «друзьями». Они просто-напросто черт-те сколько лет были с ним повязаны общим развеселым бизнесом, и в доле бывали сплошь и рядом, и услуг друг другу оказали немало. Короче говоря, наличествовало то, что порой крепче дружбы, – спаянная общим интересом команда...

– Пацана, собственно, и без нас вытащат, – сказал Смолин. – Мы тут – сбоку припека, стараться будет умный дядька адвокат, и флаг ему в руки. Меня сейчас другое интересует. Чертовски хотелось бы ошибиться, но не могу я, други и соколы, отделаться от впечатления, что за кулисами притаился некто новый. Что скромненько маячит в отдалении какой-то игрок, о котором мы ни черта не знаем, – а вот он о нас знает больше, чем хотелось бы... Кто-то еще влез в игру.

– Да я и сам прикидываю... – сказал Фельдмаршал.

Другие двое покивали: времени обдумать все происходящее хватало, так что обошлось без долгих споров и обсуждений.

– В конце-то концов получится один пшик, – сказал Смолин. – Никого всерьез не посадят, никого чувствительно не прищемят, даже все конфискованное рано или поздно им придется вернуть. Нервы, правда, попортят надолго и качественно, но я не о том... Общая ситуация мне не нравится. Чем бы там ни кончилось, а шантарский рынок холодняка уже фактически парализован. И в этом поганом состоянии будет пребывать еще долго. И потому, что долго теперь будем шараться от каждого куста, и оттого, что выцеплять назад все отобранное будем долгонько... Все магазины перешерстили...

– Кроме Врубеля, – равнодушным тоном произнес Фельдмаршал.

– То есть?

– У Врубеля получился облом, – продолжал Фельдмаршал. – Я как раз узнал и приехал рассказать... Короче, когда они подсунули к Врубелю в «Раритет» засланного казачка – точнее, двух, – сам Врубель отсутствовал по причине очередного запоя, а его девки что-то просекли и ничего такого не продали... Будь сам Врубель на месте, он бы залетел, конечно, у него ж по пьянке ни предохранителей, ни тормозов... Повезло придурку.

– Повезло, – медленно произнес Смолин.

Вот оно, значит, как... Все залетели, кроме Врубеля... Смолин сталкивался и с более невероятными совпадениями – происходившими по самым естественным причинам, – но все равно, остался некий осадок, как в известном анекдоте. Как-то неправильно было, что чистеньким остался

самый гнилой шантарский антикварщик, коего, откровенно говоря, не любили за многочисленные подлянки, косяки и провинности. Скорее уж ему полагалось бы, исходя из обычной практики, залететь первым – уж он-то, будучи застигнут «казачками» в бухом состоянии, не только с ходу толкнул бы им нечто компрометирующее, но и в закрома провел бы, наговорил бы себе с ходу на две уголовных статейки и полдюжины административных...

– Ладно, – сказал Смолин. – Черт с ним, с Врубелем, у меня сейчас не о нем голова болит... У нас, джентльмены, все-таки есть один несомненный след: Дашенька Бергер. Боже упаси, я ее никак не связываю с происходящим, но есть еще и другой аспект: она-то как раз сейчас и олицетворяет своей персоной ту новую, странную, непонятную возню, что имеет место быть на антикварном рыночке нашем... Кто-то еще есть, кроме нее, зуб даю. Сама-то она, судя по всему – на подхвате, сама не стала бы лезть к вдове. А она лезет, активнейшим образом.

– А почему сразу – не стала? – пожал плечами Кот Ученый. – Девка умная, дедушка поднатаскал, соображает, что к чему...

– Квартирка, – сказал Смолин. – Квартирка эта вылезает за рамки. Это, режьте меня, никакая не съемная квартирка, это хатка человека небедного и в антиквариате разбирающегося. И фарфор там интересный, и пара картин на стене не нашими охотниками на туристов из-под «Детского мира» писана... Все это, в сочетании, как раз и настораживает...

– Есть одна загвоздка, – сказал Фельдмаршал, чья простая мужественная физиономия как раз отражала сейчас усиленную работу мысли. – Если ею крутит кто-то старший и умный, ни за что не согласился бы на такую дурь: сдавать награды из Кащеевой квартирки в первый попавшийся магазин, по собственному паспорту этого самого Михулы...

– Вообще-то она могла это и по собственному почину проверить, – возразил Кот Ученый. – Не отчитываясь. Рассчитывала найти в дедушкиной хатке несказанные сокровища, а когда наткнулась на хлам, столкнула его через Мишу, чтобы хоть копеечку поиметь... Она ж, Степа, маленькая, откуда у этой сопли хватка...

– Абстракции это все, – вклинился давно мечтавший об этом, по физиономии видно, Шварц. – Теория. Волонтаризм и декаданс. Ничего мы не добьемся, переливая из пустого в порожнее. Взять бы эту Дашеньку, сунуть ей в трусики паяльничек и поспрошать душевно... – он поднял лапищу, видя, что остальные двое так и подались к нему, разевая рты. – Это я так, чисто теоретически, я ж не идиот, и мы не в кино... Но какое-то действие не мешало бы произвести, потому что ничегошеньки мы не

добьемся пустыми разговорами...

– Точнее?

– А что – точнее? – ухмыльнулся Шварц. – Самих светиться никто не заставляет... но мало ли что можно поставить? Рабочую наметочку хотите? Эту проشمандовку ловят в подъезде двое совершенно незнакомых ей организмов самого бандитского вида, долго маячат перед личиком жуткими ножиками-живорезами, а потом проникновенно вещают: ежели ты, сучка драная, спирохета нелеченая, будешь и дальше путаться под ногами у серьезных людей с антикварного рынка, мы тебе... Ну, далее – полный простор для фантазии, тут столько всякого можно придумать... Вадька правильно подметил: она еще маленькая девочка... Что будет делать в такой ситуации насмерть перепуганная соплюшка?

Какое-то время стояла тишина, потом Фельдмаршал восторженно возопил:

– А я-то тебя всю жизнь дебилом считал!

– Спасибо, – с большим достоинством поклонился Шварц. – Только мы из потомственных антиллигентов, кой-чего имеем в дурной башке...

– Вот именно, – сказал Смолин с ухмылочкой. – Насмерть перепуганная соплюшка конечно же незамедлительно кинется за помощью и моральной поддержкой... и если наш Икс существует, к чему я упорно склоняюсь, то к нему паршивка и бросится, едва мнимые громилы улетучатся... Это идея. Это мысль. Благодарность тебе от меня, боец Шварц... Только давайте-ка эти варианты отложим на самый крайняк. Вы мою утонченную натуру знаете: криминала я опасаясь, как черт ладана... а то, что Шварц предлагает, как ни крути, много общего с криминалом имеет...

– Да н у, если чисто...

– А если – грязно? – сказал Смолин. – Хотели как лучше, а получилось, как всегда... По несчастливому стечению обстоятельств akurat в тот момент, когда «громилы» будут сверкать у нее под носом кишкорезом, объявится сосед-каратист, а то и милицейский патруль... Всем будет весело.

– Но идея-то...

– Говорю же, идея хорошая, – сказал Смолин. – Но – на будущее. Когда ничего другого не останется, когда все будет перепробовано и успеха не принесет.

Шварц насупился:

– А сейчас что, сидеть и ломать головы?

– А кто сказал, что нужно обязательно сидеть сиднем? – вкрадчиво

поинтересовался Смолин. – Я этого не говорил, да и никто из присутствующих... У нас и без Дашки есть кандидат на задушевную беседу. И, в отличие от Дашки, его найдется на чем подловить... Короче, неотложных дел ни у кого нет? Вот и ладушки, собирайтесь...

...Тяжелее всех полуторачасовое сидение в машине давалось Шварцу, он был тут самый молодой, сгусток энергии, а потому и страдал откровенно, ерзал и ныл, так что в конце концов Смолину пришлось его достаточно жестко одернуть. Остальные тоже придерживались мнения, что нет ничего хуже в жизни, кроме как ждать и догонять – но кое-как с собой справлялись...

Полтора часа ничего интересного не происходило. Они все так же сидели в машине, окно «нехорошей квартиры» оставалось темным, Дашенька не объявлялась. Причем в родительском доме ее тоже не было – что периодически устанавливал Шварц, названивавший под видом однокурсника. Сумерки уже идиллически сгущались, на небе вот-вот должны были высыпаться звезды – а результатов никаких.

Потом результаты нежданно-негаданно обозначились – точнее, обозначилась железяка, которую оптимисты с ВАЗа до сих пор продолжают упорно именовать «машиной». Сначала они не обратили внимания на приткнувшуюся метрах в пятнадцати от них «восьмерку» – но потом ее осветила фарами въезжавшая во двор машина, Смолин рассмотрел номер в зеркальце заднего вида – и дремота пропала моментально.

– А зверь бежит, и прямо на ловца... – пропел он строчку из детского шлагера былых времен. – Мужики, сзади...

– Кто?

– А во-он...

Шварц присмотрелся:

– Мать твою, это ж ботаник! Точно... Берем?

– Вы не в Чикаго, юноша, – сказал Смолин, подумав. – Столько тут торчали, что имеет смысл еще подождать – вдруг да узрим что-нибудь полезное...

– А если сдернет?

– На этом? – с оттенком безгливости сказал Смолин. – Нет уж, на хвосте у него я висеть буду качественно... Только не похоже, чтобы он собрался сдернуть. По всему видно, расположился основательно. И глаз не спускает с того же самого подъезда. Как человек с некоторым житейским опытом я тут, господа мои, чую коллизии и нешуточные страсти...

– Вася! – толкнул его локтем Фельдмаршал.

– Вижу... Тихо все сидят! – шепотом распорядился Смолин.

Дашенька Бергер собственной персоной выпорхнула из плавно проплывшей мимо них и бесшумно остановившейся у подъезда «тойоты-камри» – судя по первым впечатлениям, очень привычно выпорхнула... Обернулась, помахала рукой кому-то, не видимому в сумерках за тонированными стеклами, и машина вальяжно проплыла к выезду на дорогу.

– Ну вот! – сказал Смолин вовсе уж тихонечко. – Пошли коллизии, пошли...

– Даша!

Это воззвал, разумеется, не кто-то из них, а Миша, кенгурячими прыжками летевший к подъезду. Упомянутая особа обернулась к нему так недовольно (уличный фонарь давал достаточно света, чтобы разглядеть ее моментально поскучевшую мордашку), что Смолин моментально сделал кое-какие выводы в подтверждение уже имевшихся зыбких гипотез и смутных набросков...

– «Ромео и Джульетта», – хохотнул Кот Ученый. – Эпизод, не вошедший в канонические тексты...

– Туз-отказ, – прокомментировал Шварц.

– Циники вы, господа, – сказал Смолин не без грусти. – Тут трагедия происходит, а вам бы ржать...

Действительно, даже не различая с занятого ими места ни слова из тихого разговора, они прекрасно видели действующих лиц микроспектакля и по жестам прекрасно понимали содержание немудреной пьесы: длинноволосый юнец сначала что-то настойчиво спрашивал, потом пытался что-то втолковать, правды какой-то доискаться, убедить в чем-то. Дашенька же, притопывая на месте от нетерпения, отвечала коротко и резко, со столь недовольной, даже презрительной мордашкой, что человек с мало-мальски житейским опытом быстро мог определить, что на его глазах разворачивается классический сюжет: Он по-прежнему полон пылких и глубоких чувств, зато Она, тут и к бабке не ходи, давным-давно отправила бывшего друга сердечного на свалку истории и, по большому счету, видеть его не желает...

– Щас он ей врежет, – с азартом болельщика прошептал Фельдмаршал. – Она ж от него отмахивается, как от жабы...

– Спорим, не врежет? – с тем же азартом откликнулся Шварц. – У него ж чуйства, он же не шпана Ольховская, а интеллигентный мальчик навроде меня в прошлой жизни...

– Цыц, – тихо распорядился Смолин. – Вы тут еще тотализатор откройте... Приготовились! К концу близится, точно...

В самом деле, Дашенька решительно направилась в подъезд. Бывший сердечный друг кинулся следом, попытался схватить за локоть – но девушка, не обернувшись к нему и на миллиметр, стряхнула его ладонь так, что сомнений никаких не должно оставаться и у самого романтического идеалиста. На миг Смолин даже ощутил мимолетное сочувствие к юному идиоту, в миллиард первый раз за время существования человечества наступившему на те же грабли.

Выщелкнув за окно окурков, он включил мотор и, более не колеблясь, распорядился:

– Вадик, пошел! Возьмешь сопляка, а Шварц подхватит...

Кивнув, Хижняк выскочил из машины, оставив дверцу распахнутой. Отвергнутый любовник стоял на том же месте с видом столь жалким и печальным, словно делал окончательный выбор между петлей, ядом, прыжком с полусотметровой вышины главного шантарского моста и прочими печальными вариантами. В три прыжка Кот Ученый оказался рядом с ним и вкрадчиво поинтересовался:

– Молодой человек, не подскажите, *скоко* время?

Смолин убрал ногу с педали тормоза, и джип чуть сдвинулся с места задним ходом. Едва Миша успел осознать, что это к нему обращаются с какой-то совершенно неуместной в столь трагический момент бытовой ерундой, и поднять голову, как Кот Ученый молниеносно выбросил руку, складывая пальцы лодочкой, – и, как нетрудно было предсказать, угодил в шею с надлежащим эффектом: юноша охнул, икнул, присел, пытаясь захватить хоть глоточек воздуха, но джип надвинулся задним ходом, Шварц, высунувшись в открытую дверцу, сграбастал жертву за ворот рубахи и одним молодецким рывком втянул внутрь, так что помощь Вадима и не понадобилась. Кот Ученый шустро запрыгнул следом, и Смолин рванул машину с места. По его наблюдениям, никто вокруг и не заметил занявшей не более пары секунд сцены из голливудского боевика. Выворачивая на улицу, он ощутил нешуточную гордость собой и командой: впервые в жизни этим занимались, но провели так чисто, будто всю жизнь только и делали, что похищали с улиц мирных граждан. Новичкам везет...

Свернув, еще раз свернув, проехав пару кварталов, он выскочил на обочину в месте, как нельзя более подходящем для приватного разговора, не способного привлечь ничьего внимания: длиннющая новостройка, состоящая из одного-единственного, зато казавшегося бесконечным дома, доведенная пока что лишь до второго этажа. По обе стороны – набитые многочисленными фирмочками, офисами и конторами здания, в этот поздний час, естественно, обезлюдевшие. Вокруг стройки, разумеется,

красовался внушительный забор, но они и не собирались соваться внутрь – главное, пешеходов тут практически не было, место глухое и плохо освещенное...

Выключив мотор, Смолин обернулся назад и присмотрелся. Пленник уже оклемался настолько, что пробовал барахтаться и вырываться – но был тут же стиснут с двух сторон и смущен видом подсунутого под самый нос ядреного шварцевского кулака, сопровождавшего напутствием:

– Сиди тихо, как зайчик под елочкой, а то бяку сделаю...

– Ты этого дядю не бойся, Мишенька, – сказал Смолин отечески. – Дядя, в принципе, добрый. Но если не будешь его слушаться, он тебе и в самом деле организм покорежить может... Сиди тихо, деточка. Я понимаю, у тебя накопилась масса вопросов: кто такие, почему, по какому праву... Ты ко мне присмотришься, милый, может, что и придет на ум...

Он, не глядя, протянул руку и нажал выключатель на потолке. Вспыхнувшая лампочка осветила его достаточно ярко. В глазах пленного замаячило явное *узнавание*.

– Вспомнил, сдается мне, – удовлетворенно сказал Смолин. – Мы с тобой встречались мимолетно у бабушки Фаины, и знакомила нас очаровательная девочка Даша... Василий Яковлевич меня зовут, если ты запамятовал. Ну вот, теперь можешь задавать вопросы... только, я тебя умоляю, ради экономии времени давай исключительно толковые, чтобы нам не затягивать...

– Что за игры? – таращась исподлобья, бросил пленный.

Особого страха Смолин в нем не усмотрел, и это было хорошо, поскольку облегчало задачу и экономило время...

Кот Ученый, перехватив взгляд Смолина, задушевно сказал:

– Мы, юноша – квартет странствующих педофилов. Ну вот, есть такая мелкая страстишка... Ехали мы мимо, высмотрели подходящего мальчишечку, да и дали волю темным инстинктам...

– Коллега путает, – вмешался Фельдмаршал. – Мы, скорее, кружок кройки и шитья абажуров из человеческой кожи. Смотрим, материал подходящий...

– Пугает, стервец, – доверительно сообщил Шварц. – Мы, в натуре, педофилы, и не более того. Видим, мальчишечка скушает, как тут его не поднять...

Они перекидывались репликами лениво и совершенно естественно, отпуская замечания касательно прически пленника и его субтильного сложения, похохатывали и болтали так, словно Миши и вовсе не существовало. Прodelывалось все это, ясен пень, дабы привести клиента в

должное моральное состояние, дать понять, что он тут вроде мебели без всяких прав человека и собственного мнения...

Какое-то время Смолин не мешал им развлекаться, но потом решил, что увертюра получилась достаточно долгая. Вылез, поменялся местами со Шварцем – зорко следя, чтобы пленник, оставшийся на миг перед распахнутой дверцей, не выпрыгнул. Сел рядом, закурил. Ухмыльнулся, когда прозвучало достаточно строптиво:

– Что вам от меня нужно?

– Резонный вопрос, – сказал Смолин серьезно. – Мы, Миша, хотим одного – восстановить справедливость. Вернуть ворованное. То есть то, что ты у меня украл. Самым наглым образом. Черт вас знает, нынешнюю молодежь, как вы на такие вещи смотрите... а мне вот, человеку старшего поколения, категорически не по нутру, когда у меня что-то крадут...

– Я у вас ничего не крал! – как и следовало ожидать, последовала возмущенная реплика.

– Это ты так думаешь, чадушко, – сказал Смолин. – А на самом-то деле все обстоит как раз наоборот. *Меня* ты не обкрадывал – но украл *мое*. Непонятно? Помнишь, когда вы пару-тройку дней назад были в квартире Дашиного дедушки? Ты, она и еще парочка каких-то декадентов.

– Мы?!

– А вот это уже звучит чертовски ненатурально, – сказал Смолин. – Отдает дурной театральностью. Ну, понятно, опыта в таких делах у тебя нет... Настолько растяпистое поколение, что блевать тянет... Значит, на хатке вы не были? Никаких наград в карманах не уносили? Ну а как же ты, в таком случае, объяснишь вот эту бумаженцию?

Он кивнул Шварцу, чтобы тот включил верхний свет, и жестом заправского фокусника развернул перед собеседником ксерокопию квитанции из «Фрегата». Сказал вкрадчиво:

– И что получится, если сравнить здешние паспортные данные и подпись с твоими? Челюстенка отвисла, юноша? Или будем лепить вовсе уж фантастическую версию: будто кто-то, чертовски на тебя похожий и умеющий подделывать твою подпись, по липовому паспорту на твое имя, чьи данные совпадают с данными твоей паспортины, пошел во «Фрегат» и сдал награды? А тебя, конечно, подставили? Самое модное словечко в детективах, что киношных, что печатных. По всем стандартам Голливуда тебе сейчас нужно заорать благим матом: «Меня подставили, меня подставили!» Будешь орать? Или ты умнее? Притом что хозяин «Фрегата», сразу предупреждаю, опознает тебя моментально... Так подставили тебя или нет? И это все же ты во «Фрегате» был, собственной персоной?

Он сделал хорошо рассчитанную паузу, присмотрелся. Студент производил впечатление человека, ошарашенного из-за угла пыльным мешком по темечку. Пребывал в совершеннейшей растерянности: ну конечно, он и думать не мог, что дело грязное, что его могут взять за шкирку недоброжелательно настроенные люди, к чему ж было готовить убедительные отговорки и просчитывать линию защиты?

– Вообще-то ты тут ни при чем, – сказал Смолин великодушно. – Я не зверь, я все прекрасно понимаю... Более того, я уверен, что Дашенька и сама понятия не имела, что у дедушки вместе с его собственными вещичками могут оказаться и чужие. Но так уж карта легла... Посмотри фотографии. Вот этот орден, и этот, и эти два – моя законная собственность. Что я могу доказать моментально. Свидетелей навалом: те, у кого я их купил законным образом, тот, кто парочку из них мне реставрировал... Честные, законопослушные люди... как и я. Мы тебя не будем бить и уж тем более вульгарно ставить на счетчик – что за пошлости, да и взять с тебя нечего... Я просто-напросто прямо сейчас еду в ближайший райотдел, каковой обязан быть открыт круглосуточно, и подаю заявление, где со скорбью вещаю, как некий молодой человек на моих глазах вскрыл мою запертую машину и вытащил оттуда барсетку, где, помимо прочего, находились эти именно ордена. Гнался я за ним, но не догнал. Зато прекрасно запомнил эту мерзкую рожу – и друзья мои, в количестве трех, что со мной тогда были и тоже безуспешно за тобой гнались, тебя запомнили... Ну, а потом вступает в игру господин Демидов, хозяин магазина «Фрегат», и, активно сотрудничая со следствием, сообщает, как ты у него появился, как сдал эти самые награды по своему паспорту, как он, узнав те из них, что принадлежат мне, мне и позвонил... Между прочим, все это будет чистейшая правда. Потом появляется серьезный человек, реставратор по профессии, и рассказывает, как он мне починял вот этот орден, и еще этот – и это опять-таки чистая правда... И клеят тебе, Мишенька, весьма даже невеселую статью уголовного кодекса касаясь кражи предметов, имеющих значительную художественную и историческую ценность... да что там, просто-напросто имеющих рыночную стоимость тысяч в полсотни рублей...

– Но я же...

– Ну да, конечно, – сказал Смолин. – Ты будешь утверждать, что в машину ко мне не лазил отроду. Что все до единой цацки вы квартетом потырили из квартиры Дашенькиного дедушки покойного... – Он сделал очередную паузу. – А знаешь что? Сердце мне подсказывает, что и Дашенька, и твои дружки с честнейшими глазами от всего отопрутся.

Заявят, что ни в какой квартире они не были, ничего не брали. Потому что с точки зрения закона Дашенька опять-таки совершила вульгарную кражу, не имела она ни малейшего законного права забираться ночной порой в квартиру дедушки, пусть и родного, и что-то оттуда брать, хоть коробок спичек... Зря, что ли, она сама в магазин не пошла, а тебя, дурачка, вперед выставила? То-то и оно... Если без дипломатии и хороших манер, то тебя, мил-человек, использовали, словно аптечное изделие под названием гандон... Никого из них в этой истории нету – ни Дашки, ни тех двоих. Один ты есть...

– И сидеть тебе, голубь, в СИЗО очень даже весело, – жизнерадостно подхватил Шварц. – Любят там таких смазливеньких, из тебя, Мишенька, такую Машеньку забабахают, что посмотреть будет приятно... И будет у тебя кликуха Машуня-студенточка...

– Мой друг несколько преувеличивает, Миша, – сказал Смолин. – То, что тебя на нарах опустят – вовсе не стопроцентная вероятность, это уж смотря в какую хату попадешь. И как себя поставишь. Хотя... Ты уж прости, конечно, но я-то могу судить по опыту двух своих путешествий за проволочку, а потому говорю откровенно: таких вот слабачков, не приспособленных к зоне, частенько как раз раком и ставят... Ладно. Не будем с ходу о печальном, еще не факт, что тебя непременно в камере Манькой сделают... но сама по себе отсидочка тебе всю налаженную и беспечную жизнь ломает. А уж для папы с мамой, честных советских тружеников, удар будет тот еще... Вся жизнь у тебя хрупнет, как сухое печенье... Я не шучу, родной. Я серьезно настроен. Прямо сейчас поедem в ближайшую ментовку и напишем друженько заявления все четверо: мол, случайно увидели на улице, скрутили-доставили... Еще раз прости за прозу жизни, но нет у папы с мамой таких доходов, чтобы тебе хорошего адвоката подстегнуть. Да и дело больно уж чистое. Ты, конечно, будешь у следака лепетать про Дашу и друзей... но, повторяю, ты уверен, что они тебя начнут вытаскивать? – он сложил фотографии аккуратной стопочкой, убрал их в карман и продолжал скучным голосом: – Пора и тебе, родной, что-нибудь изречь, я все сказал, даже в глотке пересохло... Ну?

– Послушайте... Вы же сами говорите, что я неумышленно... Давайте я завтра же с утра заберу все и отдам... Извините, конечно, но я ж не знал...

– Ты паренек вроде бы неглупый, – сказал Смолин. – Будущий искусствовед, причастен, стало быть, к духовной сокровищнице человечества и прочей лабуде... Вот и подумай крепенько: почему мы нагрянули целой толпой и тратим на тебя время? Притом что с точки

зрения закона ситуация для нас чистейшая, исключительно к нашей выгоде повернута... Напряги соображалку, сокол ясный...

– Деньги будете требовать?

– Тьфу ты... – поморщился Смолин. – Студент, интеллигентный мальчик... И деньги твои мне не нужны, и денег-то у тебя нет... Мне не деньги нужны, а главная ценность нашего века – информация. Не будем тянуть кота за яйца, время позднее... Короче говоря, ответишь мне на пару-тройку вопросов – и гуляй свободным человеком. Ордена, естественно, отдашь...

– Какие еще вопросы? Про что?

– Про кого, – поправил Смолин. – Про нашу очаровательную Дашеньку. Как говорится, то и это...

– Ничего я про нее говорить не буду.

– Я ж не сказал, что именно меня интересует...

– Все равно.

– Подобная разновидность человеческого существа именуется обычно дураком, – сказал Смолин. – Давай поговорим об еще одном аспекте проблемы... Как мужик с мужиком. Мы там, возле дома, давненько торчали. И прекрасно видели, как тебя, прости за прямоту, отшили окончательно и бесповоротно. «Чтоб ноги твоей тут не было!» Что-то в этом роде, а? А еще мы отлично видели – да и ты тоже наверняка, – как ее привез дяденька на большой красивой машине. Дяденька, подсказывает мне знание жизни, прочно и надолго занял твое место... И что, в этих исторических условиях твоя стойкость Дашеньку умилила и восхитила? И она к тебе возвратится, как в мексиканском сериале? Ну ты же сам понимаешь, что это вздор жуткий... Даша – полная и законченная стерва, ты еще не понял? И в тюрьму она тебе паршивого пирожка с кошатиной не принесет. Наоборот, будет только рада, что все так удачно сложилось: ты будешь на нарах чалиться, а она – беззаботно кружиться в вихре удовольствий со своим богатеньким Буратиной. И некому будет возле подъезда торчать, разборки устраивать... Так что совершенно не тот случай, чтоб играть в благородство – в первую очередь оттого, что не стоит она того. Ты к ней со всей душой, ты ее произвел в Прекрасные Дамы – а она тебя всего-навсего использовала, как тот аптечный предмет...

– Будь мужиком, – поддержал Кот Ученый. – Таких у тебя еще будет вагон с прицепом...

Разговор переместился в другую тональность – пленника теперь не пугали, а, наоборот, чуть ли не со скупой слезой мужского сочувствия на глазах утешали и утешали, делились печальным жизненным опытом,

приобретенным в молодости, и давали полезные советы людей поживших, насмотревшихся на женское коварство. Одним словом, убалтывали и обрабатывали по полной программе, понемногу создавая впечатление, что рассказать все о коварной подружке следует в первую очередь оттого, что это получится где-то даже суперменский поступок – она тебя, парень, бортанула, так вытри об нее ноги и ботинки смени... Давили и на оскорбленное самолюбие, и на вполне естественный страх перед неприятностями с законом. Окажись индивидуум покрепче, с ним пришлось бы повозиться, но в том-то и суть, что парнишка был со слабинкой...

Собственно говоря, ничего особенно интересного Смолин в итоге не узнал. Фаине Миша возил Дашеньку раза три, и всякий раз визиты проходили буднично и обыденно: пили чаек, разговаривали о всевозможных пустяках. Об индивидууме из черной «камри» студент не мог сказать ничего определенного: он просто-напросто, получив отставку и сопоставив кое-какие прежние наблюдения, заподозрил, что появился более удачливый соперник – в чем сегодня вечером и убедился окончательно. Те двое, что были в квартире вместе с ними, – одноклассники, старые приятели, Даша душевно попросила мальчиков о небольшой услуге, а они, как галантные кавалеры, не сумели даме отказать – нисколько не заморачиваясь юридической подоплекой подобного ночного визита...

Одним словом, невелик был улов. И тем не менее... Овчинка безусловно стоила выделки: труды оказались невелики, зато получили подтверждение кое-какие версии и гипотезы: о том, что возле Дашеньки наличествует некий, безусловно денежный барбос, о том, что она ни с того ни с сего начала вдруг крутиться вокруг Фаины. Это уже были не догадки, а суровые факты, пусть и немного прояснявшие в происходящем... Шла совсем рядом чья-то потаенная игра, а как же! Как бы там ни было, номер «тойоты» накрепко отложился в памяти, а это уже кое-что...

Вот когда Смолин всерьез пожалел, что никак не является крутым мафиози из бульварных романов: действительно, нет варианта проще, чем увезти Дашеньку куда-нибудь в тихое местечко и о многом поспрошать, ласково помахивая паяльником, – но в реальной жизни за такие подвиги огребешь такую кучу неприятностей, что тремя бульдозерами не своротишь. Нынче не девятый год и даже не девяносто пятый...

– Да, еще о Фаине... – задумчиво сказал Смолин. – Дашка ей не предлагала каких-нибудь сделок? Продать картины, пожертвовать какому-нибудь фонду или музею? Еще что-то?

– Нет, при мне ничего подобного... Я же все время с ними сидел...

Может, без меня? А в чем вообще дело?

– Да в том же самом, – задумчиво ответил Смолин. – Что-то готовится, а что – непонятно... Ладно, паренек, это, в конце концов, не твоя забота. Ты, главное, держись подальше от этой милой девочки, иначе она тебя так подставит...

Он покосился вбок, заметив в полумраке непонятное шевеление. В высоченном заборе из досок, ограждавшем стройку, был проем, как раз под «КамАЗ», оттуда в круг света от уличного фонаря настороженно выдвинулась худая поджарая фигурка несомненно таджикского облика – из тех большей частью беспаспортных среднеазиатов, что массами спасались в Шантарске от лютой нищеты и прочих сложностей жизни на далекой родине. Сторож... Он сделал еще три шага вперед – один другого короче, – всмотрелся в джип и осторожно, негромко поинтересовался:

– Чего тут, э?

– Убери его, – раздраженно сказал Смолин Шварцу.

Шварц распахнул дверцу со своей стороны и довольно громко цыкнул:

– Иди, не отсвечивай! Тут люди героин вешают на точных весах, а ты под руку вякаешь... Сгинь!

Услышав про такое дело, худенький чернявый гастарбайтер преисполнился ужаса и, проворно пятясь, исчез за забором, явно не намеренный поднимать тревогу.

– Ну ладно, – сказал Смолин. – Ордена свои я, конечно, заберу, уж не посетуй...

– Да я понимаю...

– Ну вот и отлично. Все остальное меня не интересует, поскольку – не мое. Пусть себе лежит и продается по возможности.

– А если она спросит... Мы же с ней и дальше будем общаться, наверняка... Она ж не говорила, что больше знать меня не знает, речь шла только о том...

Он замолчал, понурившись. Похоже, до сих пор питал надежды, что все волшебным образом станет по-прежнему в один прекрасный миг. Смолин не собирался дискутировать с ним на эту тему – все равно ничего не докажешь, все мы в этом возрасте были идиотами, романтиками, идеалистами...

– Вот и Расскажи ей чистую правду, – сказал он. – Что на тебя налетел с подручными злой дядька Смолин, отобрал ордена и выпрашивал обо всем... Правду, Миша, говорить выгодно – когда ничего не выдумываешь, не запутаешься и не собьешься...

Глава 5

Будни и маленькие праздники

Больше всего этот субъект отчего-то напоминал Смолину сельского учителя из глубинки: маленький, щупленький, с реденькими усиками и печатью некоторой интеллигентности на угреватом челе. Костюмчик паршивенький, галстук класса «Мерзаче» – классическая жертва рыночных реформ и прочих либеральных выкрутасов (причем, как положено, изрядно дравшая в свое время глотку в поддержку означенных реформ).

Полное впечатление, что незваный гость чуточку нервничал, – не озирался с затравленным видом и не вздрагивал от малейшего шороха, но явно не мог похвастать полным душевным спокойствием. Потертый портфельчик он сначала поставил у стола, потом взял на колени, потом опять поставил...

Смолин, наблюдавший за ним с некоторым любопытством, сделал равнодушное лицо и с величайшим терпением сказал:

– Я так понял, у вас ко мне дело?

– Да, посоветовали вот... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

– Василий Яковлевич. А ваше?

– Евтеев Николай Петрович... Из Предивинска... Я тут хочу кое-что продать, а вы, я слышал, покупаете...

Смолин сидел с равнодушным лицом, но мысли, как обычно в такой ситуации, мельтешили с феерической быстротой и проворством. Предивинск располагался на севере области – райцентр в таежной глуши. Но это сегодня, а когда-то, полторы сотни лет назад, именно он, а не Шантарск был столицей губернии. И обитало там тогда раз в двадцать больше народу, чем в Шантарске, – губернские учреждения, ярмарки, купеческая гульба, гарнизон, подворье архиепископа, каменные дома, церкви, даже настоящий театр, по пьянке основанный *чудившим* золотопромышленником Буториным, да так и сохранившийся до нашего времени, – и много чего еще. Потом, уже при Александре II, властно вмешалась экономика: новый транссибирский тракт переместился южнее и стал проходить через Шантарск, куда довольно быстро и переместилась с севера вся вышеописанная цивилизация, а большой и шумный некогда Предивинск захирел навсегда.

Это – сухая история, а что до антикварного бизнеса... В Предивинске до сих пор всплывают порой интересные редкости, так что, заслышав его

название, любой знающий антиквар невольно делает стойку, вот как Смолин сейчас...

Однако не стоит забывать о другой стороне медали – в нынешних непростых условиях, когда над шантарской антикваркой витает тень майора Летягина...

– Показывайте, – сказал Смолин скучным голосом. – Если что-то интересное, почему бы и нет...

Посетитель торопливо вскинул на колени портфель, щелкнул старомодной застежкой, покопался внутри и с глухим стуком положил на стол нечто определенно тяжелое, округлой формы, размером с блюдо, завернутое в белый пластиковый пакет. Принялся нервно разворачивать. Смолин приглядывался, как обычно в таких случаях, сохраняя на лице полную отстраненность, чуть ли не равнодушие: мол, мало ли хламу таскают...

Звякнуло, лязгнуло... Смолин внутренне напряжился, как почуявший мышь хваткий котяра.

Перед ним лежали два предмета из почерневшей от времени бронзы – в темной, почти черной патине, кое-где тронутые зелеными пятнышками окиси. Почти круглый диск с затейливым украшением в верхней части (вроде двух звериных голов) и бляха в виде волка – на обратной стороне сохранилось одно из двух креплений. Зверь – несомненный волк, Смолин подобных перевидал немало, вот только все они были маленькие, а этот раза в два побольше всех прежде виденных, в полтора указательных пальца. Чистейшей воды археология. Скифы, точнее говоря. У Смолина в этих делах был изрядный опыт. *Скифье*, точно. В обеих столицах у него была пара-тройка серьезных покупателей на такие именно вещи – коллекционеры с внушающим уважение стажем и опытом...

Как он ни приглядывался, и простым глазом, и в лупу, не мог усмотреть признаков фальшака. В последнее время развелось немереное количество халтурщиков, впаривающих лохам подобные «редкости», покрытые зеленой окисью толщиной чуть ли не в палец: но знаток легко отличит настоящую окись, высокопарно выражаясь, налёт столетий, от фуфла, изготовленного с помощью не самых редких химикатов...

По всему выходило, что вещи настоящие. Интересные вещи. Таких стараются не упускать...

Однако – другая сторона медали...

Смолин с безразличным лицом проворачивал сейчас огромную мыслительную работу. Серые клеточки работали с предельной нагрузкой, звеня от напряжения и попахивая горелой изоляцией.

Теоретически рассуждая, этот ерзавший на стуле нервный субъект с обликом провинциального учителяшки вполне мог оказаться очередной подставой лучшего друга шантарских антикваров майора Летягина, вознамерившегося по своему милому обычаю подложить очередную свинью. Ну, а на практике...

Продавая подобные археологические редкости, опять-таки рискуешь налететь на очередную статью. Но вот покупая означенные раритеты, рискуешь значительно меньше. Они не подходят под категорию «заведомо краденого» – ну откуда Смолин мог знать, что его клиент только что обчистил какой-нибудь музей или занимался незаконными раскопками? От дедушки осталось, сто лет валялось в комод, детишки трех поколений забавлялись, порастерявши половину... Смолин вообще может не знать, что это «археология» и «антиквариат» – ему просто-напросто предложили красивые вещи, он их, поразмысливши, и приобрел. Исключительно для личного пользования, повесить над журнальным столиком, чтобы глаз радовали... Мода нынче такая, всеобщее поветрие... Одно дело – когда тебе предлагают за нечистый товар меченые купюры, и совсем другое – когда покупаешь ты сам...

В общем, он решил рискнуть.

– Честно говоря, я не большой специалист, – сказал он, начиная увлекательнейший поединок «продавец-покупатель», сам по себе порой будоражащий нервы почище звонкой монеты.

– Я показывал кой-кому... У нас... Говорят, это все настоящее. Археологические редкости. Скифская бронза.

– Ну откуда в Предивинске знатоки... – поморщился Смолин.

– Не скажите! У нас хороший музей... вы не слышали?

– Ну слышал, конечно...

– Музей основан еще в восемьсот сорок третьем, – гордо сказал Евтеев. – Люди там понимающие, некоторые даже в Москве известны.

Это была чистая правда – но Смолин, как и подобало толковому купцу-хитровану, сохранял на лице безразличие, чуть ли не безразличие.

– И сколько же вы за все это хотите? – спросил он главное (но таким тоном, словно речь шла о безделице).

– По десять тысяч за штучку.

– Не долларов, надеюсь?

– Ну что вы! Рублей, конечно...

– Однако... – покрутил головой Смолин. – Я бы дал за каждую ровнехонько по пять.

– А я бы, простите, никак не взял, – с неожиданной твердостью сказал

Евтеев. – По десять они стоят. Безусловно стоят.

Смолин и сам прекрасно знал, что цену гостенек запрашивает божескую. Еще один нюанс веселого антикварного ремесла: в столицах за такие вещи можно взять гораздо больше, в разы – но для этого нужно иметь должные связи и постоянную клиентуру. Тот, кто заявится в Москву или Питер, не имея ни малейших связей, ни черта не добьется, хрен разбогатеет – не дадут тамошние волчары настоящую цену, ох, не дадут...

Меж тем он прекрасно знал, что своим старым *контактам* вещички впарит как минимум по двадцатке. Так что упускать человечка никак не следовало.

Но и не следовало соглашаться сразу – в лучших традициях восточного базара следует выжать из ситуации все, что только возможно, и капитулировать не раньше, чем исчерпаны все варианты...

– А, скажем, по семь? – предложил он небрежным тоном.

– Не пойдет.

– Тяжело с вами... Ну, по восемь?

– Василий Яковлевич, говорю вам, не пойдет, – твердо сказал провинциал, оказавшийся крепким орешком. – Не будем затевать долгие дебаты. Или по десять, или – я пошел...

– И куда же? – светски поинтересовался Смолин.

– А вот... – гость уверенно полез в левый внутренний карман непрезентабельного пиджачка (прекрасно помнит, где у него что лежит, не растяпа), достал аккуратно свернутый вчетверо листок бумаги и положил перед Смолиным.

Тому достаточно было одного беглого взгляда. Там каллиграфическим почерком были выписаны адреса и «Дуката», и «Эльдорадо», и «Фрегата», и «Раритета» – вкуче с телефонами.

– Я купил на вокзале справочник, «Весь Шантарск», – охотно пояснил Евтеев. – Выписал вот... Вы уж простите великодушно, но я к вам заглянул в первую очередь оттого, что вы расположены ближе всех к вокзалу. До остальных шагать и шагать...

Смолин ухмыльнулся:

– Я смотрю, вас на кривой кобыле не объедешь...

– Да вроде бы есть немножко, – сказал провинциальный интеллигент с чем-то вроде скромной гордости. – Понимаете, Василий Яковлевич, если мы – глухая провинция, это ж не означает автоматически, будто мы глупые. Мы просто-напросто от цивилизации подальше, городок поменьше, да и деньги крутятся, по шантарским меркам, мизерные. Но это ж еще не значит, что мы свою выгоду усмотреть не умеем. Соображаем кое-что...

Благо все ж не деревня, а старинный город, хоть и в упадок пришедший... Ну так как же, по рукам? Если не сойдемся, у меня еще четыре варианта, где-то да должно повезти...

– Вы так уверены, что с вами там будут заключать... подобную сделку? – небрежно спросил Смолин.

– Да, в общем... Немножко наслышаны о ваших антикварных делах. Наши у вас бывают, ваши у нас...

– А поконкретнее?

– Сорока на хвосте носит, – с видом крайней простоты развел руками Евтеев. – Как оно в провинции и положено...

Теперь Смолин не сомневался, что имеет дело отнюдь не с пролетарием от сохи. С кем-то, самую чуточку сведущим в антикварном бизнесе, этот замухрышка положительно общался, грамотно говоря, явно провел некоторые маркетинговые исследования.

Как бы небрежно Евтеев добавил:

– Это, так сказать, образцы. Если у нас с вами все получится, очень быстро можно будет дела продолжить...

Вот теперь Смолин совершенно точно знал, что отпускать клиента никак нельзя. Прежде он не слыхивал о Предивинске как о месте, где *копают*, но, если вещички не из какого-нибудь музея вынесенные, то, значит, и там все обстоит согласно старому шлагеру: ходы кривые роет подземный умный крот... А почему бы и нет, собственно? Если есть понимающие люди, если им очень захотелось денег... В тех местах и в самом деле можно рассчитывать на нехилые залежи нетронутого скифья, да и более поздних цивилизаций...

– А на паспорт ваш нельзя ли взглянуть? – спросил Смолин с обаятельной улыбкой. – Я ничего не собираюсь оформлять, но вот взглянуть хотелось бы...

– Не доверяете? Думаете, краденое?

– Ну что вы, к чему крайности, – все так же улыбаясь, отозвался Смолин. – Просто сделки подобного рода участников заранее ставят в неравное положение... Вы получаете настоящие, имеющие хождение денежки, за которые не надо отчитываться перед налоговой, а вот я... Я, очень может статься, себе за собственную трудовую копеечку приобретаю нешуточную головную боль. Улавливаете нюансы?

– Ну, коли уж так вопрос стоит... Извольте, мне бояться нечего.

Паспорт Смолин листал бегло, но вчитывался внимательно: в самом деле Евтеев, Николай Петрович, прописка предивинская, все вроде бы верно. Конечно, паспорт – это не антиквариат, тут Смолин не взялся бы со

стопроцентной точностью изобличать подделку... но на кой черт приходить с такой «липой» ради жалких двадцати штук? Если это подделка, то с фальшаками такого класса гуляют люди, которые за миллионами охотятся...

– Убеждает, – сказал он, возвращая документ. – Так откуда дровишки, любезный Николай Петрович? Землица-матушка?

– Места у нас красивые, дикие, малообитаемые, – сказал с ухмылочкой гость. – Пойдут люди по ягоды-грибы, а попутно, по чистой случайности, еще чего другого и соберут... Вот только пока что не было случая сбыть... Меня на разведку и послали, мирским гонцом, так сказать...

Кодла, подумал Смолин. Ну, следовало ожидать, такими делами все же лучше не в одиночку заниматься, объект вроде кургана, погребения в одиночку замучаешься осваивать. Ладно, решено...

Он выдвинул ящик стола, отсчитал четыре красновато-кирпичных бумажки и положил перед Евтеевым. Тот с деланной небрежностью, явно стараясь предстать человеком солидным, сложил их пополам и сунул в нагрудный карман пиджака.

– Так вот, о дальнейшем... – начал он уже гораздо увереннее.

И деликатно замолчал, когда Смолинский мобильник заерзал на столе, замигал, с большим воодушевлением исполняя «Yesterday». Усмотрев краем глаза высветившееся «Инга», Смолин телефон схватил с большой охотой.

– Василий Яковлевич? Тут такая ситуация... У меня к вам дело, очень важное...

– Ну, я ж человек чертовски любопытный... – сказал Смолин. – Вы сейчас где?

– Я в делах сейчас, можно вечером... хотелось бы.

– Как скажете.

– Дела такие, что нам бы с вами лучше посидеть где-нибудь в спокойном тихом месте, и желательно не на людях...

Интересные дела, подумал Смолин. И, не без азарта прищурясь, абсолютно светским тоном предложил:

– А как насчет у меня дома? У меня там обычно никого, кроме старого верного дворецкого...

Не будь тут постороннего, разговор он, очень может стать, повел бы чуточку игривее – самую чуточку, – но что ж тут поделаешь...

– Давайте. Вы скажете, куда приехать?

– Я за вами сам заеду, идет? – спросил Смолин. – Мою хибару найти непривычному человеку трудновато...

Не называть же адрес при постороннем!

– Хорошо. Часов в семь сможете? К фонтану с амурами?

Горько сожалея, что и на сей раз не удастся применить какой-нибудь игривый каламбур (в связи с амурами), Смолин просто сказал, что сможет, и девушка отключилась. Ощущая некоторый душевный подъем, Смолин отложил телефон и весело поинтересовался:

– Так что вы там начали о дальнейшем?

Евтеев полез во внутренний карман пиджака – на сей раз в правый, – извлек на свет божий довольно толстый конверт, из него – пачку фотографий и, не говоря ни слова, положил перед Смолиным.

Качество, конечно, было не ахти – фотоаппарат не из самых современных, скорее всего, паршивенький «Полароид», какими в Шантарске, не говоря о более продвинутых городах, уже давненько не пользуются: ну, понятно, Предивинск... Однако запечатленные на снимках древности – где одна-единственная, крупным планом, где сразу несколько – без труда удавалось опознать. Бляхи в виде зверей, животных и птиц, парочка кинжалов (должны быть недурственны в натуре), полоса в виде незамкнутого круга (ч-черт, головная диадема, скифье стопроцентное, Артурыч кипятком писать будет и жмотничать не станет!), еще бляхи, круглые и продолговатые... В общем, неплохо потрудились провинциальные кроты. Есть ради чего суетиться – конечно, с абсолютно бесстрастным выражением лица...

– А вот тут у меня, культурно выражаясь, прайс...

Перед Смолиным лег еще один листок, на котором тем же аккуратным почерком было написано: «Олень», «Лев», «Бляха круглая с солярным орнаментом» – и так далее. И цены напротив каждой позиции. Опять-таки вполне Смолина устраивавшие – с учетом ожидавшегося в обеих столицах наvara.

– Все, чем пока богаты, – сказал Евтеев, видя, что Смолин все просмотрел. – Интересует?

– Да, безусловно, – сказал Смолин.

Теперь он нисколько не сомневался, что имеет дело с честным «черным археологом», а не музейным вором: на снимках не менее тридцати предметов, о *столь* крупной краже из музея давненько никто не слышал – хотя подобная информация среди своих моментально разлетается по всей стране, да и менты вносят свою лепту, регулярно появляясь со списками свежееобъявленного в розыск... Сами лопатами ворочают, пролетарские мозоли зарабатывая.

– Вот только цены... – не удержался он от обычной припевки.

– А что? Цены как цены, вполне щадящие. – Евтеев пожал плечами с независимым видом человека, осознавшего цену не только своему товару, но и себе. – Есть еще две бляхи, примерно такого же размера, я их просто-напросто не успел сфотографировать, – он коснулся пальцем волка. – Вы знаете, когда меня к вам собирали-снаряжали, мы поговорили как следует, разные варианты прикинули... Ваше счастье, что мы новички в этом деле – ну да, надеюсь, со временем пообтесаемся... Короче говоря, триста тысяч за все. Оптом.

Смолин притворился, будто усиленно думает, уставясь в потолок. На самом деле решение он уже принял, едва слышав сумму. При самом унылом раскладе ожидаемая прибыль составляла рубль за рубль – а вполне возможны расклады и повеселее. Так что нет смысла с пеной у рта торговаться ради десяти-пятнадцати процентов, этих провинциальных землероев нужно незамедлительно подгрести под себя, в монопольное владение. Судя по тому, что он видел на снимках, сотрудничество выйдет интересное, многообещающее...

– А пожалуй что, я и согласен, – сказал он медленно. – Когда сможете привезти?

– Вот это уж теперь не раньше, чем в следующие выходные, – сказал Евтеев не без грусти. – Мы же все, Василий Яковлевич, бюджетники, на службу ходить обязаны, а на поезде туда-сюда как раз оба выходных и убьешь...

– У вас что, машины ни у кого нет? – с искренним удивлением спросил Смолин, глянул на пиджачок-галстук гостя и печально покивал. – Ну да, Предивинск... Да и времена для интеллигентных людей не лучшие...

– Увы, увы... Так что – только через неделю.

Смолину такие сроки категорически не нравились. Береженого бог бережет. Никак нельзя исключать, что за неделю может вклиниться кто-то еще. Подобное, увы, случалось, эти провинциалы, непуганые дети природы, могли наследить где-то еще, попасть в поле зрения кому-то из собратьев-конкурентов. И тогда... Трудно ждать неделю, когда на кону сделка с прибылью как минимум в сто процентов, это вам всякий скажет. До Предивинска около четырехсот километров, если на машине, это, конечно, не федеральная автотрасса, но и не таежная тропка, если выехать пораньше, к вечеру можно и назад обернуться...

– Вот что, – сказал он решительно. – Я и сам могу к вам приехать. Сегодня у нас суббота... По вторник включительно все расписано, и уже не переиграть... В среду, где-то к обеду, я могу у вас быть. Пойдет?

– Отлично просто! Вот, я вам пишу мой служебный телефон, на часок-

то под каким-нибудь предлогом вырваться смогу...

Одним словом, смело можно сказать, что расстались лучшими друзьями – точнее, надежными партнерами. Вот только Смолин, проводив нежданного партнера, задумался не о грядущих прибылях, а о вещах гораздо более неприятных.

Ему пришло в голову, что все это время он как-то пренебрегал вполне очевидным следом, нежданно-негаданно подвернувшимся на глаза. Прямотаки демонстративно торчавшим на видном месте. Фарфор в той квартирке. Подбор фигурок выдавал человека не случайного, явно коллекционера со вкусом – а это-то и был след. В Шантарске просто-напросто не могло обитать не известных Смолину серьезных коллекционеров чего бы то ни было – такова уж специфика ремесла. По хорошему фарфору серьезно прутся человек семь... да, пожалуй что, именно семь, после кончины Липкина. Дедуктивно рассуждая, среди них как раз и может оказаться некто энергичный и решительный, всерьез вознамерившийся положить лапу и на картины вдовы, и, быть может, на что-то еще, вздумавший забогатеть резко и беззастенчиво.

С уверенностью можно исключить только двоих – зато сразу. Профессор Хайт и генерал Дробышев – просто-напросто не те люди, тут и к бабке не ходи. Впутаться в *это* дело для них было бы так же противоестественно, как для Смолина, скажем, лапать первоклассницу на детской площадке.

А вот остальные пятеро... Чисто теоретически рассуждая, любой из них достоин оказаться под подозрением – не в силу некоей криминальной биографии (в общем, ничего подобного у всех пятерых), а просто оттого, что, рассуждая цинично, *способны*. Теоретически способны, и все тут...

Шарецкий... Анжеров... Благоволин... Погосян... Лурих... Да, вот именно. Представляя их себе, вспоминая то и это, можно допустить, что любой из них, чересчур уж встроенный в нашу рыночную экономику, может и не удержаться, когда замаячит серьезный куш. В особенности когда не предвидится ни мокрухи, ни чего-нибудь столь же неаппетитного, некоего перебора...

Потом ему пришло в голову, что список подозреваемых все же следует расширить. Наш Икс может оказаться другом-приятелем кого-то из пятерки – солидным, не вызывающим подозрений близким другом, коему и предоставят в распоряжение квартиру для встреч с юной феминкой. Как это у культурных людей водится. Друг приличный, девочка приличная... Что ж, это тоже след – но гораздо более запутанный. Черт, ну мы же сыскари, в самом-то деле! За что ни возьмись, все получится по-дилетантски, кто ж

знал, что однажды придется заниматься такими вещами в своем городе...

Ничего толкового не шло на ум, хоть тресни – где искать, как? К тому же с номером машины до сих пор загвоздка...

Так и не родив мало-мальски дельных мыслей по поводу всех тягостных загадок, он взял телефон:

– Глыба? Ты сегодня, часом, ничего... пэтэушного не планируешь? Вот и ладненько. У меня сегодня в гостях дама, так что побудь уж, если не трудно, ушибленным антинародными реформами бывшим профессором философии... Ну да, в таком ключе. Кстати, *любопытные* как, торчат? Нету? Ну, совсем хорошо...

...Дастархан Смолин готовил у себя в мансарде – не роскошный, но и отнюдь не напоминавший мимолетный банкет в подъезде на подоконнике. Коньячок откупорил, лимон порезал, поставил вверх ногами две антикварных стремянных чарочки с доньшками в виде волчьих голов. Незаменимая штука в некоторых обстоятельствах – налитую до краев, ее уже невозможно поставить на стол, упадет, и все разольется, так что волей-неволей приходится пить до дна. Какое-то интересное предчувствие у него начало формироваться относительно гостыи: отчего-то на сей раз очаровательная звездочка журналистики вопреки своему обычному тинейджерскому стилю и юбку фасонную придела, чуть ли не до колен, и блузка оказалась достаточно вычурной, и вся она была продуманная, словно в оперу собралась. С женщинами такие метаморфозы спроста не происходят.

А может быть, суровая действительность проще, подумал Смолин с усталым цинизмом, мелко пластая ветчину острейшим австрийским десантным кинжалом «Глок», прикупленным ввиду его исключительной полезности в домашнем хозяйстве. Может быть, майор Летягин эту красоточку и подослал, дабы выведала все, что возможно. Или, если не так пессимистично, девочка попалась шустрая, прекрасно сообразила, что напала на золотую жилу, проникла туда, куда посторонних пускают раз в сто лет, да и то по случайности. Вот и намерена преуспевания для застолбить за собой хлебное местечко – со всей свойственной нынешней молодежи практичностью...

«А какая нам, собственно, разница?» – подумал он спокойно. Нам с ней детей не крестить, да и не влюбляться романтично, куда уж в наши-то годы, да и характерец у нас не тот... Мы люди простые, мы момент ловим...

Убедившись, что с сервировкой покончено, он на цыпочках подошел к

лестничным перилам и прислушался. Внизу вольно и гладко, как русская народная песня в исполнении мастера своего дела, разливался тенорок Глыбы:

– Все великие цивилизации, не мешает вспомнить, гибли исключительно от внутренних противоречий, пусть даже в иных случаях и представлялось, что виной всему внешние факторы...

Смолин с уважением покачал головой, ухмыляясь в полумраке. Когда он приехал с Ингой, Глыба был неузнаваем: при стареньком, но опрятном костюмчике у него обнаружилась белейшая рубашка и галстук-бабочка, производивший впечатление настоящего, бархатного. Старый щипач держался безукоризненно, изъяснялся интеллигентнейше, как заправский профессор, без тени фальши или натянутости. Не зная, кто он на самом деле, и не подумавшись. Только теперь Смолин смог поверить, что старикан и в самом деле некогда общался на равных со всевозможной элитой раннего хрущевского периода, не будучи разоблачен или хотя бы заподозрен. Старая школа, господа мои, это вам не среднеазиатам впаривать однодолларовые бумажки с двумя грубо подрисованными носилками и не пирамиды основывать – индивидуальный подход к каждому отдельно взятому клиенту, безупречное лицедейство, игра по высшему классу. Вряд ли среди молодого поколения сыщется нечто хоть отдаленно подобное – они, наркошки хреновы, только и умеют, что в автобусе грабки распускать...

Спустившись по слегка поскрипывающей лестнице, Смолин сказал гостеприимно:

– Ну что же, прошу... Эдуард Валентинович?

Прекрасно понимавший подтекст текущего момента Глыба ответил непринужденно, с неким старомодным изяществом:

– Простите великодушно, Василий Яковлевич, но мне пора. Засиделся я что-то, а еще в автобусе трястись чуть ли не час, и на рабочем столе стопа книг. Экономические реформы Кромвеля мною еще совершенно не затронуты, а время поджимать изволит. Так что позвольте попрощаться...

Он деликатно склонил голову сначала перед Смолиным, потом перед Ингой, повернулся и прошествовал к выходу, поигрывая деревянной тростью с вычурным набалдашником из бронзы и белого пластика. Бесшумно притворил за собой дверь.

– Интересные у вас знакомые, – сказала Инга с явным уважением. – Он что же, профессор? Судя по первым впечатлениям...

– Доцент, – невозмутимо пояснил Смолин.

Трость сия была презентом Глыбе от кого-то из его старых корешей, доживавшего век в Шантарске на положении мирного пенсионера.

Вычурная ручка в секунду отвинчивалась – и оказывалась рукояткой трехгранного стилета длиной сантиметров в пятнадцать, но, чтобы это обнаружить, пришлось бы совать вещичку под рентген...

– Вы, наверное, с массой интересных людей встречаетесь?

– Приходится, – сказал Смолин. – Работа такая. Пойдемте? Как говорится, чем богаты...

Он первым поднялся в мансарду и зажег свет. Инга остановилась на верхней ступеньке, заворуженно озираясь.

– Ради исторической точности, это не я, – сказал Смолин. – Это прежний хозяин тут все придумал и устроил. Капитан дальнего плавания, так что сами понимаете...

– Какая разница? Красота...

Она подошла к окну и надолго там замерла. Вид и в самом деле открывался великолепный: потемневшая к вечеру Шантара, могучая, величественная, левобережный город, причудливо освещенный уже садившимся за дальние горы солнцем, – этакий марсианский пейзаж из фантастики времен смолинского детства, о которой эта соплюшка наверняка и представления не имела...

Она любовалась панорамой, а Смолин разглядывал ее с неподдельным эстетическим интересом. Приятная была девочка, что и говорить.

Обернулась:

– Вы что же, так один здесь и живете?

– А что делать, – сказал Смолин. – Так уж вышло... Ну, что же мы стоим? Садитесь. Против капли коньячку не возражаете? Тогда берите... берите-берите, это и есть рюмка.

– Интересно как... А почему они такие?

– Это и есть так называемая «стремянная», которую любят осушать герои классиков, – сказал Смолин. – От слова «стремя». Садятся охотнички в седла, подают им такие рюмки, и – до дна. Прошу. Без тостов, а? Что их, напрягаясь, выдумывать...

Он констатировал, что девочка свой «аршин» опрокинула лихо (а доза была не наперсточная все же), задохнулась самую чуточку, но быстро справилась. Галантно подсунул ей тарелочку с конфетами – антикварную, а как же, хорошего германского серебра дореволюционной пробы, к тому же на доньшке имелась изящная монограмма под баронской короной с семью шариками на семи зубцах (в сорок пятом началось ее странствие на восток, надо полагать).

– Еще?

– Ой, что вы, такими темпами... Вообще, я по делу...

– Как пожелаете, – сказал Смолин. – Нет у меня намерения вас коварно спаивать... а вот я, с вашего позволения, сразу вторую следом махну. День был нервный...

Он налил себе и, следуя завету классика, немедленно выпил. Закуской и на сей раз пренебрег, зная свои меры и дозы. Инга на него взидала с каким-то непонятным выражением – щеки пикантно порозовели от доброй рюмахи, вся такая... «Не вытерплю, – подумал Смолин. – Схожу в атаку. Не выходя за рамки. Отошьет так отошьет, не смертельно. Хороша, паршивка...»

– Вас что, опять милиция дергала? – спросила вдруг Инга с тем же непонятным выражением.

– Меня? – Смолин пожал плечами. – А почему она меня должна была дергать? С чего вы взяли?

– Ну, после всего, что в городе творится... В антикварной торговле, я имею в виду... – и она сама потянулась к серебряной волчьей голове, оставившей тонюсенький влажный ободок на белой салфетке. – Можно?

– Да бога ради... – сказал Смолин, наливая ей, а заодно и себе. – Вот и тост подвернулся кстати: можно сразу и за процветание антикварной торговли, и за присутствующих здесь дам...

Он поставил пустую рюмку, подождал, пока девушка справится с легоньким алкогольным ожогом, дожует конфетку. И спросил с наигранно грозным видом мультяшного злодея:

– А не подскажите ли, девушка, откуда у вас информация, за которую людей в Шантару опускают с камнем на ногах? Я имею в виду, кто вам сказал, что в антикварной торговле «что-то происходит», да еще милиция припутана?

– Я же говорила, что собираюсь встретиться с вами по делу, – сказала Инга. – Вот, посмотрите...

Оглядевшись, она подняла с пола свою сумочку и достала оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Смолин развернул. Текста там было не особенно много, но содержание примечательное: суконным, казенным, полным канцеляризмам языком излагалось, как доблестные органы правопорядка пресекли намерения на корню злокозненную деятельность шантарской антикварной «доморощенной мафии» (хорошо хоть, в кавычки поставили, мудрилы). Означенная мафия, даром что доморощенная, развернулась на всю катушку: абсолютно незаконно торговала холодным оружием, совала в карман деньги мимо кассы, ради своих меркантильных интересов сбывала первым встречным «предметы, представляющие значительную культурно-историческую ценность» – а также всюю

приторговывала советскими наградами, посягая тем самым на святое. И так далее, в том же духе. Заверялось, конечно, о недопущении впредь и неминуемой каре, ожидающей всякого, кто покусится.

– Это принесли...

– А тут и объяснять не надо, – сказал Смолин. – Пресс-центр доблестного УВД, по стилю и манере изложения видно... – он небрежно бросил бумажку на стол. – Печатать будете?

– Да, редактор велел. Вам это... здорово навредит? – спросила она прямо-таки сочувственно.

– Да ничего подобного, – сказал Смолин, пожав плечами. – Это вы впервые с таким встретились – а мы-то таких кампаний по борьбе и искоренению пережили чертову уйму. И все в конце концов устаканивается. Потому что у умных людей в погонах хватает настоящих криминальных забот, чтобы не заморачиваться еще и нами... – он поморщился. – Не смертельно, в общем. Просто... Просто нервы портит, вот и все. Есть повод лишний раз порассуждать о тупости иных наших законов. Вот вы когда-нибудь слышали про злодея, который пошел бы брать кассу со шпагой восемнадцатого века?

– Не приходилось что-то.

– Мне тоже, – сказал Смолин. – Я за всю свою жизнь единожды слышал, чтобы преступники применяли антикварное оружие. На Урале дело было. Какие-то шустрые ребятки взяли американский кольт ста двадцати лет от роду, забили в него макаровские патроны, обмотав медной проволочкой, чтоб в барабане не хлябали, – ну, и пришили кого-то... Ладно, это огнестрел. Но я в жизни не слышал про преступления с применением антикварного холодняка. Это ж надо быть законченным параноиком... И тем не менее все до сих пор обставлено массой идиотских запретов... Поясню на примере. Вот у коллег моих прошли обыски по магазинам, с изъятиями... ну, вы в курсе? А знаете, почему никто из нас не берет эту самую пресловутую лицензию на право торговли антикварным холодняком? Не потому, что процедура особо тягомотная. Просто-напросто придется еще и завести амбарную книгу, дабы туда вписывать паспортные данные любого, купившего ту самую саблю двухсот лет от роду... А это далеко не всякому понравится. Ну не хочет обычный благонадежный гражданин, чтобы о нем знали. И потому, что, накопив десяток означенных двухсотлетних сабель, он обязан их держать исключительно в железном ящике, под замком, в комнате с решетками на окнах и железной дверью... Это реально? И потом, вещички-то дорогие, не всякому хочется их светить... Конечно, есть некоторый прогресс – в советские времена

полагалось регистрировать еще и все золотые-серебряные монеты, что у тебя дома хранятся... Некоторый прогресс налицо...

– А за границей как?

Смолин горько усмехнулся:

– А за границей – форменный разврат. Холодняк антикварный лежит в лавках грудами – я сам видел в Париже, – и его покупают-продают, не предъявляя даже трамвайного билета. И старинный огнестрел, кстати, тоже. А у нас не так давно заставляли в музее сверлить дыры в пистолетных стволах шестнадцатого века – вдруг его умыкнет мазурик, порошу набьет, пулю шомполом закатает, фитиль приладит и ка-ак пойдет окаянствовать... Черт, да за границей преспокойно коллекционируют даже танки с бронетранспортерами – ну конечно, пушки с пулеметами приведены в совершеннейшую негодность... Словом, мы и тут позади планеты всей. Идиотство на идиотстве.

– А почему так?

– Хотите чистую правду? – сказал Смолин. – Я не знаю. И никто не знает. Великолепная формулировочка: так получилось. Есть идиотские законы, но никто не торопится их менять. Хорошо хоть, додумались отменить статью за *хранение* – а то в прежние времена людям жизнь ломали из-за какой-нибудь железки наполеоновских времен... У вас, я вижу, еще что-то припасено? Покажите уж...

На сей раз это оказался разворот столичной газеты – толстой, цветной, популярной, умеренно желтой. Вот тут уж Смолин читал гораздо внимательнее, а закончив, выругался про себя не в пример смачнее и эмоциональнее.

Это было поопаснее. Те же самые рассказы о злокозненной шантарской антикварной мафии – но поданные не в пример изящнее и завлекательнее, хорошим стилем изложенные, борзым пером. Высший пилотаж, что называется: ничего не утверждается прямо, но у читателя непременно останется впечатление (у неискушенного, понятно), что во глубине сибирских руд окопалась шайка криминальных монстров, которые цинично торгуют редчайшими, дорожными, раритетными предметами, сделавшими бы честь Эрмитажу – а также опять-таки покушаются на святое, ради пригоршни звонкой монеты продавая славные боевые и трудовые награды отцов и дедов...

– Для справки, – сказал Смолин. – За границей даже современными наградами разрешено торговать без малейших юридических заваек. Если человек хочет продать свою или отцовскую медаль, это его личное дело.

– А может, во всем, что наград касается, сермяжная правда все же

есть? – спросила Инга. – Правы они, а? – она кивнула на лежащие на столе обличительные статейки.

– А вот давайте рассуждать логично, – хитро прищурился Смолин. – Грешно торговать боевыми и трудовыми наградами СССР и нынешней России, потому что они, высокопарно выражаясь, символизируют боевую и трудовую славу? Так? Но вот скажите мне в таком случае, почему данный запрет не касается царских наград, которыми можно торговать средь бела дня на любом углу хоть ведрами? Что, за ними нет ратной славы? Да навалом! Ну тогда объясните вы мне внятно и убедительно: почему запрещено продавать боевой орден девяносто лет от роду... а совершенно такой же знак ратной славы, но возрастом в девяносто один год, можно продавать невозбранно? Можете объяснить?

– Нет, – честно призналась Инга.

– Не огорчайтесь, – сказал Смолин, разливая по рюмкам. – Никто не может. Знаете, в чем тут дурная пикантность? Георгиевский крест и орден Боевого Красного Знамени сплошь и рядом могут принадлежать одному и тому же человеку – масса примеров. Был у вас дедушка... ах нет, учитывая ваши юные года, скорее уж прадедушка. В царские времена заслужил Георгия, потом пошел в Красную армию и получил там, условно говоря, Боевое Красное Знамя. Крест вы можете продать, как уже говорилось, совершенно свободно – а вот за Знамя вас самый гуманный в мире суд так вздрючит... А ведь они принадлежали одному и тому же человеку, славою покрытому, только не убитому... Как вам такие казусы?

– Сюрреализм какой-то, – поежилась Инга.

– Может быть, – сказал Смолин. – Только мы в этом сюрреализме варимся всю сознательную жизнь... и кое-кто, не исключая иных из здесь присутствующих, и по зонам пошатался исключительно за то, что во всем цивилизованном мире считается совершенно безобидным, приличным деянием... Теперь-то хоть понимаете, красавица, в какой театр абсурда вас занесло? Вот они, темы, их тут вороха...

– А что, я напишу! – сказала Инга с хмельным воодушевлением.

– И ничего не изменится... – сказал Смолин. – Дедушка старый, дедушка лучше знает жизнь на грешной земле...

– Ну уж, так ничего и нельзя изменить... Что вы на меня так смотрите?

– Прикидываю, что пора вам такси вызывать, милая Инга, – сказал Смолин. – Самое время.

– Да вовсе я не пьяная...

– Согласен, – сказал Смолин. – Вот только вы уже на грани... точнее, не вы, а мы. Лучше бы вам домой, к папе с мамой...

– Я только с мамой живу.

– Значит, к маме, – сказал Смолин. – Время позднее, места уединенные, а я – не джентльмен, честно вам говорю. У меня все реакции нормального мужика...

– Приставать будете? – осведомилась она тоном, в котором прослеживалась некая игривость.

Смолин встал, сделал два шага, остановился над ней и сказал серьезно:

– Приставать не буду. «Приставание», по моему глубокому убеждению, – пошлый и жалкий процесс: потный и резкий мужик глупо суется, хватает девицу за коленки, глупости несет... А вот предпринять чего-нибудь могу... особенно если мы еще хватим. Хотел бы я посмотреть на мужика, который в данной ситуации так ничего и не предпримет... да на вас глядя, зубы сводит у любого нормального...

Инга медленно встала, и они оказались лицом к лицу. Смолин, глядя ей в глаза, двумя пальцами убрал прядку со щеки, погладил по щеке тыльной стороной ладони – а она придвинулась вплотную, так что обнимать следовало смело. Ну, он и обнял. И все получилось прекрасно, Инга, правда, чуточку сопротивлялась время от времени – но исключительно порядка ради, дабы события не летели аллюром...

Глава 6, в которой наконец-то блестит сталь...

Тихонечко выбравшись на рассвете из постели так, чтобы не разбудить безмятежно спавшую Ингу, Смолин первым делом с превеликим удовольствием посетил туалет. Особых алкогольных излишеств вчера не наблюдалось, так что голова, в общем, не болела и во рту не чувствовалось следов пресловутого ночлега эскадрона. Блаженно зевнув и почесав голое пузо, он, как обычно, первым делом взял со стола телефон, чтобы глянуть, как там обстоит дело с рубрикой «Вам звонили».

Интересные получались дела. Судя по прекрасно известным номерам, вчера, поздней ночью, дважды звонил Шевалье (хотя такое ему было не свойственно), а вот Шварц, тот тоже проявил необычную напористость: с полуночи до трех звонил шесть раз, а с шести утра – еще четырежды. Прежде такого, честно, не случалось, и Смолин даже забеспокоился чуточку: стряслось нечто непредвиденно-жуткое?

На цыпочках спустившись на первый этаж, он свернул в гостиную, плотно притворил за собой дверь и набрал Шварца. Тот откликнулся после второго гудка.

– Случилось что-нибудь? – спросил Смолин, пребывавший в самых трудноописуемых чувствах.

– У нас-то ничего, – ответил Шварц загадочно. – А вот ежели вообще, тогда да... Выходи.

– Куда? – тупо спросил Смолин.

– На улку! – хохотнул Шварц. – Я уж полчаса как торчу у калитки, ежели ты, босс, еще не понял...

Метнувшись к окну, Смолин распахнул занавески. И точно – у зеленого металлического заборчика, ограждавшего крохотный палисадник, стояла черная «целика» Шварца с ним самим, понятное дело, внутри.

Смолин так и направился во двор, как был – босиком, голый по пояс, в мятых тренировочных штанах, что в его патриархальном районе было вещью обыденной: деревня, если разобраться...

Разумеется, примчалась Катька, начала с азартным пискom прыгать то вокруг него, то на него. Успокаивая малолетку то грозным шипением, то ласковым увещанием, Смолин добрался до калитки и не без труда в нее протиснулся, отпихивая Катьку босой ногой. Обошел машину, распахнул дверцу и плюхнулся на пассажирское сиденье.

– Интересные дела, босс, – сказал Шварц, не тратя времени на приветствия. – Я вчера в десять вечера поехал к нашему ботанику, как ты и велел, хотел вежливо пригласить на разговорчик...

– И что?

– А там – черт-те что, мамочка в слезах-истериках, папаня в расстройстве, все в ауте... – протянул Шварц без тени веселости. – Короче, мочканули вчера нашего Мишаню наповал. Пощекотал его кто-то перышком – один-единственный раз, но так, что хватило. Часа в четыре дня, в сквере у ДК Тяжмаша... Такие дела.

– Та-ак... – сказал Смолин, чувствуя неприятный холодок то ли под ложечкой, то ли под сердцем. – Детали ты кое-какие знаешь... Значит, говорил с родичами?

– А как же. Не сматываться же? Под однокурсника проканал, благо возраст позволяет, я, мол, за конспектами, фуйня-муйня... Даже чаю налили в промежутках меж рыданиями. В общем, один раз перышком. Часа в четыре дня, в сквере... И возле него, и по карманам, менты говорили, нашлось несколько чеков с дурью, с какой именно, не выяснял – то ли они не в курсе таких тонкостей, то ли не говорили им точно... Менты, сам понимаешь, вокруг наркоты главным образом и плясали: не употреблял ли, не барыжничал ли... Такая вот безрадостная картинка... Менты вроде обмолвились, что свидетелей нету...

– Дальше.

– А – все. Что там еще? Я и так все, что тебе рассказал, два часа из них выжимал по капельке... Сам понимаешь, как они сейчас... Причитают, что сынок, ангел и кровиночка, в жизни не опустился б ни до торговли наркотой, ни до потребления – но это ж ни о чем не говорит, а? Мог и толкать дурь безденежья вследствие. Дашка – девка недешевая, на нее тратиться надо было нешуточно...

– Мог, – сказал Смолин. – А мог и не толкать... Время и место меня смущает. Не то место, а?

– Это точно, – кивнул Шварц. – Через два дома от скверика – районная ментовка, в тех местах сроду не было ни наркоманских барыг, ни даже алкашей, спокойный такой скверик, там даже по темну безопасно, в отличие от многих и многих... Мог, конечно, и не толкать. Долго ли сыпануть в карман и около жмурика горсть чеков? Такие дела, босс. Если его припороли за собственные косяки, хрен с ним, растереть и забыть. А вот ежели по нашим делам, треба обмозговать... Хотя б теоретически.

– Хочешь честно? – спросил Смолин. – Мне бы чертовски хотелось, чтобы это никоим образом не было связано с нашими делами.

Потому что для наших дел это – ЧП нешуточное... Что-то я за последние четверть века не припомню в наших делах покойничков. Морды били, руки пару раз перешибали. Но вот покойник – это совершенно другой расклад. Мне, признаюсь, неуютно становится...

– Да мне тоже, – сказал Шварц. – Как-то не по понятиям. Случалось, что мочили коллекционеров – но чисто ради грабежа совсем другой расклад...

– Вот то-то, – медленно сказал Смолин. – Даже в самые шизанутые времена не было трупов... Портятся нравы, времена настанут идиотские... Ладно, что тут скулить... Хорошо. Допускаем вариант, что убили парнишку из-за наших дел – под коими понятно, подразумевается все недавно случившееся... Зачем? Мотив, версии? И, я тебя умоляю, брось ты гопоту изображать, ты ж профессорский внук и доцентский сын, изъясняйся нормально...

– Мотивы? – пожал плечами Шварц. – Думал я тут про мотивы, пока ждал твоего пробуждения... И как я ни напрягал извилины, пока что маячит одно: парнишка полез к своей ненаглядной Дашеньке. То ли сказал ей что-то не то, то ли сказал не так. Понимаешь?

– Понимаю, кажется...

– Вот... От большого ума болтанул что-то, этой сучкой расцененное как сигнал тревоги, требующий принятия мер. Немедленных и крайних. Она умненькая, она кинулась к тому, кого мы не знаем, а уж тот... Парнишка для них стал чертовски опасным. Может, боялись, что он *нечто* расскажет... мог он что-то такое знать, а? Что-то, чему и значения не придавал... а мы не знали, что это, потому и спрашивать не стали... Хочешь дурацкую идею? Может, он вполне мог, разболтавшись, что-то им сорвать? Ну, а на что у них губья раскатаны, ты и без меня просекаешь... Вдовушка-божий-одуванчик, нет?

– Если так и было, – сказал Смолин. – Если его приткнули не за реальную наркоту, а за наши дела...

– Ну, босс, коли уж ты требуешь от меня изъясняться в фамильном интеллигентском стиле... Изволь. В сложившихся обстоятельствах следует учитывать оба варианта. Согласен с такой формулировкой?

– Абсолютно, – сказал Смолин. – А посему дуй к Кузьмичу, пусть глаз не сводит с бабулиного дома, пусть горшок у окна поставит, чтобы в сортир не отлучаться. Денег подкинь, чтобы бдил. У меня принципов маловато, сам знаешь. Но одного я свято придерживаюсь: при иных обстоятельствах можно врать, туфтить, фуфлить, кидать... Одного нельзя – брать товар силком. Не оттого, что есть Уголовный кодекс, а потому, что это –

категорически не по понятиям. Так путный антиквар себя вести не должен. Но сдаётся мне, что завелась у нас под носом крыса, собравшаяся это золотое правило нарушить...

– Думаешь?

– Добром бабуля, теперь окончательно ясно, картины не отдаст никому и ни за что, – сказал Смолин. – Отсюда плавно вытекает нехитрая логическая цепочка... Гони, в общем.

– Думаешь, они там что-нибудь... вытворят?

– Не то чтобы думаю, не то чтобы верю... – сказал Смолин задумчиво. – Просто... Просто, я бы ничуть не удивился, случись там что-нибудь. Если мы допускаем, что парнишку приткнули не по левым делам, а по нашим, то одновременно, просто-таки автоматически нужно допустить ещё массу неприятных вещей. Коли уж началась непонятная гнусь, беспредельная совершенно, то нужно ко всему готовиться... Много ли бабушке нужно? Ее вовсе не обязательно мочить, достаточно в чаек снотворного подбросить – благо есть очаровательная особа, туда входя, с Фаиной чаи гоняющая...

– Я бы эту особу...

– Увы, увy... – протянул Смолин. – Да, знаешь что... Коли уж у нас начался боевик в мягкой обложке и с аляповатыми картинками... Я тут подумал... Ты, конечно, не откладывая особо, езжай подстегнуть Кузьмича. Но раньше найди Фельдмаршала и Кота. Быстренько подготовьте и проверните...

– Что?

Смолин жестко улыбнулся:

– Ну, не самый сложный спектакль с минимумом декораций, точнее, с минимумом реквизита... Бабушкин подъезд в том доме помнишь? Отлично. Тогда должен помнить, что на лестничной площадке есть окошечки, выходящие на противоположную сторону, так что человек, наблюдающий за подъездом, всего не увидит... Короче. Сцена такая: ты являешься к бабуле весь из себя расфуфыренный, при галстучке и букете цветов. Передаешь их от моего имени, пару минут светски чирикаешь и сваливаешь... но из подъезда ты должен выйти, трудолюбиво волоча несколько – несколько! – старательно упакованных предметов, в которых человек понимающий моментально опознает завернутые картины... Соображаешь? В принципе, это нетрудно устроить, если пошевелить мозгами и руками...

– Так-так-так... Думаешь, за бабулей ещё кто-то...

– А почему бы и нет? – пожал плечами Смолин. – Мы что, самые

умные в этом городишке? Если кто-то работает с размахом и вовсе не дурак... Там несколько домишек, битком набитых обнищавшим людом наподобие Кузьмича, они за подобный приработок обеими руками уцепятся... И если у кого-то создастся впечатление, что бабуля все же начала толкать картины... Акция последует очень быстро. А я сегодня же Кузьмича кое-кем подстрахую...

– И грохнут тогда бабулю, как пить дать... – хмыкнул Шварц.

– Крепко сомневаюсь, – сказал Смолин, подумав. – Это уже совершенно другая статья, знаешь ли. Собственно-то говоря, если кто-то надумал попятить картины, ему вовсе и не обязательно при этом еще и бабулю мочить. Все равно, при любом раскладе они попадут к коллекционерам, которые своих закромов не светят... Так что я за Фаину не особенно беспокоюсь... Ну ладно, в болтовне правды нет. Уяснил задачу? Вот и ладушки...

Он вылез, тихонько притворил дверцу и вернулся во двор. Присел на добротную сколоченную лавку, опять-таки оставшуюся в наследство от прежнего владельца – Смолин, собственно, ничего тут и не достраивал, времени и желания не нашлось.

Разумеется, подскочила Катька и завалилась на спину у его ног, выставив голое щенячье пузо. Смолин задумчиво ее чесал, погрузившись в нешуточные раздумья.

В происходящем имелись нехорошие, примечательные, многозначительные, неприятные и Аллах ведает какие еще нюансы. Позволявшие все же думать, что дело пахнет не чередой совпадений, а чьей-то выстроенной, вдумчивой работой...

Статья в московской «бульварке» о том красноречиво свидетельствовала. Ночью он еще чуточку поговорил с Ингой на эту интересную тему и кое-какие нюансы для себя прояснил. За московской сенсацией никак не мог стоять ретивый майор Летягин – чересчур уж фантастическая цепочка совпадений должна была выстроиться, чтобы рядовой провинциальный следак, обитающий за пять тысяч верст от столицы, нашел ходы в довольно известную небедную и популярную газету. Прежде всего, нет у него таких возможностей. И потом, зачем это ему? Хотел себя разрекламировать, болезный, свои успехи на ниве борьбы с коварной антикварной мафией? Но ведь в статье не упоминается ни одна фамилия стражей порядка, повсюду безличное определение «шантарские правоохранители». Уж если каким-то чудом честолубивый майор нашел ходы в ту газету, то непременно озаботился бы, чтобы его фамилия красовалась на видном месте... Любой на его месте так бы и поступил.

Пойдем дальше. Автор статьи, уверяла Инга, реально существует – там, кстати, и фотография красуется. Старый автор означенной газетки, постоянный. Если бы ему сбросил информацию кто-нибудь из шантарских борзопсцев, то уж непременно озаботился бы, чтоб и его имечко мелькнуло. Но ни единого упоминания о шантарских журналистах в статье нет.

Вывод? А он простой и неприятный: кто-то со связями в столице завлекательную информацию в газетку протолкнул. И этот «кто-то» не имеет никакого отношения к людям в погонах.

Отсюда плавно и закономерно вытекает несколько достаточно простых умозаключений: на доске и в самом деле появилась новая фигура, так что все события следует рассматривать именно с этой точки зрения, поскольку, как широко известно, лучше перебдеть, чем недобдеть...

И еще один эпизодик, предельно загадочный и весьма даже тревожащий...

«А порой из рук в руки потихонечку переходят целые пригоршни золотых монет с профилями давным-давно умерших коронованных особ. Как эта благодать попадает в Шантарск – отдельная песня...»

Именно так, дословно. Смолин помнил наизусть. Хитрушка тут была в том, что он один порою поставлял клиентам золотишко, не обычными поставщиками сюда привезенное, а доставлявшееся верным человеком из кое-каких бывших братских республик. Не бог весть какие обороты – уж безусловно не пригоршни, тут щелкопер приврал качественно – да и покупались монеты на месте самым законным образом у их нынешних обладателей. Вот только эти невеликие количества примерно раз в два месяца путешествовали через границы, не отражаясь в казенных документах. Два-три десятка монеток можно при определенном нахальстве примитивно провезти в кармане – конечно, если путешествуешь исключительно поездом через «благополучные» границы, где нет привычки догола раздевать всех поголовно путешествующих...

Но пикантность-то ситуации как раз в том, что эта сторона дела до сих пор оставалась тайной. Во время постигшей Шантарск эпидемии милицейских рейдов в антикварные лавки ни разу, ни у кого золото не изымалось, хотя порой и присутствовало в сейфах и ящиках столов, – поскольку на безлицензионной торговле золотом никто и пойман не был, в отличие от холодняка. А значит, история приобретала дополнительный сюрреализм. Столичный щелкопер мимоходом зацепил то, чем милиция пока и не интересовалась. В том, что все произошло по глупому совпадению, что оборот присочинил для красного словца, случайно

угодив в десятку, не верилось совершенно, многовато совпадений, однако, то есть это и не совпадения вовсе...

Вову Багдасаряна, как раз и занимавшегося этими увлекательными вояжами, Смолин знал настолько давно, что ничуть не сомневался: в жизни не сдаст, не заложит, случайным людям ни при какой погоде не проболтается. А вот Врубель, законченный алконавт... Не так давно Вова, знавший Врубеля лет двадцать, уступил его настойчивым просьбам и взял с собой в ближнее зарубежье. Врубель там кой-чего прикупил, успешно здесь распродал, и всё бы ничего, но с его манерой пить с первым встречным и развязывать при этом язык, как шнурок...

Тяжко вздохнув, Смолин в последний раз поскреб розовое пузо собаки и поднялся с лавочки, заверив:

– Подожди немного, сейчас жрать принесу...

Заслышав тихое шевеление на втором этаже, он неспешно поднялся в мансарду – без особой неловкости (с чего бы вдруг?), но с определенно присутствовавшим любопытством. Наступало самое интересное время, прекрасно знакомое любому мужику с немалым жизненным опытом. Под названием «наутро». В таких вот случаях наутро случается не то чтобы самое интересное, но, пожалуй, самое непредсказуемое: поди угадай заранее, как будет вести себя очередная подруга, ненароком задержавшаяся в твоей постели до утра, причем впервые – вариантов тут масса, господа мои, и не все они мирны и безобидны, иногда столь удручающие случаются... Вплоть до энергичных заявлений типа: «Так, шкаф мы передвинем вон туда, здесь будет мой трельяж, а детскую оклеим обоями в цветочек и с Винни-Пухами»...

Ничего экстраординарного он не увидел и уж тем более не услышал: Инга сидела в постели, прикрываясь простыней с тем характерным утренним сверхцеломудрием, которое женщинам отчего-то в таких ситуациях свойственно. И взидала на него с неким немым вопросом – и это было знакомо, ага, мужик должен нечто изречь или сделать так непреложно, что это моментально всё расставит на свои места и внесет полную ясность. Ну что ж, не самый худший расклад, говоря откровенно. Гораздо более напрягает, когда подруга первая берет слово и изрекает какую-нибудь дурость, вроде: не правда ли, милый, волшебные узы этой ночи связали нас отныне нерасторжимо? Плавали – знаем...

А потому Смолин, более битый жизнью, нежели глаженный ею по головке, поступил просто: подошел, сел рядом на постель, совершенно безмятежно улыбнулся девушке и спросил:

– Все нормально, правда? Никто глупостей не натворил и даже не

наговорил, и пить ты, в общем, умеешь, и прелесть ты все-таки в любое время суток...

Она, полное впечатление, расслабилась, чуть неуверенно улыбнулась. Медленно подняв руку, Смолин погладил ее по щеке и осведомился:

– Никто ни о чем не жалеет? Никто о коварстве мужчин и собственной неосмотрительности не плачет горячими слезами?

Инга помотала головой, улыбаясь уже спокойнее и увереннее.

– Я тебе не буду плести романтических словес, – сказал Смолин. – Я их и вчера не плел. Ты просто прелесть, и все тут. Может, это и не особенно романтично, но скучный я человек, что уж там... Только вот что... Мы безмятежно разбегаемся, как насквозь современные люди, или считаем, что у нас начались отношения?

– А ты сам чего хочешь?

– Отношений, – сказал Смолин, глядя ей в глаза.

– Вот совпадение, и я тоже... – Инга уже совсем уверенно протянула руку, коснулась указательным пальцем его единственной татуировки на предплечье. – Это что? Вроде бы медведь, но на чем он расселся, я никак понять не могу... Мне еще вчера было интересно, если честно...

– На льдине он сидит, – сказал Смолин. – На льдине...

– А зачем?

– Ну, это такой зоновский символ, лапка, – сказал он без улыбки. – Один на льдине. Человек, который сам по себе на сто процентов: ни с блатарями, ни с «мужиками», ни уж тем более с администрацией. Ни в какие «семейки» не входит, ни за тех, ни за этих... Одним словом, один на льдине...

– Здорово... Это ж позиция...

Вот именно, продолжил про себя Смолин. Только не стоит рассказывать, каких трудов обычно стоит такую позицию отстоять и существовать ей в масть... Тяжеленько, мягко говоря.

– А я думала...

– Что?

– Ну, трудно сформулировать... Думала, ты мне сунешь сотку на такси и небрежно выпроводишь...

– Эт-то с какой стати? – искренне удивился Смолин. – У меня с женщинами бывало всякое, но нет как-то привычки небрежно их выпроваживать... С лестницы спускал, это – было. Но исключительно за дело. Заслужила, знаешь ли...

– Просто... Ты какой-то жесткий...

– Я не жесткий, милая, – сказал Смолин. – Я просто-напросто душой

не расслабляюсь... ну, или очень редко.

– А я?

– А ты мне нравишься. Чертовски. Вот и вся сермяжная правда. Если тебя не пугает мужик на тридцать лет старше...

– А почему это он должен меня пугать? До сих пор не напугал... и не разочаровал...

Ее улыбка была не лишена лукавства – настолько, что в следующий миг простыня оказалась сброшенной на пол, девушка – сграбастанной, а малолетняя овчарка Катька – очень долго некормленной...

...Шевалье не выглядел удрученным или подавленным, но безусловно хмурым.

– Ты прости, что я раньше избегал конкретики, – сказал он, на миг отводя глаза. – Не всё было понятно...

– Что-то случилось? – спросил Смолин осторожно.

– То, что случилось, как раз кончилось... Я, знаешь ли, две недели ходил под статьей и подпиской о невыезде.

– Бывает, – сказал Смолин. – А можно полюбопытствовать, какая статья?

– Незаконное хранение огнестрельного оружия.

– Ну что же, – сказал Смолин. – В общем, вполне благопристойная статья для солидных людей вроде нас с вами. Ни пошлого «хулиганства», ни позорной «педофилии», ни чего-нибудь откровенно юмористического вроде «потравы посевов»... Комильфо... Шевалье, я и мысли не допускаю, что вы сдуру прикупили китайскую «тэтэшку», с которой собирались брать сберкассу. Дело пахнет антиквариатом, а?

– Именно, – старик улыбнулся чуть смущенно. – Огнестрелом я не увлекаюсь, в отличие от клинков, но ведь каждый человек имеет право на безобидный бзик... Короче говоря, пару месяцев назад совершенно случайно попался продажный наган. Смешно, но мне вдруг отчего-то чертовски его захотелось. Чтобы был, чтобы лежал в столе, чтобы его можно было время от времени достать и пощелкать... Отец вспомнился, быть может, я его наган с трех лет помню... Смешно, а?

– Ничуть, – искренне сказал Смолин. – Каждый второй вас поймет, не считая каждого первого – за исключением законченных пацифистов. Открою страшную тайну: я в жизни продал, наверное, с полсотни стволов – от кремневых восемнадцатого века до более-менее современных. И всегда, если время позволяло, на пару деньков оставлял себе поиграться. Это исконно мужское, Шевалье, что тут смешного...

– Роскошный был наган: девятьсот десятого года, самовзвод, с

клеймом Сестрорецкого оружейного... Следовало бы, конечно, его привести в негодность, но я решил повременить. Можно было достать патроны, я хотел пострелять в тайге... Но ко мне неожиданно нагрянули. Нашли. Полное впечатление, знали, что искать. Тебе ничего не говорит такая фамилия – Летягин?

– Еще как говорит, – сквозь зубы процедил Смолин. – Слышали краем уха про наши неприятности? – Он зло покрутил головой. – Шевалье, и они вам начали тупо шить статью? Как примитивному ольховскому блатарю?

– Пожалуй, все так и выглядело... – он улыбнулся не то чтобы хищно, но определенно не по-стариковски. – И протекало крайне серьезно... правда, по моим впечатлениям, этот майор Летягин человек все же чуточку примитивный и пробовал на мне свои следаковские штампы так, словно я этакий интеллигент-пианист, а не старый хрен гораздо более забавной биографии... Но, ты правильно подметил. Прессовал он меня всерьез.

– И вы ни словечком не обмолвились? – негодуя вскинулся Смолин. – Рапиркой со мной махали как ни в чем не бывало?

– А зачем?

– Я бы обязательно что-нибудь придумал...

– Не сомневаюсь и ценю... – Шевалье тонко улыбнулся. – Однако, если мне память не изменяет, кто-то совсем недавно категорически отказывался от всякой помощи, заверяя, что привык свои проблемы распутывать сам... Мне это тоже свойственно. Ситуация была не самая провальная. Другое дело, что мне отчего-то настойчиво шили в продавцы этого самого нагана именно тебя. То-то я тебя и предупреждал намеками... извини, что намеками, но тогда еще все обстояло не так явно. Это позавчера означенный майор Летягин из кожи вон лез, чтобы я признался: ты мне его продал, и точка, им, мол, точно известно, чуть ли не свидетели есть... Ну, а поскольку истине это никак не соответствовало, я на дурацкий манок не поддавался. Стоял на том, что купил его у неизвестного мужичка, коему он, по заверениям, достался от деда-унтера...

– И на какой стадии всё?

– Да, можно сказать, в стадии полного завершения, – не без законной гордости сказал Шевалье. – У меня, Базиль, масса бывших учеников и просто людей, по-доброму ко мне расположенных... Как-то так получилось, что, когда наган попал к экспертам, в стволе уже красовалась изрядного диаметра дыра, боек был спилен, а в дуле имелась заглушка, что моментально выводило данный предмет из категории огнестрельного оружия... Для господина Летягина это было большим шоком. Но кто ж ему виноват? Протокол изъятия они писали сами – а там ни словечка не было о

наличии дыры... но и не словечком не упоминалось о ее отсутствии... Оказались настолько благородны, что даже вернули вчера.

Он выдвинул ящик стола и положил перед Смолиным глухо стукнувший наган, и в самом деле украшенный просверленной в дуле, под шомполом, внушительной дырой не менее пяти миллиметров в диаметре. Смолин взвел курок – боек и в самом деле был спилен на добрую треть (причем и боек, и дыра старательно замазаны чем-то вроде машинного масла с пылью, чтобы выглядело так, будто проделано все давненько).

– Тут моментально возникают закономерные вопросы, – сказал Смолин. – Кто-то должен был, пардон, заложить. Вряд ли вы его показывали всем и каждому и таскали в кармане повсюду...

Шевалье развел руками:

– Ну, от подобного никто не застрахован. Вряд ли кто-нибудь закладывал. Скорее уж кто-то оказался несдержан на язык...

– А у кого вы его купили, секрет?

– Секрет, извини, – сказал Шевалье. – Коли уж я человеку обещал никогда в жизни словечком не проболтаться – придется выполнять, сам понимаешь...

– Может, сам человек и проболтался?

– Да если так – что тут подделаешь? К таким вещам нужно относиться философски, поскольку есть существеннейшая разница меж понятиями «умышленно заложить» и «проболтаться по пьянке». Согласен?

– Согласен, – проворчал Смолин. – Как говорилось в бессмертной комедии – ох, добрый ты, боярин... Я лично, по крайней мере, хоть разок болтуну в ухо залез бы...

– Не вижу надобности, – сухо сказал Шевалье.

– Хорошо, ваше право... Значит, пытались меня приплести?

– Вот то-то и оно. Речь шла только о тебе, других антикваров не затрагивали... а впрочем, с остальными-то я знаком шапочно... Но тобой интересовались так, что слюнки у них текли.

– Гурманы... – проворчал Смолин.

– Но это, мсье Базиль, еще не самое интересное... На другой же день после того, как мне предъявили обвинение и торжественно сообщили, что против меня заведено уголовное дело, ко мне заявился в гости занятый типчик. Честь-честью вручил визитку, отрекомендовался адвокатом... Мелкий такой человечек, суетливый, одним словом, ни за что не тянул на серьезного крючкотвора. Но вещи говорил интереснейшие. Заверял, что моя персона привлекла внимание крайне серьезных людей, которым приглянулся этот домишко, – он обеими руками сделал замысловатый

жест. – Ну, понятно, центр города, старинная постройка, дореволюционная, купеческая, площадь немалая... Короче говоря, мне в глаза предлагали сделку: либо я здание им продаю – и даже получаю при этом некоторую сумму – либо мне на старости лет светит зона, от которой мне никакими усилиями не отбиться. Э т о т тоже со мной разговаривал, как с интеллигентным старым пианистом, полнейшим профаном в бытовых вопросах...

– Черт знает что, – сказал Смолин серьезно. – Случается иногда такое, но чтобы к вам лезть с таким примитивом... Идиотство полнейшее.

– Вполне с тобой согласен. Во всем этом присутствовал сильный элемент не то что примитива, но порой откровенной дурости, – сказал Шевалье. – Сие касается и Летягина и этого адвокатишки. Честное слово, как мальчишки, начитавшиеся криминальных романов... Серьезные люди так дела не проворачивают. Разумеется, серьезные люди порой как раз и могут притвориться дурачками – но, по моему глубокому убеждению, не в данном случае. Как-никак я пожил достаточно, имею некоторый опыт... Они – натуральные примитивы, не сомневаюсь. Глупейший наезд, без учета личности подвергнувшегося давлению, его гипотетических возможностей... Давненько что-то у нас в городе таких глупостей не случалось. Будь они оба сопляками, я бы решил, что мы имеем дело с классическим новым поколением: юные идиоты, по причине нежного возраста опоздавшие к событиям и пытающиеся теперь наверстать упущенное – примитивно, тупо. Им, я слышал, нынче просто-напросто бьют физиономии и пинком отправляют восвояси, не применяя крутых мер...

– Ага, наслышан...

– Но эти-то оба – люди достаточно взрослые, – сказал Шевалье с ноткой тягостного недоумения. – Однако такой детский сад развели, что и сердиться нет особого желания – попросту смешно, и не более того...

– У вас, часом, визитка не сохранилась?

– Вот.

– Музаев Борис Витальевич... – прочитал Смолин вслух. – Никогда не слышал. Впрочем, адвокатов я знаю трех-четырех, не более, а их у нас столько... Я ее оставлю себе, с вашего позволения? Или вы собираетесь... что-нибудь прояснить?

Шевалье брезгливо поморщился:

– Ни в коей степени. Как будто нечем мне заниматься... Вряд ли эти клоуны смогут меня подловить на чем-то во второй раз, а значит, и думать о них больше не стоит. Меня, правда, беспокоит, что они и на тебя

нацелились...

– Ну, я в аналогичном положении, – сказал Смолин. – Меня сейчас просто-напросто не на чем подловить. Вы выбрали чертовски удачное определение, Шевалье. Клоуны. То, что сейчас происходит, хоть и является немного опасным, все же, по большому счету, носит признаки дурной клоунады... Это тоже есть. Хотя... – он посерьезнел. – Нельзя исключать, что за этими клоунами числится уже один покойник...

– То есть?

– Честное слово, у меня еще нет стопроцентной уверенности, – сказал Смолин. – Я вам обязательно расскажу, когда будет ясность, но пока... Вообще-то и дурной клоун может убить, дело, в принципе, нехитрое... Я бы выразился несколько иначе: происходящее совмещает в себе признаки как некоторой опасности, так и дурной клоунады... Так оно будет вернее...

– Но у тебя-то все нормально?

– Абсолютно, – сказал Смолин. – Своего парнишку я в конце концов вытащу, толковый парнишка, верный, не годится его бросать. Да и у остальных все кончится благополучно – первый раз, что ли? Случалось и похуже. Вот только нервы помотают изрядно и торговлю определенными вещами на какое-то время приведут в расстроенное состояние... недотепы хреновы...

– Если понадобится помощь... Или ты снова откажешься?

Смолин поднял голову и широко улыбнулся:

– Сейчас – нет. Потому что это, строго говоря, будет не помощь, а совместные действия. Коли уж и вы ненадолго оказались в том же самом положении...

– Тонкая у тебя натура...

– Да где там, – сказал Смолин. – На манер кирпича, какие там тонкости... Знаете, чем вы чертовски мне бы помогли? Назвавши имя того, кто вам наган продал.

– Нет уж, голубчик, извини, – развел руками Шевалье. – Принципы – они и есть принципы...

– Понятно, – сказал Смолин, вставая. – Я к вам обязательно обращусь, если почувствую, что не справляюсь сам...

Уже на улице он вновь подумал, что ошибиться не мог: именно два месяца назад, именно девятьсот десятого года наган, с клеймом именно Сестрорецкого оружейного. Подобные игрушки – вещь редкая, маловероятно, чтобы таких в одной точке пространства-времени сошлось сразу два...

У Урубеля этот наган лежал на столе в задней комнатке – и Смолин,

как многие бы на его месте, тут же взял со стола, побаловался, спросил цену. И Врубель, разводя руками, посетовал, что ствол уже обещан серьезному клиенту, так что переиграть ничего нельзя. Дело святое, в таких случаях не настаивают... Смолин удалился ни с чем. Так что же, тот самый?

Минут десять он торчал у первых ступенек эстакады – а потом, когда показался медленно ползущий поезд, неторопливо на нее поднялся. Он рассчитал все правильно: десятый вагон остановился так, что виден был прекрасно – вслед за девятым, который под эстакадой наполовину и оказался.

Вскоре с подножки прыгнул и Вова Багдасарян, весь в белом за исключением синей бейсболки. Несмотря на фамилию, он ничуть не напоминал классического кавказского человека – поскольку происхождения был славяно-иудейского, а фамилию взял жены, что, как известно, законом не запрещено, наоборот, вполне даже допускается. Иногда такие манипуляции проделывать полезно: вот уже восемь лет, как господин Багдасарян нисколько не отягощен давними хлопотами, каковые могли бы относиться к обладателю прежней фамилии Бирюков...

Вова и не подумал оглядываться в поисках встречающих – с самого начала было договорено, что вящей конспирации ради Смолин не будет идилично торчать на перроне, а встретятся они возле машины. Он подхватил бежевого цвета сумку, не слишком и туго набитую, закинул ее на плечо, целеустремленно двинулся к одной из будочек, откуда подземные переходы вели в здание вокзала...

И тут же вокруг него возникла нестандартная суeta – трое в штатском, как чертики из коробочки, с трех сторон сомкнули кольцо, один взял за локоть, другой предъявил нечто ужасно похожее на красную книжечку... Перекинулись парой фраз, теперь за оба локтя держат... и вскоре же Вова с поскучневшим, унылым лицом скрылся в будочке, бдительно сжатый с двух сторон крепенькими парнишками в цивильном, а третий шагнул сзади опять-таки на близкой дистанции... Сгорел Багдасарян...

Смолин все это время так и стоял на эстакаде, не привлекая внимания – не заламывать же руки мелодраматическими жестами? Он только посерьезнел лицом, стиснул зубы, чувствуя себя чрезвычайно мерзко: с этой стороны он никак не ожидал поганных сюрпризов... В голове у него отчаянно пытались слиться в единое целое некие смутные, нечеткие версии, которые еще не удалось отшлифовать...

Поскольку делать здесь более было совершенно нечего, он походочкой никуда не спешащего человека стал спускаться, держа длинную трость так,

чтобы она не задевала ступеньки. Пару раз на него косились, конечно – к стандартным клюшкам из аптеки Россия-матушка привыкла, а вот фасонные трости носить разучилась. Ладно, черт с ними – береженого бог бережет.

Коли уж именно так все произошло, у него неожиданно образовалась куча свободного времени, несколько часов: пока-то Вову привезут в ментовку (неизвестно еще, куда именно), покато он, человек ушлый, потребует адвоката, да не с улицы, а своего доверенного, пока тот прибудет, пока освободится, чтобы с ним можно было связаться...

Смолин пошел еще медленнее, свернул в парк – жалкий, всего-то в полгектара огрызок былого, столетней давности, торжественно устроенного шантарцами к какому-то юбилею. Сто лет назад парк был больше размерами раз в двадцать и тянулся от вокзала до нынешнего главного моста. Советская власть и «клятые большевики» тут были совершенно ни при чем: город разросся, экология ухудшилась, и сосны, деревья капризные, помаленьку принялись вымирать, так что парк (собственно, когда-то просто-напросто чуточку облагороженный скамейками кусок дикой тайги) пришел в жалкое состояние. Впрочем, он и сейчас являл собою местечко довольно глухое, поскольку главным лет с полсотни стал другой, как раз тогдашними большевиками тщательно обустроенный и по какой-то полумистической традиции нареченный в честь Горького.

Дорожки тут были не мощеные, а протоптанные, скамеек осталось совсем мало – зато, как легко догадаться, бутылок валялось столько, что их не всегда и успевали подхватывать окрестные бомжи. Так что Смолин, хотя и задумавшись, зорко глядел под ноги.

Как будто пытался высмотреть Золотой Костыль. Местная легенда гласила, что купец Заяцев, известнейший шантарский выпендрей того времени, дабы посрамить своего главного соперника по той же части Буторина, к открытию парка удумал штуку: темной ночью вколотил в землю и тщательно замаскировал костыль наподобие железнодорожного, только отлитый из чистого золота и соответствующим образом заклеянный. Весом, что характерно, в два с половиной фунта, то есть в килограмм с лишком. Позднее он торжественно об этом объявил, принародно обещая, что ровнехонько через десять лет при свидетелях костыль вытащит и употребит на благотворительные цели. А ежели какая скотина вздумает производить раскопки самостоятельно, то он, Заяцев, того в бараний рог свернет и голым в Африку пустит.

Костыль, конечно, потихонечку искали – но этому, во-первых,

старательно препятствовала гретая купцом полиция, а во-вторых, поди найди его на десяти гектарах дикой тайги. Где-то через годик отступились последние разочарованные кладоискатели, и прошел слух, что Заяцев все набрехал, никакого костыля нет и в помине.

Десятилетний юбилей забития костыля пришелся на то время, когда в Шантарске уже прочно сидели большевики, а Заяцев не менее прочно обосновался в Харбине – так что никакого торжественного явления килограмма золота горожанам, как легко догадаться, не произошло. А вскоре о костыле забыли начисто, потому что хватало более насущных житейских проблем. Нынешние краеведы поголовно были солидарны с теми, кто считал эту историю чистой выдумкой склонного к саморекламе купчишки – но Смолин-то прекрасно знал и того человека, который одиннадцать лет назад костыль все-таки обнаружил, и того, кто им ныне владел: понимающий был мужик, переплавлять-продавать и не подумал, держал в стеклянной витринке, где имелось еще немало ценного как с исторической, так и с практической точек зрения...

Он медленно шагал где по тропинкам, где без дороги, пытаясь все же собрать смутные детали в нечто целое.

Что мы имеем? А имеем мы ситуацию, когда, переименовав заголовок какого-то классического английского детектива, слишком много Врубелей. Точнее, Врубель-то один – но он и там и сям, куда ни глянь, причем, что любопытно, все поголовно в дерьме, а Врубель-то регулярно в белом...

Врубель продал Шевалье револьвер, из-за которого разгорелся весь сыр-бор. Совпадение.

Врубель – единственный, кто избежал вторжений-обысков. Случайность.

Врубель – один из немногих, кто знал о поездках Вовы Багдасаряна, порою вплоть до точных адресов. Еще одно совпадение.

Не много ли совпадений и случайностей на один квадратный метр? Но, с другой стороны, откуда взять конкретные улики? Таковых, строго говоря, абсолютно не имеется...

– Эй, дядя!

Едва не споткнувшись от неожиданности, Смолин остановился и поднял голову – а в следующий миг прямо-таки покривился от отвращения: настолько пошло и вульгарно, что блевать тянет...

Дорогу ему преграждали три экземпляра мужского пола – и, судя по тому, как они разомкнулись, чтобы один торчал на пути, а двое других отрезали отход справа-слева... да уж, судя по диспозиции, они не собирались спрашивать дорогу в консерваторию или проводить среди

Смолина социологический опрос в связи с глобальным потеплением. Самые обыкновенные ребятки, ярко выраженной славянской внешности, не амбалистые и не хилые, стандартные. Никак не походило, что они пьяные – а впрочем, с молодым поколением нынче решительно ничего неясно, в каждом может сидеть по шприцу какой-нибудь гадости...

Они остановились так, что любому оставалось сделать единственный шаг – и выйти на дистанцию кулачного удара. Пока что в блудливых ручонках у них ничего не появилось, но ожидать следовало всего. Страха Смолин, разумеется, не испытывал, чтобы его напугать по-настоящему, требовалось нечто большее – но отнестись к происходящему следовало серьезно. Как выражается Глыба, нынче все понятия перепутаны, будто клубок шпагата, с которым пьяный кошок игрался. Лет тридцать назад еще можно было предсказать со стопроцентной почти вероятностью, когда тебе собираются просто-напросто вывернуть карманы, когда – зубы повыбивать из пьяной удали, да этим и ограничиться, когда есть серьезный шанс опасаться за жизнь. Нынче, увы, никаких четких правил не существует, произойти может что угодно и закончиться чем угодно...

Пауза – а также и вся мизансцена – что-то затягивалась, и Смолину именно это начинало не нравиться...

– Ну что, юные пионеры? – спросил он, чтобы немного прояснить ситуацию. – Сигаретку нужно, или «скоко время»?

Он уже успел запомнить всех трех – авось, пригодится когда-нибудь. И вновь подумал, что они чересчур невозмутимы, немногословны, неподвижны для мелкой шпаны, все равно, трезвой, пьяной или уколотой...

– Слышь, дядя Вася, – сказал, таращась в глаза Смолину с наглой улыбочкой тот, что помещался посередине. – Ты, говорят, мужик неглупый...

«Так-так-так», – сказал себе Смолин. И даже, вот смех, испытал нечто вроде облегчения, чуть ли не радости: аморфные угрозы без имен и лиц вдруг материализовались, хоть и самую чуточку. Шестерки, конечно, но все ж – кое-какая ясность появляется...

– Допустим, – сказал он спокойно, чуть касаясь подушечкой большого пальца выступа на головке трости.

– Ну тогда пораскинь мозгами не на травку, а в голове, – проговорил здоровяк в синей футболке тоном, который ему, очевидно, представлялся крайне грозным. – А то можешь мозгами и по стенам раскинуть...

– Короче, чадушко, – сказал Смолин.

– А если короче – живи скромнее и не суйся затычкой в любую дырку.

Понял?

– Совершенно не понял, – сказал Смолин. – Интересно, где я вам дорогу перешел?

– Ты нам, старый хрен, дорогу перейти не в состоянии, – обиделся, сразу видно, главарь. – Дорогу ты перешел серьезным людям, ясно?

– Это которым?

Смолин его нарочно заводил – и парниша, похоже, начинал помаленьку закипать: он такой рослый, такой мускулистый, такой крутой, всю «Бригаду» видел на два раза, а тут события протекают совершенно неправильно, не боится его клиент, словесно издевается...

Остальные двое тоже начинали закипать – а зря, подумал Смолин, совершенно зря, работу надо делать хладнокровно и рассудочно, пугать не хамским тоном и скрипучим бицепсом. В какой песочнице вас только откопали?

– Не твое собачье дело, – в конце концов отрезал главарь. – Короче, если не хочешь, чтобы тебе ноги поломали, не отирайся больше вокруг бабки с картинами... Усек?

Еще как усек, подумал Смолин. Ах, славно-то как, мои хорошие, какой-никакой, а следок даете...

– Ну, ты понял, чмо бродячее? – рявкнул тот, что помещался от Смолина справа – скучно ему было стоять статистом, ничего он другого не умел, кроме стандартной закоулочной разборки...

– Мальчик, – сказал Смолин, с легкой усмешкой глядя на «парламентера». – Ты что, дурацких фильмов насмотрелся? Не знаешь, как приличные люди должны разговаривать с приличными людьми? Да впрочем, куда тебе, дровиче-мученику...

Его собеседник аж захлебнулся от злости. Смолин стоял на том же месте, покрепче упершись в землю ногами и стараясь держать всех трех в поле зрения. Он был почти спокоен. Ни у кого из этих обормотов нет волюны – одеты по летнему времени предельно легко, пистолет удалось бы заметить быстро, окажись он за поясом или в кармане. Они, конечно, могут оказаться суперкаратистами наподобие Чака Норриса, но что-то не похоже, никак не похоже.

Голову можно прозакладывать, что перед ним – обычная окраинная шпана...

А в общем, складывалось пока что неплохо. Он был спокоен и готов рвать глотки всерьез – а эта троица хладнокровием похвастать не могла, кипела, как пельмени на сильном огне, а значит, в случае чего и реакция у них окажется похуже и прыти должной не будет. Предупредил бы их кто,

что эмоции в таких делах категорически противопоказаны...

– Ну, я смотрю, ты по-хорошему, козел, не понимаешь...

Смолин отпрыгнул, на пару секунд упредив их бросок к нему. Нажав большим пальцем незаметную костяную кнопочку на трости, резко развел руки. В левой у него остался пустой футляр из темного дерева, зато в правой – четырехгранный клинок длиной сантиметров в семьдесят, узкий и острейший. То, что таскал с собой Глыба – жалкое подобие настоящего оружия, то, что сейчас поблескивало у Смолина в руке, было произведено сто с лишним лет назад золингеновскими немцами, хозяйственно использовавшими в работе клинки шпаг времен Наполеона. Когда-то в Европе была повальная мода на такие вот трости...

Он ждал, напряженный и опасный. Вот только сопляки ничегошеньки не поняли, мимолетное удивление на их лицах моментально сменилось глумливой насмешкой. Тот, что был от Смолина слева, прямо-таки заржал от избытка чувств:

– Ну ты, дядя, придурок...

– Мушкетер, гляди-ка, – подхватил второй. – Пора-пора-порадуемся...

Они похохатывали, переглядывались, бесконечно уверенные в себе, совершенно не представлявшие, на что способна в умелых руках боевая шпага, пусть и наполеоновских времен...

Есть! Один кинулся вперед, выбрасывая ногу в довольно неуклюжем броске, который ему, надо полагать, представлялся грозным каратистским выпадом...

Без всякого труда уйдя в сторону, Смолин развернулся к противнику правым боком, сделал скупой выпад, вонзил клинок в левое ухо и тут же отдернул, переместился правее, на свободное пространство...

Все шло, как он задумал – получивший абсолютно несмертельную рану индивидуум сначала взвыл, хватаясь за ухо, потом отступил спиной вперед на пару шагов, зажимая ладонью ухо, издавая странные звуки – нечто среднее меж стонами и оханьем. Ухо – орган специфический. Когда его поранишь, кровь хлыщет в особенно обильных количествах, так что человеку неопытному тут же начинает казаться, что ему пришли кранты, смертушка неминуемая... На несколько ближайших минут уколотый, сразу видно, вышел из боя, сократив орду противника на треть...

Расслабляться было некогда: оставшиеся двое уже перли на него с грацией обкурившихся травки бегемотов, и следовало работать отточенно. Первого Смолин встретил каскадом молниеносных, неглубоких, но настоящих уколов – в грудь, по плечам, по рукам, что опять-таки было совершенно неопасно для жизни, но чертовски болезненно. Напоследок

хлестнул противника клинком по плечу, по ключице, словно палкой огрел. Получилось на пятерку – обормот затоптался на месте, шипя и охая от боли, попятился, прислушиваясь к ощущениям в организме и пытаясь понять, что с ним происходит: а белая футболка местах в десяти покрыта кровавыми пятнами, что не добавляет ни здравого смысла, ни спокойствия... Минус два.

Третий – главарь тот самый – наконец-то сообразил, что все оказалось гораздо серьезнее, нежели представлялось сначала. Два раза он, выкидывая руки в подобию блоков, увернулся от клинка, со свистом рассекавшего вечерний прохладный воздух. Смолин видел по его искажившемуся, испуганному лицу, что противник не о драке сейчас думает, а о том, как из всего этого выпутаться – и сделал ложный выпад, второй, потом крутнулся в исключительно красивом пируэте, за который его наверняка бы похвалили и скупой на одобрение Шевалье, развернулся левым боком к врагу, выбросил руку...

Вопль раздался – на весь парк. Хотя, если разобраться, ничего страшного не произошло – Смолин просто-напросто сильным и точным ударом пробил паршивцу обе щеки, и тут же отскочил.

Парень орал благим матом, сгорбившись, обеими руками держась за лицо. Ему наверняка представлялось, что настал его смертный час – хотя, если не считать адской боли, ничего страшного и не произошло, любой добрый доктор Айболит в два счета заштопает и домой выпихнет...

Беглым взглядом окинув поле боя, Смолин убедился, что одержал победу полную и окончательную – один орет, держась за щеки, так, словно ему не рожу малость покарябали, а кастрировали бесповоротно, второй все еще зажимает ухо, дикими глазами таращась на окровавленную футболку, третий... а третьего-то и нету, только спина мелькает метрах в двадцати уже, улепetyвает со всех ног, поганец без чувства коллективизма...

Следовало и самому убираться отсюда побыстрее: на вокзале милиции достаточно, могут в конце концов проверить, по какому поводу на сей раз в парке поднялся хай вселенский – и доказывай потом, что это не ты с предосудительным холодным оружием накинулся зверски на трех мирных граждан, которые мирно рассуждали под сосенками о теории относительности и загадках планеты Меркурий... Хрен отмажешься...

Сноровисто вбросив клинок в ножны-трость – он там сам защелкнулся, – Смолин кенгурячьим прыжком сорвался с места, уже не глядя на повергнутых в шок и страдания противников, пробежал метров тридцать, пока за последними деревьями не показался бетонный забор, перекресток со светофором и самый настоящий паровоз, получивший

вечную стоянку на постаменте. Оглядев себя и убедившись, что крови нигде нет, он вышел на асфальтированную дорожку уже спокойно, мирно – солидный человек средних лет, неспешно направляющийся к вокзалу, чуточку прихрамывает, опираясь на трость (инвалид вызывает сочувствие, главное, прихрамывать именно чуть-чуть, не перегибая). Никто и внимания не обратил...

Добравшись до своего паджерика, он тщательно протер трость платком и сунул ее под коврики перед задним сиденьем (подвозил мужика по доброте душевной, начальник, он, надо полагать, вещичку и оставил, зная ее не знаю, видеть не видел, проверьте на отпечатки, а как же...). Закурил и минут десять наблюдал за парком.

Обороты оттуда так и не показались – а также незаметно было, чтобы в ту сторону проследовали милицейские наряды. Ну да, будут торчать там, унимая кровь, прикидывая, как жить дальше и как убраться, не привлекая излишнего внимания... И черт с ними. Вряд ли они побегут вон в то симпатичное двухэтажное зданье, милицейскую резиденцию, жаловаться, что их, больных, покалечил без всякого повода злой бандюга. Скорее уж постараются доложить тому, кто их послал...

А вот вам и еще ниточка! За ними ж можно последить...

Увы, Смолин был один-одинешенек и не мог разорваться – а парк даже в нынешнем своем виде был чертовски обширен, так что парни имели массу возможностей убраться оттуда, так и не попавшись ему на глаза. Он добросовестно просидел в машине еще полчаса, но незадачливых налетчиков так и не увидел.

В конце концов плюнул, включил зажигание и принялся медленно выруливать на улицу.

Глава 7 АХ, ВЕРНИСАЖ, АХ, ВЕРНИСАЖ...

Сделав энергичный протестующий жест, Смолин решительно сказал:

– И не уговаривай, я за рулем... Газировочку, пожалуй, выпью...

– Стареешь? – усмехнулся Равиль.

– А то ты – нет, – хмыкнул Смолин.

– Я имею в виду, правила соблюдаешь скрупулезно...

– Пожалуй, – сказал Смолин. – Пожалуй что, признак маячащей на горизонте старости – это как раз возросшая тяга к соблюдению правил и законов... Твое здоровье!

Он чокнулся кружкой со швепсом с Равилевой чарочкой с коньячком, и они выпили каждый свое. Посидели, помолчали. Потом Смолин, мечтательно закатив глаза, продекламировал:

– Вот именно, старость... А помнишь, Верещагин, как ты меня по

барханам гонял?

– Да ну, не преувеличивай, Абдулла, – в тон ему усмехнулся Равиль. – Какие погони в те детские времена... Ты ко мне сам пришел...

– По повесточке, – уточнил Смолин, ухмыляясь.

– Какая разница? Не было ни погонь, ни перестрелок. Сам пришел...

– Ага. И ты меня посадил.

– А чего же ты хотел, братец? – серьезно сказал Равиль. – Была конкретная статья и конкретные деяния, под нее как нельзя лучше подпадающие...

– Но сейчас-то про эти статьи смешно и вспомнить...

– Но тогда-то они были, Вася... Ты их нарушил, я тебя посадил. Диалектика природы. Сейчас, конечно, можешь позлорадствовать над ментом, проигравшим по большому счету... Злорадствуешь?

– Верь, не верь – ни капельки, – сказал Смолин. – Просто порой обидно, что мы с тобой зря угробили столько времени и нервов. Оказалось ведь – зря...

– А я вот не считаю, что – зря, – упрямо сказал Равиль.

Бог ты мой, ровнехонько тридцать лет прошло с тех пор, как Вася Смолин сидел перед своим ровесником с комсомольским значочком, крайне неприязненно на него взиравшим. Правильным комсомольцем был товарищ лейтенант Латыпов, убежденным... и ментом, между прочим, правильным, не дешевым и не пакостным. Лично к нему Смолин никогда ни малейшей неприязни не испытывал. Вот только с тех пор много воды утекло, бывший комсомолец выше подполковника не вскарабкался и был, по достоверным слухам, с превеликой радостью выпихнут на пенсию, едва выслужил положенный стаж, как раз оттого, что плохо вписывался в новые веяния. И раздался, и полысел малость, и пашет себе в своем невеликом охранным агентстве, звезд с неба не хватая и капиталов не накопивши. Не бог весть что. По большому счету, подумал Смолин, это не я выиграл, а мы оба проиграли, пожалуй Равиль, конечно, испытал нечто напоминающее крах идеалов – ведь многие статьи УК, за соблюдением коих он следил ревностно, прахом улетучились, а разве это не проигрыш? Но и я, раб божий, обшитый кожей, не могу особыми триумфами похвастаться. Пашу себе помаленечку, законы нарушая умеренно, не попадаясь более, а разве это победа? Это все как-то по-другому называется, то, что с нами обоими произошло...

– Что загрузил? – спросил Равиль.

– Да так, – сказал Смолин. – Вспомнил, какие мы были молодые и дурные... У тебя жена-дети как, все нормально?

– Да без хлопот. А у тебя?

– Дочка – красавица, – сказал Смолин. – Внучка очаровательная.

– У меня – две.

– Полная и законченная икебана, – сказал Смолин. – Теперь нам с тобой самое время обсудить боли в суставах и колотье в спине, а? Будем полное и законченное старичье... Равиль...

– А?

– Узнал чего-нибудь?

– Насчет чего?

– Не дуркуй. Насчет кого.

На лице отставного следака обозначилась не то чтобы мука или тоска, но определенные признаки легкого душевного раздрая. Что подозрения Смолина только подтверждало...

– Ну скажи ты по-честному, а? – попросил Смолин мягко. – Я понимаю: честь мундира, каста и все такое прочее. Я тебя, мусор старый, между прочим, давно и всерьез уважаю как раз за то, что тебе сейчас больно. Серьезно. Правильный вор всегда уважает правильного мента... я, правда, по понятиям не вор в прекрасно нам обоим знакомом смысле этого слова, а ты давно на пенсии, но какая разница? И только не трынди ты мне, пожалуйста, будто считаешь, что оборотень в погонах – это тоже каста. Сука это, а не каста... Я не прав?

Равиль смотрел в пол, хмурия лоб.

– Крепко допекло? – спросил он, не поднимая глаз.

– Да не то чтобы очень, – сказал Смолин. – Но очень важно знать. Ты только кивни, я сам все пойму, я вроде умный... Майор Летягин – оборотень позорный, который за бабки со стороны заказ возьмет и не поморщится... А?

После долгого унылого молчания Равиль, по-прежнему не поднимая глаз наконец кивнул.

Никакой особенной радости Смолин не почувствовал – скорее уж некое угрюмое торжество.

– Все сходится, – сказал он устало. – Я, в принципе, так и предполагал...

То, что его подозрения подтвердились, никаких загадок не вскрывало, наоборот, ставило новые вопросы. Как там выражался Ван Дамм в великолепном «Патруле времени»? «Что может быть хуже продажного полицейского?» – риторически спросил подлюга-сенатор. А Ван Дамм ему ответил чистейшую правду: «Тот, кто его купил». В нашем конкретном случае – кто? Кто-то должен был Летягина купить и отправить на дело, но

касаемо личности покупателя – по-прежнему полный мрак. Так что Смолин оставался на том же месте, ни на шаг не продвинувшись.

Равиль сказал с деланной небрежностью:

– У меня частных сыскарей нет – исключительно охраной пробавляемся. Тебе б, если что, надо в «Шерлок», там Дашка Рыжая, они как раз и специализируются...

– Да нет, – сказал Смолин. – Зря ты подумал, не нужны мне пока что никакие сыскари. И даже твое охранное без надобности. Знаешь, что мне от тебя нужно? Нужен мне от тебя правильный мент, крайне желательно – в ГОВД Дивного... Вроде тебя в молодости. Чтобы не пугался важных шишек и не вел дело спустя рукава. Должны же еще такие менты оставаться, а?

– Ну, с *важными* по-настоящему связываться себе дороже, это уж всегда было...

– Да нет, я, пожалуй, неточно сформулировал, – сказал Смолин, подумав. – Никаких особенно важных шишек тут, пожалуй, не будет. Просто-напросто *повязанных* могут начать вытаскивать... а в таких случаях иные не хотят связываться и рукой машут. Так вот, мне б такого, чтобы не махнул...

– Ты что, узнал про диверсантов, которые под плотину бомбу заложить хотят?

– Типун тебе на язык, – отмахнулся Смолин. – Не искал бы я в таком случае мента, ни правильного, ни оборотня... Дело такое... – он помолчал, потом махнул рукой: – А, ладно... Давай в открытую. В Дивном есть бабуля – божий одуванчик, вдова художника Бедрыгина. Слышал про такого?

– Обижаешь. Я как-никак шантарский...

– У бабульки осталось его картин на бешеные деньги, – сказал Смолин решительно. – Вокруг нее началась нехорошая возня. Очень нехорошая, Равиль. Боюсь ошибиться, но, похоже, в деле есть уже жмурик... Да и в отношении меня буквально вчера пытались совершить антиобщественный поступок, под УК подпадающий влекую... В общем, есть серьезные опасения, что старушку могут *тряхануть* – и хорошо, если ограничится тряпкой со снотворным в физиономию... впрочем, для нее и это может оказаться чересчур. Я даже худшего боюсь... Я так и не вычислил, что это за кодла, но ничуть не похожи они на гуманистов, ох, не похожи. Я там пытаюсь кое-что предпринять, но что мы можем, посторонние штатские граждане? Мне бы правильного мента, на которого можно положиться... Чтобы в случае чего подъехал с ребятами и положил всех мордой в асфальт, а потом поспрошал на совесть, – он усмехнулся. – Цинично выражаясь,

дело чистое, и на нем любой мент может очень неплохой моральный капиталец сколотить...

– Ага, – произнес Равиль после недолгого молчания. – А тебе, значит, у бабульки картины выцыганить не удалось? И, когда на горизонте появились другие охотнички, решил исполнить гражданский долг?

– Ты все-таки хороший мент... – сказал Смолин, бледно улыбаясь. – Я, разумеется, пытался, и у меня не вышло... Только есть некоторые весьма существенные нюансы, старина. Я у нее картины пытался именно что *выцыганить*. И будь уверен: не за копейки, я бы ей честно отдал денежки, а мне хватило бы обычного процента. А сейчас возле старушки, зуб даю, маячат классические отморозки и беспредельщики... Равиль, я не ангел, я обычный антикварщик со всеми отсюда вытекающими – ну, ты еще в советские времена был в теме, что тебе объяснять... Но так уж исторически сложилось, что у меня есть принципы. Немножко, но есть. А у других принципов нет вообще. Улавливаешь нюансы?

– Пожалуй что...

– Вот и ладушки, – сказал Смолин. – Во всем должны быть правила, этикет... да ладно, *понятия*. Заполучить антиквариат сугубо насильственным путем – это глубоко неправильно. Так дела не делаются. У нас до сих пор бизнес вели относительно цивилизованно, и мне поперек души, когда какая-то сука пытается играть по беспределу... Подыщешь человечка?

– Тебе когда?

– Как можно быстрее, – сказал Смолин. – Может быть, даже сегодня. Не нравится мне все это, чутье у меня, сердце вещует, суставы к перемене погоды ломит... Что поделать, ежели... – Он отвлекся на мелодичные трели мобильного. Слушал молча, вставив лишь парочку междометий. Сказал резко:

– Я скоро приду, – и, отключив аппарат, выругался устало, грязно.

– Опять хлопоты?

– Равиль, бога в душу, – сказал Смолин насколько мог убедительнее. – Правильный мент мне нужен *сейчас*. Вот сию минуту. Совсем скверно дела заворачиваются...

...Бдительный старикашка Кузьмич прямо-таки лучился от гордости, пыжился, что твой тетерев на току. Заложив руки за спину, выпрямив спину, он расхаживал по комнате наискосок, не говорил – вещал, наставительно и торжествующе:

– Гражданка, в оперативных целях поименованная как Дарья, прибыла в шестнадцать часов тридцать семь минут, на темно-серой иномарке типа

«тойота», что мною было установлено по характерной эмблеме на капоте. Означенное транспортное средство было снабжено на крыше желтым гребешком с черными шашечками – и, кроме этого, никаких признаков принадлежности к такси не носило. Такси, высадив гражданку, сразу же отъехало и больше не появлялось, до сих пор включительно. Гражданка вошла в подъезд, я точно не мог наблюдать, в которую квартиру она вошла, но, учитывая предшествующие наблюдения и нынешние события, можно ручаться, что все в ту же, в поднадзорную. В шестнадцать часов восемь минут гражданка Дарья вышла во двор и стала названивать по мобильному телефону. Через девять минут прибыла машина «скорой помощи», а еще через десять санитарями была выведена на улицу гражданочка Бедрыгина, каковая пыталась сопротивляться и вообще вела себя предельно странно...

– Точнее, – прервал его Смолин.

Кузьмич, на миг сбившись с торжественной маршировки, сказал простецким бытовым тоном:

– Да дуру гнала, Василий Яковлевич, точно. То санитарам кидается физиономии царапать, то, впечатление такое, что-то декламирует с большим пафосом, мотает ее туда-сюда, дергает, ломает... Как, прости господи, в белой горячке. Доводилось мне наблюдать со стороны эти процессы – крайне напоминает...

– Потом?

– Гражданочка была погружена в машину и отправлена, – вновь перешел Кузьмич на казенный тон. – Дарья с тех пор так и оставалась в квартире. Одна она там или нет, судить затруднительно – за это время многие входили, но никто из них в прежних посещениях квартиры не замечен, так что утверждать не берусь... Свет там, во всяком случае, горит во всех доступных обозрению помещениях, сами видите...

Смолин посмотрел на часы: шло к полуночи. Отсюда им, как обычно, были прекрасно видны окна кухни и двух комнат из трех – свет там ни на секунду не гас. Отправленный полчаса назад на разведку к противоположной стороне дома Шварц прилежно отрапортовал, что свет горит и в третьей комнате, шторы там так же плотно задернуты...

– Когда «скорая» уехала, я сходил к подъезду, – продолжал Кузьмич. – Там наблюдалось некоторое скопление граждан, привлеченных происходящим. Среди таковых, состоявших главным образом из соседей, преобладали высказывания, сочувствующие старушке, – а также циркулировали слухи, что бабушка, придя в умоисступление, мужнины картины резала на мелкие клочки-полосы, чуть ли не все покромсала. Информация данная, как меня заверили, поступила от родственницы,

которая врачей и вызвала... Речь, надо полагать, может идти только о гражданке Дарье... Более доложить нечего.

– Свет, – страшным шепотом распорядился Смолин. – Свет вырубите!

Оказавшийся ближе всех Фельдмаршал ударил по выключателю, и свет погас. Смолин приник к окну, отдернув выцветшую занавеску. У подъезда остановился микроавтобус, кажется, «тойотовский», выпрыгнули двое парней, откатили боковую дверцу, выдернули объемистый, но, судя по их движениям, очень легкий мешок...

Смолин непроизвольно оскалился. Уличный фонарь помещался у самого подъезда, света было достаточно, и он моментально опознал двоих из тех, что сегодня пытались ему хамить в парке. У одного башка была украшена аккуратной белой повязкой, укутывавшей главным образом ухо. Он первым и вошел в подъезд, а второй, без усилий вскинув мешок на плечо, подался следом.

– Фельдмаршал, – распорядился Смолин, не поворачивая головы. – Давай туда быстренько, проткни ему крышу, а лучше две...

Технической стороны дела он не касался, прекрасно зная, что Фельдмаршал всегда с собой таскает отличный multifunctional ножик – из тех, что представляют собой раскладные плоскогубцы с массой других полезных штучек. Фельдмаршал кивнул и проворно выскользнул из квартиры.

– Ну вот, – сказал Смолин, поудобнее усаживаясь на подоконнике. – Тут не нужно быть гением – информации столько, что выводы кто угодно сделает... Бабушке наверняка наша стерва подсыпала или подлила какой-нибудь дури, достаточно быстродействующей. Вот крыша и поехала, шифером шурша... Так, что у эскулапов и сомнений не было насчет немедленной госпитализации. И кто тут докажет, что Дашка – не родственница, а сбоку припека... Обратите внимание, джентльмены и товарищи, что сценарий не лишен определенного изящества... Бабушка Фаина, извольте ли видеть, картины рвала в мелкую лапшу... Под это дело можно все вынести... А в мешке у них, вероятнее всего, как раз и напиханы обрывочки-лоскуточки, которыми потом вся квартира усыпана будет... Изящно, согласен, есть выдумка и фантазия у наших долбанных конкурентов... Когда бабуля выйдет на волю, веры ей не будет никакой, что бы ни твердила... Нет, положительно, с фантазией сволочи...

Кузьмич, переставший наконец расхаживать по комнате, словно журавль, откашлялся и озабоченно сказал:

– Следовало бы поставить в известность органы...

– Органы, Кузьмич, в известность уже поставлены, – сказал Смолин

чистую правду.

Он понятия не имел, где притаились местные правоохранители, – но рекомендованный ему Равилем здешний подполковник произвел самое хорошее впечатление. Понятно было, что он, как человек многоопытный, светиться раньше времени не станет и появится на сцене, когда окончательно уверится, что ему не соврали и дело в самом деле насквозь криминальное.... Битый жизнью и службой мужичок, сразу видно.

Смолин оглянулся. Кузьмич, присев на краешек обшарпанного стула, прямо-таки извивался от нетерпения, очень ему хотелось тряхнуть стариной и немедленно пресечь нечто противозаконное. Так и содрогался от нешуточного охотничьего азарта, хрен старый. Шварц же, устроившись гораздо более уютно – в единственном мягком кресле времен пребывания здесь Гагарина и Че, – внешних признаков нетерпения не выказывал, он просто покручивал на колене небольшой немецкий револьверчик, заряженный солидными «резинками». Как самый молодой в команде, не наигравшийся еще дурами, он вечно таскал кучу всевозможных стрелялок, то газовик у него драл карман, то «Оса» с лазерным прицелом, то разнообразные «резины». Впрочем, сегодня эти его цацки могли и пригодиться...

– Ясно, что ночевать они там не будут, – сказал Смолин. – Рано или поздно уйдут. Короче говоря... Кузьмич, ты у нас будешь бдительный сосед, вредный пенсионер, который просто не может не поинтересоваться, что это ночной порой в машину грузят. Усек?

– А чего тут не усечь...

– В общем, подойдешь первым и наедешь на них со всей возможной вредностью. Только, я тебя умоляю, если они что-то такое достанут, не геройствуй, а падай, мы будем за спиной...

– Знал бы ты, Василий Яковлевич, в каких переделках бывали, – с достоинством изрек Кузьмич.

– Все равно, – сказал Смолин. – Если появится нечто стреляющее – не ищущай судьбу... Мы их в таком случае будем крутить с особенной заботой... Шварц, а Вадик что, так и не объявился?

– Мобильник отключен напрочь, пропал...

– Ну, дело житейское, – сказал Смолин. – Оттягивается где-нибудь, декадент... Итак, если... Опа!

Свет в одной из комнат погас – а почти сразу же и в другой.

– Быстро! – приказал Смолин, спрыгивая с подоконника. – Они уходят, бля буду, уходят...

Он первым выскочил из барака и быстрыми шагами направился к

подъезду. Спohватившись, пропустил вперед Кузьмича, схватил за локоть бульдозером прущего Шварца. Кузьмич, обогнав их – он был все в той же гимнастерке, галифе и начищенных до блеска сапогах, – одним махом оказался возле машины, к которой уже преспокойно подходила Дашенька в компании двух парней (все трое нагруженные толстенными свертками, в которых моментально угадывались свернутые полотна), заступил дорогу честной компании и командирским голосом, источавшим как железо, так и яд, рявкнул:

– Па-астаим, молодые люди! Что это вы тут на ночь глядя перетаскиваете?

Смолин успел прикинуть: всех картин они за одну ходку не смогли бы прихватить, наверняка собирались возвращаться еще раз, то-то свет в кухне остался – там, надо полагать, и остальное дожидается, столь же тщательно свернутое, ну, тем лучше, улики налицо...

Он достал из кармана брелок, парный к тому, что оставил Фаине, нажал кнопку и убедился по миганию красного огонька, что штучка работает. Тем временем произошло то, чего и следовало ожидать: тот, у которого оба уха остались здоровехонькими, даже не замедляя шага, ленивым голосом посоветовал Кузьмичу убираться по семиэтажному адресу – и хладнокровно двинулся к машине.

– Нет, вы постоитe, гражданин! – ухватил его Кузьмич за локоть.

Парень высвободился сильным рывком и процедил:

– Ты что, старый, давно мордой об забор не прикладывался?

Самое время было вступать в игру. Смолин быстро сделал четыре шага, непреклонно отодвинул в сторону разохотившегося Кузьмича, явно намеренного продолжать склоку не игры ради, а по велению души. Сказал с расстановочкой:

– Нехорошо, ребятки, оскорблять такими словами заслуженного человека... Нехорошо...

Дашенька, узнавшая его моментально, издала нечто вроде испуганного писка. Парнишки реагировали гораздо более шустро, оба отпустили свертки, упавшие на асфальт, собрались было что-то предпринять...

Используя преимущество в пару секунд, Смолин кулаком влепил доброму знакомому аккурат по прикрывавшей ухо повязке – что есть мочи и качественно, так что раздался чрезвычайно болезненный вопль. Тогда Смолин с большим удовольствием пнул ценителя прекрасного пониже пупа, но повыше причиндалов и, когда тот согнулся, добавил кулаком по макушке. Второй тоже не успел рыпнуться: за спиной у него возник Фельдмаршал, пнул в сгиб колена и сложенными ладонями врезал по

затылку, так что обормот головой вперед улетел в кусты, в каковых и увяз с превеликим треском.

За спиной уже скрипели тормоза, и Смолин, спокойно обернувшись, узрел, как из размалеванного соответствующими надписями и эмблемами жигуля выскакивают доблестные частные охраннички, на совесть экипированные и вооруженные. Показав им безоружные руки, он произнес внятно:

– Все в порядке, ребята, это я вас вызывал, объект шестнадцать тире семь, на гражданочку Бедрыгину оформленный...

Вся его команда, включая Кузьмича, тоже вела себя чрезвычайно примерно и законопослушно: стояли смирнехонько – как, впрочем, и Дашенька, настолько ошеломленная калейдоскопической сменой эпизодов, что замерла на бетонной приступочке подъезда с двумя толстенными рулонами под мышками. В кустах все еще ворочался, пытаясь оттуда выбраться, ударенный Фельдмаршалом – а тот, которого приласкал Смолин, так и сидел на корточках, согнувшись в три погибели и издавая непритворные стоны.

Охранники бдительно присматривались к ним, целя из «Сайги» и двух пистолетов непонятного пока предназначения. Один, видимо, старший наряда, наконец скомандовал:

– Всем не двигаться! Сейчас разберемся...

Совсем неподалеку вдруг вспыхнуло ожесточенное мельтешение огней, красных и синих. Две милицейских машины, заливая ночную улицу вспышками, подлетели с двух сторон, затормозили с визгом и скрежетом – потрепанные луноходы, выдавшие виды, – и оттуда повалили целеустремленные стражи порядка, по своей милой привычке вопившие, дабы их, паче чаяния, не перепутали с пожарными:

– Милиция! Всем стоять!

Давненько уж Смолин не помнил, чтобы он при виде милиционера испытывал такую радость. Он стоял, блаженно ухмыляясь, уже понимая, что первый раунд он все-таки выиграл.

Подполковник Пряхин, кряжистый и степенный, показался из-за спин своих подчиненных, успевших взять в кольцо всех присутствующих (в том числе и частных охранников). Неторопливо, вразвалочку, подошел к Дашеньке и вкрадчиво осведомился:

– А что это у вас, девушка, такое?

Дашенька таращилась на него с несказанным ужасом, как птичка на гипнотизирующую змеюку, ее смазливое личико не отражало и тени мыслительных процессов – один нерассуждающий страх. Жаль, что

телепатии на свете не существует и она не могла услышать обращенную к ней мысленную реплику Смолина: «Ну что, сучонка? Думала, это такая веселая и выгодная игра? Вот и побарахтайся теперь, паскуда...»

Что бы там ни было, а первый раунд он выиграл.

...Уже давным-давно рассвело, и время приближалось к шести утра, когда Смолин медленно ехал по узкой улице своей «деревеньки». Временами он отчаянно зевал – но имел все основания собой чуточку гордиться. В милицкий протокол вся эта история попала именно в том виде, какой он предварительно и запланировал: добропорядочные граждане, числом трое, засиделись в гостях у своего старого знакомого, военного пенсионера Кузьмича – и, заметив нехорошее шевеление в квартире их общей знакомой гражданки Бедрыгиной – каковая, о чем им было прекрасно известно, находится в больнице, – встревожились и решили исполнить свой гражданский долг, то есть проверить, что это за личности ночной порой болтаются по старушкиной квартире. Ну, и оказалось, что личности данные (две – мужского пола и одна – женского) в первом часу ночи выносили из квартиры помянутой гражданки немалое число картин, представлявших немалую материальную, а также культурную ценность. Что было засвидетельствовано как сотрудниками частного охранного предприятия, так и сотрудниками милиции, по чистой случайности оказавшимися на месте происшествия. Другими словами, почти ничего и не пришлось придумывать – следовало лишь кое о чем умолчать. Как там у Сименона? Судья не солгал, но просто не сказал всей правды...

По совести говоря, Смолин и не надеялся, что хоть кто-то из троицы будет посажен или хотя бы судим. Наверняка тот, кто их послал на дело, заранее позаботился о «легенде» – и теперь будет отмазывать своих со страшной силой. Этот кто-то – человек, следует думать, неглупый...

Польза тут в другом. Во-первых, выручая завалившихся, наш неизвестный в той или иной степени себя засветит – появятся ниточки, следочки и тому подобное. Во-вторых, этот Пряхин, по заверениям Равиля, мент толковый, а троица наверняка в жизни не сидела напротив хваткого мента, умеющего раскручивать и не таких щенков. Сгоряча, растерянные и перепуганные, они обязательно сболтнут что-то лишнее – отсюда тоже может произойти некоторая польза...

Одним словом, ситуация перестала напоминать шараханья вслепую в густейшем тумане. Хоть какая-то, да определенность появится и...

Смолин, аккуратно притормозив у своих ворот, прямо-таки вытаращил

глаза. Нет, ему не примерещилось – на лавочке у палисадника и в самом деле сидел не кто иной, как Кот Ученый, еще с вечера напрочь пропавший из поля зрения команды. Выглядел он не просто безмятежным – довольным жизнью, прямо-таки кайфующим. Рядом с ним стояла туго набитая сумка, а в руках у ученого мужа был двухлитровый баллон пива, из коего он со вкусом прихлебывал. Из машины Смолин видел через невысокий боковой забор палисадничка, что Катька разлеглась напротив ворот, вытянувшись в струнку, задумчиво и бдительно наблюдая за странным гостем, оккупировавшим лавочку.

Поначалу Смолин предположил худшее – что Ирка, прознав об очередной эскапде муженька по части женского пола, безжалостно его выставила за дверь, так что Кот Ученый вынужден скитаться по знакомым в поисках ночлега, пока супружница не успокоится. Однако вид на сей раз у Вадика был ничуть не понурый, наоборот, походило, что он на седьмом небе...

Смолин присел рядом на зеленую лавочку, достал сигареты и поинтересовался:

– Тебя каким ветром?

– Ну, у тебя телефон не отвечал...

Смолин вспомнил, что совершенно забыл включить телефон, покинув наконец с рассветом милицейское заведение.

– Да, точно... – сказал он. – Но что за спешка?

Надолго присосавшись к баллону, Кот Ученый какое-то время определенно блаженствовал. Потом, загадочно ухмыляясь, изрек:

– Не смог я дотерпеть до более подходящего времени. Распирает меня, Вася...

– И что ж тебя распирает, болезный? – фыркнул Смолин.

– Законная гордость победителя, торжество и триумф... – протянул Кот Ученый.

– А точнее? То есть по какому поводу?

– Пива хочешь?

– А давай, – сказал Смолин. – У нас, чтоб ты знал, тоже маленький триумф...

Он поднял к губам горлышко и отхлебнул изрядную дозу. Небо было синее, стояла утренняя прохлада, вокруг – тишина. Жизнь казалась не такой уж скверной, а до старости было еще далеко.

– Выдалось у меня свободное время, и решил я заняться делом товарища Кутеванова, – сообщил Кот Ученый, ухмыляясь во весь рот. – То есть зарылся в Кашеевы бумаги... Помнишь, был такой фильм – «Весь мир

в кармане»?

– Что-то такое...

– Там уркаганы угнали банковский броневик... Увели в горы и думали, как открыть... Там еще играла совершенно потрясающая прибалтийская сучка, от которой лично у меня зубы сводило. Они потом с хахалем прыгнули в пропасть, долго так летели, красиво, грустно...

– Теперь вспомнил, – сказал Смолин, от усталости не испытывая ровным счетом никакого любопытства. – И что?

– Там был броневик, и у нас – броневик... А теперь – внимание! – Кот Ученый поднял палец. – В конце одной серии пацан произнес коронную фразочку. Под которой и я подписываюсь...

– Ну?

– А фразочка была такая: папа, кажется, я знаю, где броневик...

Красноярск, 2008 г.

notes

Примечания

1

Холодное оружие (обиходное выражение).